

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»

На правах рукописи

ТОРУБАРОВА Ирина Ивановна

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
НАУЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА

(на материале англоязычных и русскоязычных статей)

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
СТЕБЛЕЦОВА Анна Олеговна

Тверь 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Академический дискурс и научный медицинский текст: взаимосвязь концепций и подходов к изучению.....	17
1.1. Эволюция понятия «дискурс» в отечественной и зарубежной лингвистике на рубеже 20-21 веков.....	17
1.2. Академический дискурс в современной дискурсологии.....	21
1.3. Научный медицинский текст в контексте глобального академического дискурса.....	30
1.3.1. Современные концепции научного текста.....	30
1.3.2. Научный медицинский текст: профессиональный, дидактический и публикационный аспекты	35
1.4. Научный медицинский текст в парадигме медицинской лингвистики	42
Выводы по главе 1.....	48
Глава 2. Академичность научных медицинских статей как отражение лингвокультурной специфики текста.....	51
2.1. Сопоставительные исследования дискурса и текста как способ выявления лингвокультурной специфики.	51
2.2. Академичность научного медицинского текста: понятие, определение, признаки.....	54
2.3. Академичность как объект дескриптивно-сопоставительного анализа.....	62
2.3.1. Единицы дескриптивного анализа академичности.....	62
2.3.2. Дескрипторы количественного анализа академичности...	66
2.3.3. Процедура и этапы дескриптивно-сопоставительного анализа академичности.....	68
Выводы по главе 2.....	70

Глава 3. Академичность англоязычных медицинских текстов носителей английского языка (ААЯ тексты, корпус 1)	71
3.1. Количественные показатели академичности текстов корпуса 1.....	71
3.2. Качественные показатели академичности текстов корпуса 1.....	73
3.2.1 Средства реализации академичности на лексическом уровне.....	73
3.2.2. Средства реализации академичности на синтаксическом и грамматическом уровнях.....	75
3.2.3. Средства реализации академичности на стилистическом уровне.....	77
Выводы по главе 3.....	81
Глава 4. Академичность русскоязычных медицинских текстов носителей русского языка (РРЯ тексты, корпус 2)	83
4.1. Количественные показатели академичности текстов корпуса 2...	83
4.2. Качественные показатели академичности текстов корпуса 2.....	85
4.2.1 Средства реализации академичности на лексическом уровне.....	85
4.2.2. Средства реализации академичности на синтаксическом и грамматическом уровнях.....	87
4.2.3. Средства реализации академичности на стилистическом уровне.....	89
Выводы по главе 4.....	93
Глава 5. Академичность англоязычных медицинских текстов носителей русского языка (РАЯ тексты, корпус 3)	95
5.1. Количественные показатели академичности текстов корпуса 3....	96
5.2. Качественные показатели академичности текстов корпуса 3.....	98
5.2.1 Средства реализации академичности на лексическом уровне.....	98

5.2.2. Средства реализации академичности на синтаксическом и грамматическом уровнях.....	99
5.2.3. Средства реализации академичности на стилистическом уровне.....	100
Выводы по главе 5.....	103
Заключение.....	105
Список использованной литературы.....	117
Список использованных словарей.....	139
Список источников эмпирического материала.....	140
Корпус 1.....	140
Корпус 2	152
Корпус 3	168
Приложение А. Приёмы и средства реализации академичности в текстах корпусов 1, 2, 3	181

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация как процесс всемирной экономической, политической, культурной, социальной интеграции и унификации [Глебов, Милаева 2010] непосредственно затрагивает сферу фундаментальной науки, прикладных исследований, а также сферу высшего образования. Достижения в научно-технической сфере являются одним из главных двигателей развития глобализации в мире [Семёнова 2006]. В настоящее время эксперты говорят о существовании «общества знаний» и связывают появление данной терминологии с качественно новой ролью науки и технологий на современном этапе. Глобализация также оказывает значительное влияние на сферу науки и технологий в различных аспектах: трансляционный характер полученных знаний, финансирование научно-исследовательских разработок, формы и способы коммуникации в науке, методы подготовки научных кадров, способы и формы кооперации, международное сотрудничество. Транснациональный характер науки отмечал ещё А.П. Чехов, который считал, что «...национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения» [Чехов 1980: 59].

Современные филологические и лингвистические науки в силу своей гуманитарной природы играют важную роль при изучении языка в процессах глобализации, при анализе тенденций взаимовлияния и взаимопроникновения национальных языков и этнокультур в контексте мировых изменений. Поэтому именно академический дискурс как коммуникативная деятельность в науке и высшем образовании представляется наиболее показательной областью изучения современных лингвокультурных процессов. Международный академический дискурс пока ещё не является монолитным сплавом, где нет места национальным проявлениям и особенностям. Его скорее можно представить как подвижное мультикультурное пространство, куда стремятся получить доступ представители разных этнокультур, в том числе и посредством научных публикаций.

Ведущая роль английского языка в глобальном академическом дискурсе имеет двойственный характер. С одной стороны, *lingua franca* международной науки способствует открытости глобального академического сообщества,

одновременно создавая иллюзию всеобщей доступности. С другой стороны, английский язык служит надёжным «входным фильтром», отсеивающим потенциальных участников международного академического обмена по уровню коммуникативной компетенции. Эти факторы определяют актуальность проблематики нашего исследования, которое посвящено изучению лингвокультурной специфики научного текста, являющейся основным продуктом письменного модуса глобального академического дискурса.

Актуальность выявления и описания лингвокультурной специфики научного текста обусловлена рядом факторов, представленных ниже.

Интернационализация высшего образования и науки, происходящие на фоне экспансии английского языка в национальные культуры, были неоднократно описаны в лингвистических работах [Crystal 2003; Swales 1988; Hamel 2007; Mauranen et al. 2016; Flowerdew, Peacock 2001; Hyland 2009, 2010]. Распространение английского языка как основного средства общения в академических и образовательных кругах оказывает непосредственное влияние не только на устную академическую коммуникацию, но и на научный текст – основной посредник в продвижении научных достижений за пределы национальных границ.

Владение английским языком становится ключевым профессиональным навыком в академических сообществах. Академическая репутация и международное признание ученых во многом зависят от их англоязычных публикаций. И действительно, результаты исследовательской деятельности приобретают широкую известность только в том случае, если они опубликованы в международных изданиях, большая часть которых издаётся на английском языке.

Однако профессиональное владение английским языком в сфере научных публикаций предполагает не просто высокий уровень английского языка вообще, но осознание и использование особого речевого стиля в письменном модусе международного научного дискурса – академического английского языка или английского для академических целей. Именно такая компетентность позволяет автору научной публикации создавать текст, соответствующий критериям *академичности*. При этом понятие *академичности* может различаться от культуры к

культуре, представители которой неизбежно привносят в текст национальные традиции изложения научного материала, а также нормы и представления о том, каким должен быть текст академического дискурса. И если эти представления входят в противоречия с нормами ожиданий других участников дискурсивного сообщества, например, редакторов или рецензентов международных научных журналов, то это может привести к серьезным сбоям в международной академической коммуникации.

Таким образом, **объектом** настоящего исследования стала *академичность* научного текста – сложный комплексный феномен, который позволяет всем участникам дискурса воспринимать текст как адекватный, конвенциональный и приемлемый продукт академического дискурса; позволяет всем участникам дискурса осознавать свою принадлежность к глобальному академическому сообществу. Академичность, на наш взгляд, это одна из основных стилеобразующих характеристик письменного научного дискурса, которую следует рассматривать не просто как маркер принадлежности к формальному регистру речи или тональности дискурса, но и как комплексную лингвостилистическую характеристику, отражающую лингвокультурные особенности научного текста. Именно лингвокультурная специфика научного медицинского текста стала **предметом** нашего исследования.

Хотя проблема академичности как сложной категории научного стиля речи затрагивалась в отдельных исследованиях [Поспелова 2012; Fryer 2012; Mendis 2010 и др.], она далека от полного освещения как в аспекте дисциплинарной вариативности, так и в аспекте способов реализации академичности в современном научном дискурсе в целом. Поэтому уже на этапе сбора материала нами была выдвинута **гипотеза** о лингвокультурном потенциале академичности. Мы предположили, что при универсальности самого понятия академичности для письменного научного дискурса, лингвостилистические средства её реализации могут по-разному проявляться и интерпретироваться в англоязычных и русскоязычных научных текстах, что должно свидетельствовать об их лингвокультурной специфике.

Поэтому **целью** настоящего исследования является выявление и анализ лингвокультурных особенностей реализации академичности в научном медицинском дискурсе.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач**:

- определить роль и место научного медицинского текста в контексте глобального академического дискурса;
- обосновать понятие академичности научного медицинского текста, уточнить его содержательный объём, свойства и параметры, обуславливающие его прагматический потенциал;
- определить спектр лингвостилистических средств и приёмов реализации академичности в английском, русском и англоязычном корпусах научных медицинских статей;
- разработать процедуру дескриптивно-сопоставительного анализа, определить единицы и дескрипторы, методы количественного и качественного анализа, параметры сопоставительного описания;
- провести последовательный дескриптивный анализ английских медицинских статей англоязычных авторов, русских медицинских статей, англоязычных медицинских статей русскоязычных авторов в соответствии с разработанной процедурой;
- провести сопоставление результатов количественного и качественного анализа, полученные по каждому из трёх корпусов;
- установить универсальные и специфичные лингвокультурные средства реализации академичности в научном медицинском тексте;
- представить лингвокультурную специфику англоязычного и русскоязычного текста научной медицинской статьи.

Теоретико-методологическую базу исследования составили:

научные труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвящённые функциональным стилям языка (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, М.Н. Кожина,

Фердинанд де Соссюр, Т. Б. Трошева, Е. А. Баженова, В. А. Салимовский, Л. Р. Дускаева, Н. В. Данилевская и др.);

научные труды по теории и практике функционирования дискурса (В.И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова, В.Е. Чернявская, Т.Н. Хомутова, Е.Ф. Киров, Л.А. Кочетова, А.О. Стеблецова, В. Лабов, Дж. Гумперц, Д. Хаймс, М. Сэвилл-Тройке и др.);

исследования в сфере академического дискурса (Н.А. Антонова, Н. В. Гаврилова, Е. В. Добренькова, Т. В. Ежова, Е. А. Жителива, В. Д. Калинина, В. И. Карасик, И. К. Кириллова, Н. А. Комина, О. В. Лутовинова, М. Л. Макаров, Д. В. Макарова, Е. В. Михайлова, Ю. А. Носар, М. Ю. Олешков, И. В. Певнева, К. С. Ращупкина, Е. М. Ручкина, П. В. Силаев, Т. А. Филоненко, И.П. Хутыз, А. Канагараджа, Е. Лафуенте-Милан, П. Мур-Дуэньяс, Р. Лоре-Санс, И. Васкес-Орта, И. Гилльем-Гальве, К. Флоттум, Т. Дал, Т. Кинн, А.М. Гьестал, Моника М. Марта, Е.Т. Волд, К. Ци, Л. Лью, Х. Фартуси, Ф. Перлас Думаниг, К. Хайланд, Г. Болден, А. Мауранен, Р. Каплан, У. Коннор, Тен А. ван Дейк);

работы по теоретическим и методическим аспектам преподавания английского для академических и исследовательских целей (Дж. Свейлз, К. Хайланд, Л. Хэмп-Лайонз, Э. Джиллет, В. Бхатия, Э.Дж. Девитт, П.С. Робинсон, Р.С. Йорки, Дж.Б. Хитон, Б. Коффи и др.);

исследования проблематики медицинского дискурса (Л.С. Бейлинсон, В.В. Жура, Е.А. Костяшина, Ю.В. Рудова, С.В. Майборода, И.Ф. Шамара, К.А. Керер, Т.В. Кочеткова, М.И. Барсукова, Е.А. Ремпель, А.Я. Рамазанова, С.И. Маджаева, Л.М. Касимцева и др.);

исследования языковых особенностей научных текстов (М.Н. Кожина, И.Б. Короткин, Н. Л. Никульшина, А. Г. Мартынова, О. Д. Митрофанова, Т. В. Мордовина, В. Е. Чернявская, А. Р. Валеева, А.А. Билялова, и др.),

работы по клинической коммуникации (Дж. Скелтон, Дж. Биван, С. Гринфилд, П. Хоббс, Е. Гюлих, Л. Карониа, А. Шиерегато, М. Саглиетти, Дж.Е. Боннин, Ф. Макагно, С. Биджи и др.);

исследования в сфере образовательного медицинского дискурса высшей школы (С. Мичич, Н. Милославлевич, М. Готти, Ф. Салагер-Мейер, А.Ф. Пластина, Х. Векеманс, Д. Кантц, И. Маренци, Т. Канзиани и др.);

работы по языку медицины и медицинской терминологии (Е.В. Бекишева, З.Р. Палютина, Б. Джуганова, К. Садег-Задех, Р.В. Хенрик и др.);

труды в области сопоставительных исследований (О.А. Леонтович, И.А. Стернин, М.А. Стернина, А.О. Стеблецова, П. Фауре, П. Смит, Ф.А. Алмейда, Ф. Хелал и др.).

Материал исследования. В качестве материала исследования были выбраны оригинальные научные медицинские статьи на английском и русском языках, опубликованные в ведущих медицинских журналах в течение последних десяти лет. Тексты статей были распределены по трём корпусам.

Корпус 1 составили оригинальные полнотекстовые научные статьи на английском языке, написанные англоязычными авторами. В дальнейшем тексты этого корпуса обозначены как ААЯ тексты. Общее количество ААЯ текстов корпуса 1 составило 100 единиц (451254 слова, 19004 предложений); они были опубликованы в 2006-2021гг. в медицинском журнале *European Journal of Epidemiology* издательства Elsevier. Импакт-фактор журнала – 7,023. Заголовки, подзаголовки, оглавление, подписи к таблицам, рисункам и диаграммам были исключены из материала анализа.

Корпус 2 составили полнотекстовые статьи, опубликованные русскоязычными авторами в научно-практическом рецензируемом журнале «Бюллетень Сибирской медицины/ *Bulletin of Siberian Medicine*» в 2016-2020 году на русском языке. В дальнейшем тексты этого корпуса обозначены как РРЯ тексты. Журнал включён в Перечень периодических научных и научно-технических

изданий, выпускаемых в РФ, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук (Перечень ВАК, редакция 01.12.2015), российские и международные базы данных (РИНЦ (RSCI; Science Index), Киберленинка, DIRECTORY OF OPEN ACCESS JOURNALS, Web of Science (WoS) (ESCI) с 2016 года, Scopus с 2018 года). Он имеет междисциплинарный характер (рубрики журнала соответствуют номенклатуре медицинских и биологических специальностей: Биофизика, Молекулярная биология, Биохимия, Молекулярная генетика, Математическая биология, Акушерство и гинекология, Внутренние болезни, Кардиология, Педиатрия, Онкология, Гематология и переливание крови и др.). Журнал издаётся Сибирским государственным медицинским университетом с 2001 г. по настоящее время. Импакт-фактор РИНЦ журнала в 2018 г. составил 0,503. Издание представляет полные тексты статей в печатной и электронной онлайн-версиях. Количество исследуемого материала составило 103 статьи, 14059 предложений, 267194 слов.

Корпус 3 составили тексты статей русскоязычных авторов, созданные на английском языке и опубликованные в 2016-2021 гг. в International Journal of Biomedicine. В дальнейшем тексты этого корпуса обозначены как РАЯ тексты. Журнал предоставляет открытый доступ к полнотекстовым версиям статей, публикуемых в печатном и цифровом форматах, индексируется в Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Directory of Open Access Journals (DOAJ), The British Library, Web of Science, RSCI и др. Импакт-фактор РИНЦ в 2018 составил 0,230. Рубрики журнала представлены следующими разделами: Dentistry, Drug Development and Rational Use of Drugs, Basic Research, Problems of Pediatrics, Clinical Research, Modern Medical Equipment, Experimental Medicine, Point of View, From the Editor, Review, Clinical and Basic Research, публикуемые статьи посвящены научным исследованиям по радиологии, кардиологии, психиатрии, стоматологии, гистологии, онкологии и др. Количество исследуемого материала составило 97 статей, 12497 предложений, 210003 слова.

Методы исследования. В соответствии с целью и задачами исследования основным методологическим подходом стал *дескриптивно-сопоставительный*

анализ текста. В работе использовались индуктивный метод, дескриптивно-аналитический метод и метод сравнительного анализа. В целях количественной обработки данных и для статистического анализа текста использовалась программа Compleat Lexical Tutor v.8.3, программы ЗнакоСчиталка v.2 и MS Word 2016. Процедура анализа состояла из трёх этапов: (I) предварительного, (II) дескриптивного и (III) сопоставительного.

Научная новизна исследования заключается в попытке выявления и изучения лингвокультурной специфики через призму академичности научного медицинского текста. Впервые текст научной медицинской статьи оказался в фокусе дискурсивно-сопоставительного исследования, в ходе которого были продемонстрированы лингвостилистические средства и приёмы, специфично реализующие академичность в текстах англоязычных и русскоязычных медицинских статей.

Теоретическая значимость работы заключается в обосновании понятия «академичность» научного медицинского текста, определении её универсальных качеств и лингвостилистических средств реализации в тексте. Теоретически значимым является репрезентация лингвокультурного потенциала академичности научного текста посредством выявления лингвостилистических средств и приёмов её дискурсивно-текстовой реализации. Совершенствование методики дескриптивно-сопоставительного анализа за счет введения количественных дескрипторов «коэффициент лексического разнообразия», «лексическая плотность», «лексический охват», «коэффициент объективизации», «коэффициент категоричности», «критерий многословности» также является существенным теоретическим дополнением в методологию сопоставительных исследований.

Практическая значимость работы определяется полученными результатами, раскрывающими лингвокультурные особенности научного текста. Для участников глобального академического дискурса, пишущих на неродном английском языке, например, российских учёных, осознание этих особенностей будет способствовать более ясному пониманию лингвокультурных норм целевого языка и дискурса, а также снятию определённых коммуникативных барьеров на

пути международных публикаций, например, смягчения национального «академического акцента».

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Академичность — это сложный многоаспектный феномен, сущностными параметрами которого являются объективность, формальность, точность, сложность. В текстовой реализации академичности участвуют разноуровневые языковые средства и приёмы, сочетание которых маркирует текст как принадлежащий к академическому дискурсу, что делает академичность универсальной характеристикой.
2. Дискурсивная реализация академичности является отражением лингвокультурной специфики научного текста. Лингвостилистические средства и приёмы, используемые представителями разных лингвокультур в научном тексте, могут особым образом воплощать конвенции академического стиля и внутренней организации научного текста, обладающие национальной спецификой.
3. Сложность, объективность, формальность и точность как сущностные параметры академичности в медицинском тексте реализуются посредством формального вокабуляра, общенаучных и специальных терминов, абстрактных существительных и номинативных групп (noun groups), безличных предложений, конструкций страдательного залога, частотности употребления местоимений 1-го лица, употребления хедж-маркеров и лингвостилистических повторов.
4. Лингвокультурная специфика научного текста проявляется в использовании лингвостилистических средств и приёмов академичности в научном медицинском тексте, что обуславливает возможность их использования в качестве единиц дескриптивно-аналитического анализа. Дескрипторами количественного анализа являются коэффициент лексического разнообразия, лексическая плотность, лексический охват, коэффициент объективизации, коэффициент категоричности, критерий многословности.

5. Лингвокультурная специфика научного медицинского текста, созданного англоязычными авторами на английском языке (ААЯ) (или академичность в англоязычном дискурсе), проявляется в лексико-стилистическом минимализме, активном использовании местоимений 1-го лица для выражения авторского мнения, активном употреблении лексических, синтаксических и смешанных повторов, конструкций в пассивном залоге, безличных предложений и хедж-маркеров для реализации формальности, объективности, сложности, точности как компонентов академичности.
6. Лингвокультурная специфика научного медицинского текста, созданного русскоязычными авторами на русском языке (РРЯ) (или академичность в русскоязычном дискурсе), проявляется в наличии большого количества прилагательных, особенностях употребления номинативных групп (многосложных цепочек существительных в родительном падеже), наличии значительного количества когнатов и слов с иноязычными элементами, низкой частотности употребления местоимений 1-го лица, использовании разнообразных языковых средств для реализации формальности, объективности, сложности, точности как компонентов академичности.
7. Научный медицинский текст, созданный русскоязычными авторами на английском языке (РАЯ), отражает особенности русской лингвокультуры, то есть имеет национальный «академический акцент». Русский «академический акцент» проявляется в использовании номинативных групп с цепочками существительных в родительном падеже, неактивном употреблении местоимений 1-го лица, низкой частотности употребления лексико-стилистических повторов и хедж-маркеров.

Апробация и публикации. Апробация работы состоялась в виде докладов на научных конференциях: III всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, Россия, февраль 2017), III международной научно-практической конференции «Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические

аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе» (Омск, Россия, май 2017), 3-ей международной конференции «Английский язык в здравоохранении» Европейской ассоциации преподавателей иностранных языков для медицинских целей (The 3rd International English for Healthcare Conference, EALTHY) (Берн, Швейцария, октябрь 2017), международной научно-образовательной конференции, посвящённой 83-летию Курского государственного медицинского университета и 25-летию международного факультета КГМУ «Опыт и перспективы развития экспортного потенциала медицинских вузов России» (Курск, Россия, февраль 2018), международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в зеркале перевода» (Воронеж, Россия, декабрь 2018), 4-ой международной конференции «Английский язык в здравоохранении» Европейской ассоциации преподавателей иностранных языков для медицинских целей (The 4th International English for Healthcare Conference, EALTHY) (Валенсия, Испания, октябрь 2019), II международной научно-практической конференции «Иностранные языки в здравоохранении: современные тенденции и перспективы» (Воронеж, Россия, апрель 2020), VIII международной научно-практической и образовательной конференции «Медицинский дискурс: вопросы теории и практики» (Тверь, Россия, апрель 2020), XI международной научно-практической конференции «Перевод. Язык. Культура» (Санкт-Петербург, Россия, май 2020), 4-ой международной конференции «(Пересмотр) рассмотрение основополагающих принципов и оценка точек соприкосновения между ESP/LSP/GE (The 4th International ESP Conference “(Re)considering the Foundation Principles and Assessing the Common Grounds between ESP/LSP/GE”)» (Ниш, Сербия, июль 2020), международном научном форуме «Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта» (Москва, Россия, ноябрь 2020), III международной научно-практической конференции «Иностранные языки в медицинском образовании» (Воронеж, Россия,

декабрь 2020), XII общероссийской конференции с международным участием «Неделя медицинского образования – 2021»: сателлитном симпозиуме "Обучение языку для специальных целей в медицинских вузах России: потенциал общего образовательного пространства в контексте цифровизации" (Москва, Россия, март-апрель 2021), IX международной научно-практической и образовательной конференции «Медицинский дискурс: теория и практика» (Тверь, Россия, апрель 2021), 5-ой международной конференции LSPSIG IATEFL «Язык – Профессия – Наука – 2.1» (Fifth International Conference LSPSIG IATEFL «Language – Profession – Science – 2.1») (Белград, Сербия, апрель 2021), учебно-методической конференции «Современные аспекты преподавания фундаментальных дисциплин студентам медицинских специальностей» (Воронеж—Ош, Россия—Киргизия, май 2021) с последующей публикацией материалов, на заседании кафедры английской филологии Тверского государственного университета.

По теме диссертационного исследования опубликовано 13 статей общим объёмом 9,2 п.л., 4 из которых — в изданиях, включённых в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК МОН РФ, 4 — в изданиях, индексируемых в Scopus и Web of Science.

Объём и структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы, списка использованных словарей, списка источников эмпирического материала, одного приложения.

Глава 1. Академический дискурс и научный медицинских текст: взаимосвязь концепций и подходов к изучению

1.1. Эволюция понятия «дискурс» в отечественной и зарубежной лингвистике на рубеже 20-21 веков

Понятие дискурса возникло и существует уже давно, однако, по-прежнему, активно обсуждаются различные точки зрения, идеи и методы для анализа дискурса. В российской лингвистической традиции понятие «дискурс» долгое время соотносилось по смыслу с понятием «текст», поскольку на первый план выдвигался лингвистический аспект термина; термин «дискурс» развивался в рамках теории лингвистики текста. С течением времени определение дискурса в лингвистической науке вышло за пределы текста и стало включать в себя описание ситуации, в которой этот текст существует.

Исторически в отечественной лингвистике процесс изучения дискурса начинается с работ основоположников отечественного языкознания – М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, М.Н. Кожиной. Еще М.М. Бахтин подчёркивает многообразие и разнородность устных и письменных речевых жанров, выделяя среди них «многообразные формы научных выступлений», и говорит о наличии определённой функции и определённых условий для каждой сферы речевого общения [Бахтин 2012: 238]. Основоположник отечественного языкознания академик В.В. Виноградов обращает внимание на тот факт, что в различных сферах общения существуют исторически сложившиеся «коммуникативно-целесообразные» системы средств выражения, которые он называет функциональными стилями языка [Виноградов 1981]. М.Н. Кожина была одной из первых, кто обратился к изучению вопросов функционирования языка и обоснованию коммуникативной лингвистики. В 60-е годы прошлого столетия она создала научную школу и поставила задачу определить специфику функциональных стилей как речевых систем, обусловленных экстралингвистическими факторами. Её идеи нашли продолжение в работах её учеников – представителей пермской школы функциональной стилистики: Т.Б.

Трошевой, Е.А. Баженовой, В.А. Салимовского, Л.Р. Дускаевой, Н.В. Данилевской и др. [Баженова, Котюрова 2016].

Многие российские лингвисты в своих работах обращались к понятию дискурса. В.И. Карасик определял дискурс как «текст, погружённый в ситуацию общения» со «множеством измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении, содержащий в том числе прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический аспекты [Карасик 2000: 5].

Н.Д. Арутюнова, анализируя дискурс, подчёркивала, что это явление не статичное, а развивающееся, это «речь, погружённая в жизнь». Она определяла дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» и говорила о необходимости учитывать все эти аспекты при анализе дискурса [Арутюнова 1990: 136]. Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова определяли текст как конечный результат процесса речевой деятельности, а дискурс как когнитивный процесс, результат речевого произведения [Кубрякова, Александрова 1999].

В.Е. Чернявская в своих работах неоднократно обращалась к толкованию категорий «стиль», «текст», «дискурс» с целью филологического анализа научного текста [Чернявская 2001, 2009, 2010, 2017]. Дискурс определяется ею как «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Чернявская 2014: 135].

Е.Ф. Киров рассматривал дискурс как совокупность письменных и устных текстов, созданных на определённом языке, существующих в рамках той или иной культуры, т.е. текст и ситуация его создания и актуализации являются единым целым [Киров 2003].

Таким образом, очевидно, что постепенно в российском языкознании нивелируется тождественность понятий «дискурс» и «текст», при определении дискурса выделяется и учитывается главный признак дискурса, проявляющийся в процессе коммуникации, — динамичность — и между дискурсом и текстом

устанавливаются взаимоотношения «целое — часть»; дискурс выходит за пределы сферы исключительно лингвистических исследований и становится социально-коммуникативным явлением, обладающим своей функциональной спецификой.

В зарубежном языкознании традиционно считается, что анализ дискурса берет свое начало в работах Фердинанда де Соссюра [De Saussure 2011], который в своём «Курсе общего языкознания» указывал на функциональную разницу между языком как языковой системой, обеспечивающей структуру любого высказывания, и реальными высказываниями, произнесёнными людьми в определённых ситуациях.

В отличие от российской школы языкознания в западноевропейской и американской лингвистической традиции дискурс изначально являлся сферой интересов социолингвистов. Именно поэтому в зарубежном языкознании изначально существуют два основных направления, занимающихся анализом дискурса – это лингвистический анализ (*linguistic-based analysis*) и культурно или социально обоснованные дискурсивные практики (*culturally or socially based discursive practices*) [Budd 2006].

Лингвистические подходы к анализу дискурса связаны с социолингвистикой и работами В. Лабова [Labov 1973], Дж. Гумперца и Д. Хаймса [Gumperz, Hymes 1972] и др.

Дж. Гумперц и Д. Хаймс [Gumperz, Hymes 1972] и М. Сэвилл-Тройке [Saville-Troike 1989] обсуждают «этнографию коммуникации», которая является социолингвистическим методом. В нём используются понятия «речевые события» и «коммуникативные события», в которых участвуют члены «речевых сообществ».

Социолингвистика начинается с идеи, что язык находится в социальном положении и использует эмпирические данные, встроенные в его социальный контекст и извлекающие объяснительную силу из этого контекста [Halliday 1978]. Н.П. Мелисса Джонсон и Е. Маклин считают, что анализ дискурса – это область исследований, состоящая из множества разнородных, в основном качественных, подходов к изучению отношений между используемым языком и социальным миром [Johnson, McLean 2020]. Исследователи этой области обычно

рассматривают язык как форму социальной практики, которая влияет на социальный мир, и наоборот. Многие современные разновидности дискурс-анализа явно или неявно испытали влияние теорий Мишеля Фуко, связанных с властью, знанием и дискурсом [Фуко 1996]. Отчасти работа Фуко помогла стимулировать больший интерес к исследованию роли языка в производстве и поддержании знаний [Johnson, McLean 2020].

По мнению Й. Ангермуллера, в научных исследованиях дискурс обычно рассматривается как социальная практика общения участников посредством языковых и других семиотических ресурсов в определённых контекстах. Исследователи в этой области часто настаивают на конститутивном характере дискурса социальных реальностей, структур и субъективностей. Учёный обращает внимание на то, что существуют как теории дискурса (например, постструктуралистские, делиберативные, критические реалистические направления), так и более эмпирические подходы к анализу дискурса (например, семантические и прагматические, качественные и количественные направления) [Angermuller 2015].

И. Ортега-Алькасар заявляет о том, что анализ дискурса основан на критике реалистического подхода к языку. Дискурсы состоят из серии связанных утверждений (визуальных и/или текстовых), относящихся к определённой теме. Они создают авторитетный язык для обсуждения этой темы, что имеет реальные последствия. Другими словами, дискурсы формируют то, как понимается конкретная проблема, и это понимание формирует то, как мы действуем. Анализ дискурса не обращается к текстам как к источнику фактов или доказательств по определённой теме. Автор пытается понять, что утверждают тексты как «истину» и как это утверждение формирует социальный мир [Ortega-Alcázar 2012].

Мэри К. Болин в своей работе «Научная библиотека 21-го века» (*The 21st Century Academic Library*) приходит к выводу, что дискурсивный анализ используется во многих областях и имеет множество подходов, методов и структур, но обычно фокусируется на лингвистических подходах и ограничивается

анализом письменных текстов; эти концепции глубоко и подробно исследуются в работе [Bolin 2018].

Таким образом, развиваясь параллельно, российское и зарубежное направления в лингвистике приходят к сходному выводу в отношении дискурса и анализа дискурса: дискурс – это динамичное экстралингвистическое явление, существующее в рамках коммуникативной деятельности, имеющее функциональную специфику в зависимости от своего «социального положения». Дискурс — это единство текста и коммуникативной ситуации.

Как отмечает А.О. Стеблецова, в отечественном и зарубежном языкознании сложились определённые практики изучения дискурса в различных сферах профессиональной деятельности, включая медицину и сферу здравоохранения, научный, или академический, дискурс, «как на уровне отдельных коммуникативных ситуаций, сценариев, жанров, так и на уровне общих идеологических, аксиологических процессов, регулирующих дискурсивное взаимодействие в институциональных рамках» [Стеблецова 2001: 10]. Следуя сложившейся традиции изучения дискурса предметных или профессиональных отраслей, мы можем говорить об академическом (научном, педагогическом, образовательном) дискурсе, который сформировался как сфера научной и образовательной коммуникативной деятельности.

1.2. Академический дискурс в современной дискурсологии

В отечественной лингвистике академический дискурс изучался и был представлен в трудах таких отечественных учёных-лингвистов, как Н.А. Антонова, Н.В. Гаврилова, Е.В. Добренькова, Т.В. Ежова, Е.А. Жителева, В.Д. Калинина, В.И. Карасик, И.К. Кириллова, Н.А. Комина, Л.А. Кочетова, О.В. Лутовинова, М.Л. Макаров, Д.В. Макарова, Е.В. Михайлова, Ю.А. Носар, М.Ю. Олешков, И.В. Певнева, К.С. Ращупкина, Е.М. Ручкина, П.В. Силаев, Т.А. Филоненко, И.П. Хутыз и других. Рассмотрим работы отдельных авторов более подробно, как имеющие важное значение для данного исследования.

В.И. Карасик на основании жанрово-стилистических разновидностей выделяет личностный и институциональный дискурсы. Главным признаком институционального дискурса является «статусно-ориентированное общение»; в современном обществе, по мнению В.И. Карасика, можно наблюдать политический, педагогический, религиозный, медицинский, научный, юридический, рекламный, военный, дипломатический и другие разновидности дискурса, отражающие специфику соответствующего социального института [Карасик 2015: 147]. В.И. Карасик выделил параметры, присущие любому виду дискурса, в том числе, и академическому дискурсу, следуя которым, можно дать описание этого дискурса: участники, «хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы» [Карасик 2004: 251].

Е.В. Добренькова исследовала образовательный дискурс как пример социокультурной практики, регулирующей общественное сознание и поведение больших социальных групп. Учёный в своей работе даёт обоснование социологической категории «образовательный дискурс», проводит анализ образовательного дискурса для определения структуры, специфики функционирования дискурса как социального процесса, а также фактора, влияющего на формирование общественного сознания [Добренькова 2007].

А.А. Болдырева поднимает очень интересную проблему авторитетности в научном дискурсе и рассматривает её применительно к жанру диссертации. По мнению учёного, грамотно используя определённые дискурсивные маркеры авторитетности, можно воздействовать на создающееся у реципиента мнение (впечатление) о тексте и его авторе, т.е. автор выдвигает гипотезу о возможности управления степенью авторитетности научного дискурса [Болдырева 2006].

В отечественной лингвистике достаточно подробно разработана проблема учебного аргументативного дискурса, необходимо, в частности, упомянуть работы таких учёных как Н.А. Комина [Комина 2004], Ю.А. Носар [Носар 2002], В.Д. Калинина [Калинина 1999, 2002], Е.М. Ручкина [Ручкина 2009].

Для данного исследования интерес представляет работа Е.А. Жителевой, которая рассматривает аргументативный аспект академического дискурса в

ситуации учебной англоязычной коммуникации «преподаватель – студент». Исследование направлено на выявление ролевой специфики участников учебной аргументативной коммуникативной ситуации, условий функционирования английского аргументативного учебного дискурса на формальном и содержательном уровнях [Жителева 2004].

И.П. Хутыз рассматривает академический дискурс как широкое понятие, которое, в зависимости от целей и характера исследования, можно трактовать как институциональный, научный или дисциплинарный, а также специализированный дискурс [Хутыз 2015]. В другой своей работе автор проводит исследование письменного академического дискурса на материале англо- и русскоязычных научных статей и, сравнив структурные и дискурсивные особенности, делает вывод о том, что они очень сильно отличаются, в них проявляются такие культурные особенности, как связь с коммуникативным контекстом (автор говорит о «культуре высокого или низкого контекста»), взаимоотношения внутри научного сообщества («атрибуты индивидуалистичной или коллективистской культуры»), место науки в жизни обычных людей и мнение общества на этот счёт [Хутыз 2016: 128].

В зарубежной лингвистике большинство исследований академического дискурса напрямую связано с понятием Английский для академических целей (English for academic purposes).

Уже в 80-е гг. прошлого века Дж. Свейлз использовал понятие «English as an international language» (английский как международный язык, или международный английский) и назвал современный период эпохой всевозрастающего доминирования английского языка [Swales 1988]. О возросшей роли английского языка в науке в целом свидетельствует тот факт, что авторитетные научные журналы напрямую связывают качество проведённого исследования с качеством его лингвистической презентации в публикации. Именно поэтому журналы таких издательств, как «Springer» и «Elsevier», дают обстоятельные рекомендации в инструкциях для авторов о жанрово-стилистических нормах публикации [Author...https; Guide... https]. По данным 2018 из 27000 журналов, включённых в

Web of Science indices, 18000 публикуется на английском языке [Curry, Lillis 2018]. Если говорить о научных исследованиях в медицине, в частности, то можно, во-первых, привести в пример недавнюю работу Д. Йонеока и Е. Ота [Yoneoka, Ota, 2017], результаты которой наглядно демонстрируют взаимосвязь между лингвистическими характеристиками научной статьи и качеством рандомизированного контролируемого исследования. Более того, Кристофер Бэтджи в своей статье приводит следующий факт: в 1879 г. 284 журнала Index Medicus были опубликованы на английском языке и 201 - на немецком; в 2007 году Medline база данных онлайн-журналов, выросшая из Index Medicus, включала в перечень только 98 журналов на немецком языке и 4609 журналов на английском языке [Baethge 2008].

Решению практических задач международной научной коммуникации отвечает английский для академических целей или English for Academic Purposes (EAP) – отрасль прикладной лингвистики, которая за последние 25 лет стремительного развития заняла ведущее место в преподавании английского языка и научных исследованиях [Hyland, Hamp-Lyons 2002]. Её выделение из более широкой дисциплины, английского для специальных целей (English for Specific Purposes – ESP), произошло на фоне активного развития науки и академического взаимодействия в мировом масштабе, иными словами, глобализации научных исследований и, как следствие, потребности в универсальном или стандартизированном языке-посреднике. Английский для академических целей называют эклектичной и прагматичной дисциплиной [Hamp-Lyons 2011], поскольку она объединяет широкий спектр лингвистических и методических предметов, и рассматривает многие академические или образовательные проблемы с точки зрения их потенциального вклада в английский для академических целей.

Мы разделяем точку зрения учёных, считающих, что теоретические основы для выделения EAP в самостоятельную дисциплину были заложены Дж. Свейлзом, который в своей работе «Анализ жанров» предложил модель Create a Research Space (CARS), описывающую речевые обороты, типичные для использования в научных статьях, а также поставил цель – создание метода обучения английскому

для академических и исследовательских целей [Swales 1990]. Эти теоретическое и методическое направления, заданные учёным в конце прошлого века, в настоящее время активно развиваются в работах В. Бхатии, Э.Дж. Девитт, Э. Джиллета, Л. Хэмп-Лайонс, К. Хайланда, и др.

П.С. Робинсон ещё в 1980 году использует термин English for Academic Purposes (EAP) и считает его малоосвоенной сферой в рамках изучения English for Specific Purposes (ESP). Она синонимично использует понятия EAP и «навыки обучения» (study skills) и определяет их как способ обучения в англоязычной среде независимо от предмета исследования [Robinson 1980]. В работе *Longman dictionary of applied linguistics* дается более широкое толкование термина «навыки обучения»: способности, методы и стратегии, которые используются при чтении, письме или аудировании в учебных целях. Например, для студентов университетов, изучающих дисциплины на английском языке, необходимы следующие навыки обучения: корректировать скорость чтения в соответствии с типом читаемого материала, использовать словарь, угадывать значение слова из контекста, интерпретировать графики, диаграммы и символы, делать заметки и обобщать [Richards, Platt, Weber 1985]. Ранее в 1970 Р.С. Йорки (Yorkey) был предложен подход, «ориентированный на навыки обучения» (study skills orientation), для иностранных студентов, изучающих английский язык: автор включил в данный процесс не только практические упражнения по чтению и письму, но также умение пользоваться словарем, расширение вокабуляра, умение делать записи/заметки, пользоваться библиотекой и готовиться к экзаменам [цит. по: Jordan 1997]. Дж.Б. Хитон добавил к этому списку процесс организации обучения, изучения и запоминания и методики исследования [Heaton 1975]. В работе Б. Коффи даётся очень сжатое и точное определение цели EAP как инструмента, который призван удовлетворить потребности обучающихся в быстром и экономном использовании английского языка для прохождения курса академического обучения [Coffey 1984].

В своей работе К. Хайланд и Л. Хэмп-Лайонс приводят определение, в котором EAP определяется просто как изучение английского языка для того, чтобы

облегчить процесс обучения и исследовательскую работу на этом языке [Hyland, Hamp-Lyons 2002]. Однако, даже из такого простого определения следует, что ЕАР необходимо рассматривать и с точки зрения лингвистического знания, и как инструмент научных исследований и изысканий, посредника специфического общения между людьми в академическом контексте. Это, в свою очередь, означает обучение основам социальных и лингвистических требований в рамках конкретных научных дисциплин. Только таким образом практикующие специалисты смогут освоить новые виды академической грамотности и развивать коммуникативные навыки, необходимые для участия в специальных академических и культурных контекстах [Flowerdew, Peacock 2001; Jordan 1997].

В зарубежной лингвистике проблемам академического дискурса посвящены работы многих учёных: А. Канагараджа, Е. Лафуенте-Милан, П. Мур-Дуэньяс, Р. Лоре-Санс, И. Васкес-Орта, И. Гилльем-Гальве, К. Флоттум, Т. Дал, Т. Кинн, А.М. Гьестал, Моника М. Марта, Е.Т. Волд, К. Ци, Л. Лью, Х. Фартуси, Ф. Перлас Думаниг, К. Хайланд, Г. Болден, А. Мауранен, Р. Каплан, У. Коннор, Тен А. ван Дейк.

В 1980 году Тен А. ван Дейк указывает на актуальность дискурсивных исследований в образовании. Под исследованиями дискурса он понимает новое междисциплинарное поле между лингвистикой, поэтикой, психологией и социальными науками, занимающееся систематической теоретизацией и анализом дискурсов и их различных контекстов. По мнению автора, эта междисциплинарная дисциплина возникла естественным образом, как продолжение и объединение сходных интересов и проблем в данных дисциплинах. Так, в лингвистике было замечено, что использование языка нельзя полностью объяснить в контексте отдельных предложений. В литературоведении, всегда занимавшемся литературными дискурсами, требовались более явные модели дискурсивных структур для оценки конкретных литературных или риторических структур. Психология и искусственный интеллект в последнее время также заинтересовались процессами, лежащими в основе создания и понимания дискурса. Социология внесла большой вклад в изучение паттернов и стратегий разговора в социальном

взаимодействии, тогда как антропология имеет давнюю традицию анализа дискурса при изучении мифов, сказок, загадок и других ритуальных или культурных типов дискурса. Такое междисциплинарное исследование дискурса представляется актуальным в образовании, поскольку дискурсы играют в образовании первостепенную роль: большая часть учебного материала в школах и университетах состоит из текстов: руководств, учебников, инструкций, диалогов в классе и т. д. Поэтому, прежде всего, необходимо систематически анализировать структуры дискурсов, используемых в образовании, по стилю, содержанию, сложности и т. д. Очевидно, что серьезное понимание природы текстов и их контекста может привести к положительным результатам для применения в образовательной практике в целом и при изучении языка и коммуникации в школе и университетах, в частности. По мнению Тена А. ван Дейка, поскольку образование является преимущественно текстовым, более глубокое понимание природы текстовых структур и процессов является условием для лучшего понимания образовательных процессов [van Dijk 1980].

Если рассматривать академическое письмо с точки зрения его коммуникативных целей, определение, предложенное И. Аскехейвом и Дж. Свейлзом [Askehave, Swales 2001], представляется наиболее подходящим для охвата его двумерного характера: **академическое письмо - это социально обусловленный, сконструированный риторический артефакт, предназначенный для того, чтобы представить новые знания и убедить читателей в его (или их?) обоснованности.** В результате, авторы академических жанров не сосредотачиваются только на суждениях, но также используют межличностные и оценочные значения, чтобы инициировать взаимодействие писатель-читатель, необходимое для принятия новых утверждений. В контексте нашего исследования хотелось бы особое внимание обратить на работы отдельных авторов.

Одна из работ А. Мауранен посвящена проблеме взаимоотношений лингвистической культуры и лингвистических знаний и национальной культуры автора при создании научных текстов на английском языке. В ходе своего

исследования автор приходит к выводу, что в научных текстах два вида культуры сосуществуют в одно и то же время: национальная культура автора-создателя текста и его дисциплинарная культура, принадлежность автора к определённой научной дисциплине. По мнению автора, вторая преобладает над первой, поскольку главный посыл при создании научной работы – это обращение к коллегам-единомышленникам по научной отрасли. В такой ситуации некоторая «иностранность» (foreignness) в стиле, лексике или грамматике может не приниматься во внимание, если научные аргументы убедительны [Maaranen 1993].

В своем исследовании К. Флоттум, Т. Дал, Т. Кинн, А.М. Гьестал, Е.Т. Волд рассматривают вопрос, можно ли идентифицировать культурную принадлежность автора на материале научно-исследовательских статей, написанных в рамках различных дисциплин на разных языках, используя разного рода лингвистические манифестации. Авторы доказывают, что для того, чтобы установить сложную совокупность факторов, определяющих объективность и убедительность научного мнения исследователя (создателя научного текста) на фоне очевидных личностных проявлений, необходимо принимать во внимание как лингвистические, так и экстралингвистические факторы [Fløttum et al. 2008].

В исследовании Е. Лафуенте-Милан, П. Мур-Дуэньяс, Р. Лорес-Санс, И. Васкес-Орта рассматривается проблема межличностных взаимоотношений, возникающих в контексте письменного академического дискурса, а также то, как межличностный компонент проявляется и действует в разных контекстах. Было обнаружено, что позиция авторов научных статей, а также взаимоотношения между авторами и аудиторией проявляются по-разному в зависимости от специальности, в которой функционируют данные научные тексты, а также от социокультурного и прагматического контекста [Lafuente-Millán et al. 2010].

По мнению Моники М. Марта, академическое письмо - это широкий термин, который относится к процессу создания письменного дискурса в академической среде всеми его участниками. Таким образом, различные типы текстов, такие как книги, главы, исследовательские статьи, отчёты, обзоры, редакционные статьи, а также тезисы, диссертации или эссе для студентов, могут быть проанализированы

как академические жанры или поджанры. Каждый из них должен соответствовать определённой структуре и соблюдать общепринятые нормы и правила, которые отличают их от других видов письменного дискурса [Marta 2015].

Развитие концепции академического дискурса во многом связано с трудами британского лингвиста Кена Хайланда. В своей работе, посвящённой дисциплинарным дискурсам и социальным взаимоотношениям, возникающим при создании академических текстов, Кен Хайланд исследует отношения между культурами академических сообществ и их уникальными дискурсами. Опираясь на анализ дискурса, лингвистику корпуса и позицию профессионалов-членов академического сообщества, Кен Хайланд рассматривает, как учёные используют язык для организации своей профессиональной деятельности и выполнения интеллектуальных задач. Автор также считает, что дисциплинарные дискурсы представляют собой прекрасную базу для понимания взаимоотношений между авторами текстов и их аудиторией. Поскольку вопросы лингвистического и риторического выражения дисциплинарных условностей становятся всё более важными для преподавателей, студентов и исследователей, тщательный анализ дисциплинарных дискурсов делают их замечательным активом для научных исследований [Hyland 2004].

Кроме того, как отмечает К. Хайланд, в последние годы наблюдается рост интереса к интерактивному и риторическому характеру академического письма, расширяющему фокус исследования за пределы идейного измерения текстов или того, как они характеризуют мир, до способов их межличностного функционирования. Таким образом, представители академического сообщества не просто создают тексты, которые правдоподобно представляют внешнюю реальность, но должны использовать специальный язык, чтобы предложить достоверное представление о себе и своей работе, а также для признания и установления социальных отношений с читателями. Способность писателей контролировать уровень личности в своих текстах, заявлять о своей солидарности с читателями, оценивать материал и признавать альтернативные взгляды теперь признана ключевой чертой успешного академического письма [Hyland 2004].

В концептуальной работе *Академический дискурс* К. Хайланд уточняет и развивает точку зрения на дискурс в рамках научных дисциплин. По его мнению, дискурсивный анализ включает в себя широкий набор методов изучения языка в действии, рассматривая тексты в социальных контекстах, в которых они используются. Поскольку язык является неотъемлемой частью социальной жизни, это широкое определение интерпретировалось по-разному в социальных науках. Однако в академическом контексте это, как правило, методология, которая фокусируется на конкретных текстах, а не на институциональных социальных практиках. В частности, эта методология сосредоточилась на определённых академических жанрах, таких как исследовательская статья, презентация на конференции и студенческое эссе. Жанровый анализ можно рассматривать как более конкретную форму анализа дискурса, который фокусируется на любом элементе повторяющегося использования языка, включая грамматику и лексику. В результате жанровый анализ рассматривает тексты как репрезентативные для более широких риторических практик и, таким образом, может предложить описания и объяснения как текстов, так и сообществ, которые их используют. Одним из наиболее продуктивных применений дискурсивного анализа к академическим текстам было изучение лексико-грамматических закономерностей отдельных жанров для выявления их структурной идентичности. Анализ такого рода паттернов дал полезную информацию о способах построения текстов и о механизмах опознавания связных паттернов текстовых элементов [Hyland 2013].

1.3. Научный медицинский текст в контексте глобального академического дискурса

1.3.1. Современные концепции научного текста

Начало изучения научного стиля и научного текста в отечественной лингвистике связывают с именем М.Н. Кожинной, которая является основателем пермской лингвистической школы. Она разработала концепцию о функциональных стилях речи, создала понятие «стилистика-речевой системности» и стилевой нормы, предложила новые методы лингвистических исследований. Основные

положения её концепции были отражены в монографии «О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими» [Кожина 1972]. Идеи М.Н. Кожинной получили дальнейшее развитие в работах ее последователей.

М.П. Котюрова отмечает особое место научного текста как элемента социального общения. «Научное знание является основой научной речи, которая зафиксирована в форме текста. Знание является набором сведений, а не случайных фактов, которые объединены в процессе познания в определённую слаженную систему» [Котюрова 2012: 88]. М.П. Котюрова, говоря о тексте как о единице языковой системы, системы речи и системы общения, подчёркивает важность «информативно-смысловой основы» для понимания целого текста, т.е. экстралингвистическую сущность существования языка. Тогда, говоря о научном тексте, именно критерии его понимания как единицы общения будут представлять собой единство языковой и неязыковой стороны: семантический, коммуникативно-информативный, функционально-стилистический [Котюрова 2014].

В соответствии с системным подходом научный текст является сложно организованной системой субтекстов, в которых получает языковую реализацию онтологический, методологический, аксиологический, рефлексивный и прагматический компоненты познавательной деятельности учёного. Выявленные и описанные ранее субтексты нового и старого знания, оценки и др. формируют когнитивное содержание научного произведения [Баженова 2007].

Т.Н. Хомутова предлагает рассматривать научный текст, используя интегральный подход [Хомутова 2010а]. Её концепция научного текста представляет собой интегральную модель, состоящую из четырёх секторов: когнитивного, языкового, культурального и социального. Каждый сектор, по мнению исследователя, состоит из единиц, свойственных только ему, все они объединены в целостную систему и существуют взаимообусловлено и взаимозависимо. С этой точки зрения научный текст характеризуется специальным научным знанием (как элемент когнитивного сектора), специальным научным подязыком (как элемент лингвистического сектора), базируется на культурных ценностях того или иного народа и отличается специальной/профессиональной и

научной культурой (как элемент культурального сектора), а также социальным концептом (как элемент социального сектора), который реализуется через специальный дискурс и научный стиль в рамках коммуникации участников данного концепта. Именно коммуникативная деятельность объединяет четыре сектора в единое целое, а разделяются они исключительно для исследовательских целей [Хомутова 2010а, 2010б, 2011]. Данная точка зрения представляется наиболее полной и всесторонней теоретической концепцией, охватывающей различные подходы к анализу научного текста.

Если говорить о конкретных способах функционирования научных текстов, необходимо отметить, что они создаются с целью формирования определённой системы отражения действительности — описания предмета, явления, системы знаний, доказательства существования чего-либо: объекта, связи между объектами или отсутствия этой связи [Разинкина 2004: 212]. Научный текст в целом представляет собой результат научного исследования с характерными для него особенностями устной и письменной коммуникации [Арнольд 2005]. Интересна точка зрения Л.В. Ягенич, которая конкретизирует характеристики «современного письменного научного медицинского текста» следующим образом: *оформленность, жанровая принадлежность, информативная, стилистическая, содержательная, структурная завершенность, континуум, связность, интерпретационность, прагматика* [Ягенич 2018б].

В зарубежной лингвистике, как считают Дж.М. Свейлз и С.Б. Фик, нет единого определения для понятия «научный текст», для разных областей науки правила создания научных текстов отличаются, однако научный текст, по мнению авторов, это текст, обладающий, в том числе, определёнными универсальными характеристиками. Дж.М. Свейлз и С.Б. Фик утверждают, что каждый текст в академическом письме имеет свои организационные (структурные) шаблоны, только ему свойственную внутреннюю организацию. Для научного текста это организация информации с точки зрения проблемы и ее решения – *situation, problem, solution, evaluation* (ситуация, проблема, решение, оценка) [Swales, Feak

2012]. Далее авторы называют черты, свойственные/несвойственные научным текстам:

- свойственно изобилие длинных фраз с главным словом-существительным, несвойственно употребление *I*, несвойственно употребление сокращений (*don't*), несвойственно употребление предложений с глаголом в отрицательной форме (вместо *The analysis did not reveal any new results* следует употребить *The analysis revealed no new results*) – свойства, которые можно включить в категорию «формальность»;

- несвойственно употребление неопределённых (*vague*) выражений, таких как *and so on and so forth, etc.*, несвойственно употребление местоимения *you* для обращения к читателю, а вместо этого употребляется пассивный залог (вместо *You can see the findings in Table 3* употребляется *The findings are given in Table 3*), несвойственно употребление прямых вопросов, наречие, определяющее сказуемое, ставится обычно перед глаголом, а не в конце или начале предложения, несвойственно употребление «расщеплённого инфинитива» (*split infinitive, eg. to adequately use*) – свойства, которые можно включить в категорию «объективность и отсутствие эмоциональности»;

- несвойственно чрезмерное многословие (вместо *It may be crucial to make a decision about a therapeutic method that should be applied* следует употребить *Choosing an adequate therapeutic method may be crucial*) – свойства, которые можно включить в категорию «лаконичность»;

- свойственен оптимальный баланс в употреблении активного и пассивного залога, так как у каждого из них своя функция, цель; «плавность течения» (*flow*) – чёткая смысловая связь, которая помогает читателю понять смысловое наполнение текста: от «старого знания к новому» (*old-to-new information flow*), использование логических вводных фраз и слов (*Further, In addition, However*), важная роль отводится в этой связи пунктуации и лексическим элементам-соединителям предложений (*sentence connectors*) – двоеточию, точке с запятой, тире, запятой -

свойствам, которые можно включить в категорию «особенности организации текста» [Swales, Feak 2012].

Стефан Бейли определяет научный текст как произведение, имеющее определённую цель (сообщить об исследовании, проведённом автором; ответить на вопрос, заданный или выбранный писателем; обсудить тему, представляющую общий интерес, и высказать точку зрения автора; синтезировать исследования, проведённые другими по теме); определённый формат (отчет, диссертация, статья); структуру (введение, основная часть – обзор литературы, исследование частного случая, обсуждение, - вывод/заключение, ссылки на источники, приложения); особую организацию текста и абзацев в тексте; обладающее такими характерными чертами как формальный вокабуляр, использование ссылок на источники, обезличенность изложения, сложные, длинные предложения [Bailey 2011].

Э. Джиллет и соавторы [Gillett et al. 2009] называют следующие признаки научного текста: наличие логически структурированных аргументированных идей с учётом различных существующих точек зрения; ясность, лаконичность независимо от жанра (эссе, отчёты, лабораторные отчёты, тематические исследования и диссертации), каждое положение должно быть подкреплено ссылкой на работу других исследователей или на ваш эксперимент. Научным текстам, по мнению авторов, должна быть присуща формальность, которая реализуется через формальную лексику, использование пассивного залога; «осторожный язык» (отсутствие категоричности в утверждениях); объективность; отсутствие «эмоционального языка». Научные тексты должны быть качественными [Gillett et al. 2009].

Суммируя вышесказанное, очевидно, что научный текст является не только носителем интеллектуальной информации, но и средством научного общения. Можно также согласиться с тем, что следующее определение применимо к понятию «научный текст» как с точки зрения российской, так и зарубежной лингвистики: «Научный текст – это единство содержания, формы и средства выражения. Научный текст относится к функциональному стилю речи литературного языка, которому присущ ряд особенностей: предварительное

обдумывание высказывания, монологический характер, строгий отбор языковых средств, тяготение к нормированной речи» [Лингвистический энциклопедический словарь [https](https://)].

Некоторые аспекты обучения научному дискурсу и языковым особенностям научных текстов разрабатываются в работах М.Н. Кожиной, И.Б. Короткиной, А.Г. Мартыновой, О.Д. Митрофановой, Н. Л. Никульшиной, Т.В. Мордовиной, В.Е. Чернявской, А.Р. Валеевой, А.А. Биляловой и других.

Однако, необходимо отметить, что исследования научного текста, функционирующего в определенной профессиональной сфере, представлены в отечественной лингвистике не столь широко.

1.3.2. Научный медицинский текст: профессиональный, дидактический и публикационный аспекты

В отечественной лингвистике медицинский дискурс изучался в рамках профессионального дискурса такими лингвистами как Л.С. Бейлинсон, В.В. Жура, Е.А. Костяшина, Ю.В. Рудова, С.В. Майборода, К.А. Керер, Т.В. Кочеткова, И.Ф. Шамара, М.И. Барсукова, Е.А. Ремпель, А.Я. Рамазанова, С.И. Маджаева, Л.М. Касимцева и другими, однако, объектом этих исследований были преимущественно устные дискурсивные практики.

Л.С. Бейлинсон исследовала профессиональный дискурс на примере коммуникативной практики логопеда. Было дано определение институционального дискурса такого типа, описаны его профильные параметры и специфические аспекты, коммуникативные стратегии, жанры, дискурсивные формулы, основные концепты логопедического дискурса в русском языковом сознании [Бейлинсон 2007].

В.В. Жура посвятила свои работы изучению профессионального дискурса с точки зрения эмоциогенности медицинской коммуникации. Предметом ее исследования стала дискурсивная компетенция врача. Объектом изучения является, так называемый, ассиметричный устный медицинский дискурс, где главным коммуникантом выступает врач. Выбранный ракурс исследования определил его цель, которая состоит в выявлении закономерностей

продуцирования устного медицинского дискурса врачом и пациентом, отражённых в дискурсивном знании врача. Были выявлены и описаны все многочисленные специфические аспекты рассматриваемого дискурса: содержательные компоненты, основные компетенции участника речевой ситуации (врача), жанровые особенности, «коммуникативные помехи» и способы их нивелирования, особенности функционирования эмоций, свойственных дискурсу данного вида [Жура 2008].

К.А. Керер рассматривает профессиональный медицинский дискурс на примере ситуаций, смоделированных в рамках телевизионной драмы. Участниками общения являются врач-пациент, врач-родственник пациента. Говорится об асимметрии взаимоотношений в рамках данной дискурсивной практики, отмечаются особенности, специфика данной ситуации общения, обсуждаются стратегии и тактики, являющиеся залогом успешной коммуникации между участниками общения, что, в свою очередь, способствует благоприятному клиническому исходу [Керер 2018, 2019].

С.В. Майборода обращает внимание на изменение парадигмы взаимоотношений «врач-пациент», что обусловлено изменением паттерна взаимодействия участников медицинского дискурса: принцип патернализма постепенно сменяется принципом сотрудничества. Таким образом, пациент рассматривается не как пассивный участник речевого взаимодействия, ему принадлежит важная коммуникативная роль в стратегической речевой деятельности, так как именно он является источником всей необходимой информации и «запускает диагностическую траекторию» [Майборода 2017а, 2017б, 2018, 2020].

Концепции пациент-ориентированной медицины отражены также в исследовании Е.А. Костяшиной. Основной фокус внимания в её исследовании – это популяризация медицинских знаний и повышение уровня взаимопонимания между врачом и пациентом в рамках дискурса научно-популярного медицинского журнала. Научно-популярный медицинский журнал рассматривается как пространство междискурсивного взаимодействия, выявляются дискурсы,

составляющие данное пространство, описываются их свойства, организационные параметры, трансформация, проявляющаяся в ходе их актуализации в дискурсе научно-популярного медицинского журнала. В силу своей междисциплинарности, данное исследование выходит за рамки лингвистической специфики и обращается к социолингвистическим методам, проводится анализ языковых параметров в сочетании с экстралингвистическими факторами, их определяющими [Костяшина 2009].

Ю.В. Рудова рассматривает медицинский буклет как жанр в рамках письменного медицинского дискурса. В работе описаны жанрообразующие параметры, установлено и описано взаимоотношение между вербальным и невербальным контекстом в рамках медицинского буклета, дана характеристика методов, направленных на успешную реализацию просветительских целей – информирование и воздействие на население с целью профилактики заболеваний, а также для популяризации медицинских знаний. Всё вышесказанное позволяет выделить жанр «медицинского буклета» в отдельный жанр [Рудова 2008].

Медицинский текст, являющийся объектом нашего исследования, привлекает внимание российских учёных-языковедов. Наиболее подробно, на наш взгляд, различные аспекты исследования научного медицинского текста находим в работах Л.В. Ягенич: автор использует диахронический подход для выявления особенностей развития научного медицинского текста, определяет его жанровую специфику и композиционно-структурные формы, исследует декларативные аспекты письменного медицинского текста на английском языке [Ягенич 2017, 2018a, 2018b, 2018c, 2018d, 2019a, 2019b].

И.Ф. Шамара рассматривает функции отдельных разделов исследовательской статьи медицинской тематики – аннотации, обсуждения/дискуссии, - выделяя дискурсивные приёмы и маркеры, передающие логико-смысловые связи внутри текста, а также композиционно-речевые формы данных структур. Анализируя особенности жанра научной медицинской статьи, автор использует диахронический и синхронический подходы [Шамара 2014, 2016, 2017].

В зарубежной лингвистике медицинский дискурс представлен наиболее широко в трудах по клинической коммуникации таких ученых как Дж. Скелтон, Дж. Биван, С. Гринфилд, П. Хоббс, Е. Гюлих, Л. Карониа, А. Шиерегато, М. Саглиетти, Дж.Е. Боннин, Ф. Макагно, С. Биджи.

Особого внимания заслуживают работы, посвящённые исследованию образовательного медицинского дискурса высшей школы, таких лингвистов как С. Мичич, Н. Милославлевич, М. Готти, Ф. Салагер-Мейер, А.Ф. Пластина, Х. Векеманс, Д. Кантц, И. Маренци, Т. Канзиани и других.

С. Мичич рассматривает проблему развития национальных языков в контексте единого международного языка медицины. В работе обсуждается тот факт, что в связи с развитием новых отраслей медицинской науки и появлением новых реалий в медицинской теории и практике, возникает необходимость создания новой терминологии. Автор говорит, что греко-латинской терминологии уже недостаточно как средства выражения современной медицины, поэтому национальные общности должны создавать медицинскую терминологию и язык медицины на родных языках. Для достижения этой цели необходимо стандартизировать национальные языки как необходимое условие существования единого международного языка медицины [Mićić 2008, 2013].

Н. Милославлевич и соавторы обсуждают место английского языка в преломлении к сегодняшней ситуации в сфере медицинского образования, и то, какие обязательства это накладывает на преподавателей английского для специальных целей. По мнению авторов, в современном мире в условиях глобализации английский язык стал основным языком общения во всех областях науки, включая область медицины. Хорошо известно, что преподавание медицинского английского должно в первую очередь сосредотачиваться на стабильной языковой компетенции на английском языке, которая создаётся с помощью учебной программы, основанной на содержании и контексте, таким образом готовя студентов к активному использованию английского языка после окончания учебы. Для этого очень важно, чтобы обучение английскому языку основывалось на конкретных реальных ситуациях, в которых язык будет

использоваться. Кроме того, следует поощрять студентов к адаптации практических навыков, применимых в конкретных будущих профессиональных условиях. Преподавание медицинского английского представляет собой постоянный вызов для учителей, потому что они должны быть гибкими, открытыми для новых подходов и методов, принимать решения и адаптироваться к постоянным изменениям. Важно также и то, что в основе высшего образования лежит принцип обучения на протяжении всей жизни, и, будучи равноправными партнёрами, и студенты, и преподаватели должны осознавать, что образование – это двусторонний процесс [Milosavljević et al. 2015].

М. Готти и Ф. Салагер-Мейер подчёркивают, что медицина никогда раньше не играла такой важной, поглощающей и фундаментальной функции в обществе, именно поэтому предоставление высококачественного и свободного доступа к медицинскому обслуживанию находится на первом месте в политической повестке дня в большинстве регионов мира [Gotti, Salager-Meyer 2016].

В последнее время сфера исследований в области преподавания медицинского дискурса расширилась и теперь включает вопросы, касающиеся повышения качества научной информации в области общественного здравоохранения и лингвистической подготовки медицинских исследователей, а также ее распространения. Таким образом, больший упор был сделан на методы научного письма и публикации, а также на принятие соответствующих дискурсивных практик, которые будут использоваться при распространении информации для защиты общественного здоровья [Gotti, Salager-Meyer 2006, 2016].

В последние несколько десятилетий медицинское сообщество всё больше подчеркивает необходимость развития у студентов-медиков и медицинских работников понятного для пациентов медицинского языка, а также адекватных коммуникативных навыков. Хотя преподаватели иностранных языков для медицинских целей, как правило, не имеют медицинской подготовки, их ученики представляют собой очень специфический контент со своими потребности в общении. Студенты-медики, которые вошли в клиническую фазу своей программы, особенно стремятся оставаться в рамках своих недавно приобретённых

знаний. Преподаватели английского языка для медицинских целей полностью осознают потребность в углублении и расширении своих медицинских знаний, и поэтому обучение с учётом потребностей в этом контексте часто включает разработку конкретных материалов с учётом клинической практики целевой аудитории [Vekemans 2016].

В связи с вышесказанным всё большую значимость в настоящее время приобретает публикационный аспект функционирования научного медицинского текста.

Ранее в первой главе уже говорилось о возрастающей роли английского языка в науке вообще и в медицинской науке в частности, что обусловлено, во-первых, распространением английского языка как *lingua franca*; во-вторых, международным характером медицинских исследований, когда формируются многонациональные группы исследователей и возникает необходимость в едином языке-посреднике для коммуникации. Кроме того, мотивация к написанию статей на английском языке проистекает из неолиберальной политики, которая влияет на цели, деятельность и условия труда в высшем образовании. Публикации на английском языке сигнализируют об «интернационализации» высших учебных заведений, поскольку показатели публикационной активности являются ключевыми критериями для глобального рейтинга университетов [Curry, Lillis 2018].

Медицинский сегмент глобального академического дискурса представлен разнообразными жанрами и форматами. Большой объём этого сегмента составляют научные публикации. Увеличение в глобальном масштабе числа научных исследований в отраслях, связанных со здоровьем человека, обусловлено объективными причинами.

Непрерывная работа и участие Организации Объединенных Наций (ООН) в глобальном здравоохранении привели к появлению новой глобальной повестки дня на период 2015–2030 гг., которая соответствует Уставу ООН и Всеобщей декларации прав человека. В рамках данной повестки были сформулированы и приняты Цели в области устойчивого развития (ЦУР), направленные на искоренение нищеты, обеспечение защиты нашей планеты, повышение качества

жизни и улучшение перспектив для всех людей во всем мире. Цель 3 сформулирована как «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте».

Достижение установленных целей требует активных исследований по вопросам, связанным с охраной здоровья и реализацией прав человека в сфере здравоохранения. Это поможет прояснить проблемные вопросы в сфере медицины, снизить медицинские и социальные издержки, улучшить социальную сплочённость, что защитит общественное здоровье и права человека.

Для осуществления данной стратегии, на академическом уровне было создано множество программ, миссия которых – поддержка концепции по правам человека в сфере здравоохранения посредством международных конференций, рецензируемых публикаций, выпуска научных журналов, посвящённых данной тематике, и образовательной деятельности среди медицинских работников по данному направлению [Sweileh 2018].

О значимости медицинских научных публикаций свидетельствует следующая статистика: из 38589 научных рецензируемых журналов, зарегистрированных в базе данных Скопус в 2019 (Scopus indexed journals), журналы по наукам, связанным со здоровьем человека, составили 21 694 (56,22%) (см. Рисунок 1) [Scopus preview <https>].

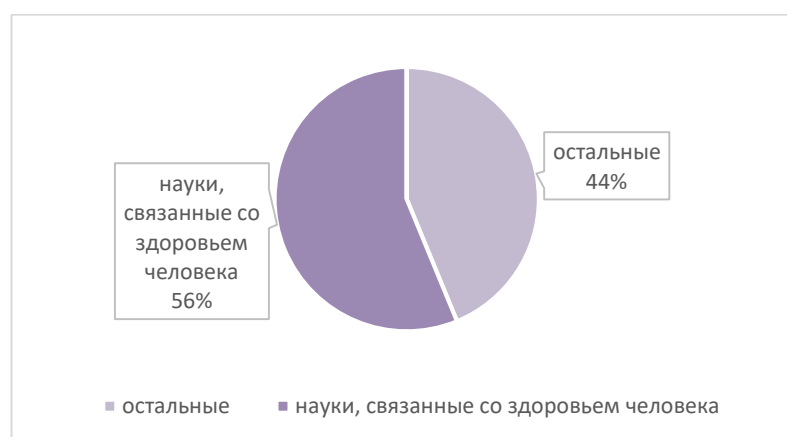

Рисунок 1. Количество индексируемых в Скопус рецензируемых научных журналов по тематикам, связанным со здоровьем человека, 2019.

Данный перечень включал журналы по специальностям: уход за больными, нейробиология, медицина, иммунология и микробиология, медицинские специальности, стоматология, биохимия, генетика и мол. биология, фармакология, токсикология и фармацевтика, психология. Количественное распределение по тематикам представлено на рисунке 2 [Scopus preview <https://>].

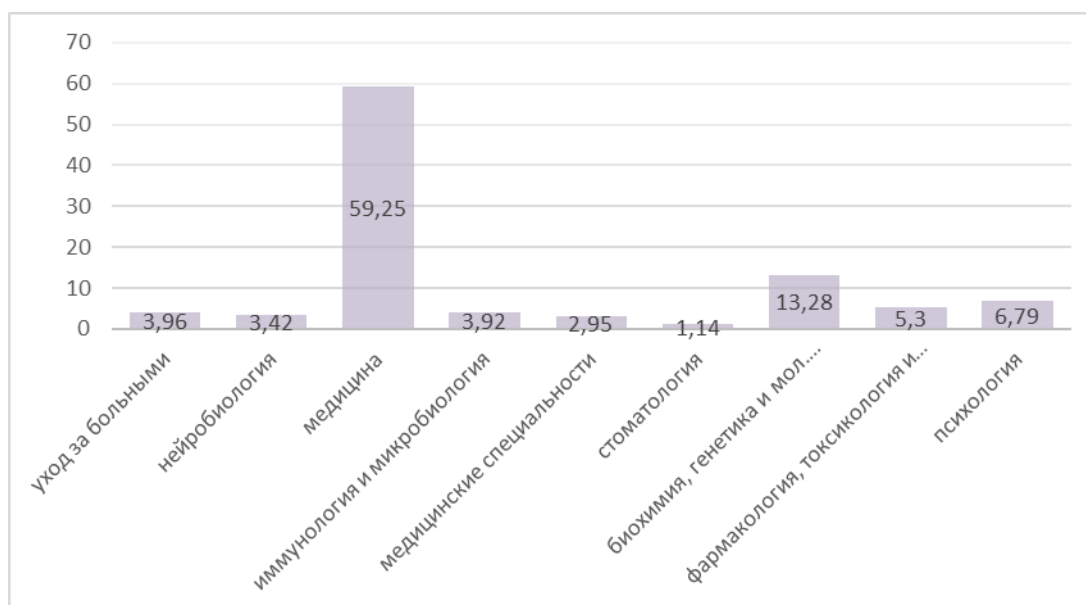

Рисунок 2. Количественное распределение журналов, индексируемых в международной базе данных Scopus, по медицинским специальностям.

Вместе с тем, несмотря на многообразие мнений и научных направлений в изучении медицинского дискурса и медицинских текстов, медицинский научный текст на основе жанра исследовательской статьи ранее широко не изучался, что обусловило наш интерес к данной теме.

1.4. Научный медицинский текст в парадигме медицинской лингвистики

В настоящее время не существует единой научной позиции относительно самостоятельности дисциплины, называемой **медицинской лингвистикой**, однако некоторые исследователи говорят о необходимости её выделения из круга лингвистических наук. Данная проблема волнует ученых лингвистов отечественного и зарубежного языкознания.

Е.В. Бекишева в своей работе освещает историю развития и новые направления медицинской терминологии в отечественной лингвистике. Дается характеристика шести этапов развития отечественного «медицинского терминоведения», начиная с этапа формирования в XVIII веке литературного языка, в котором активно используются термины греко-римского происхождения, заканчивая современным периодом, когда в медицинском терминоведении формируется когнитивно-дискурсивная парадигма. Автор выделяет такие отрасли медицинской терминологии, как общетеоретические вопросы медицинского терминоведения, перевод классиков античной и средневековой медицины, диахроническое медицинское терминоведение, дидактическое медицинское терминоведение, учебная медицинская лексикография, вопросы этимологии медицинских терминов, отраслевое медицинское терминоведение, когнитивное медицинское терминоведение, проблемы терминообразования и терминологической номинации, типологическое терминоведение, вопросы семантического моделирования на материале медицинской терминологии, метафоризация в медицинской терминологии, дискурсивный аспект языка медицины, аббревиация в медицинской терминологии, фармацевтическая терминология, акцентология на материале языка медицины, лингвокультурные аспекты медицинской терминологии, коллоквиализмы в языке медицины, проблемы симметрии и асимметрии языкового знака в медицинской терминологии, упорядочение и стандартизация медицинской терминологии [Бекишева 2013].

З.Р. Палютина говорит о формировании нового направления в лингвистике — медицинской лингвистики (МЛ), даёт краткий обзор её категориального аппарата: объект и предмет изучения, функции, основными из которых являются коммуникативная, гносеологическая и когнитивная. Автор указывает на особенности лингвистического аспекта МЛ — использование понятийного аппарата и методов как языкознания, так и медицины при изучении языковых явлений в данной области знаний, что свидетельствует о применении междисциплинарного подхода. Междисциплинарность, по мнению автора, проявляется также и в появлении новых отраслей знаний, представляющих интерес

как для лингвистов, так и для медиков — внутренняя и внешняя лингвистика, динамическая лингвистика, компьютерная лингвистика. Говорится о специфике профессиональной коммуникации в сфере медицины и необходимости исследований медицинского дискурса для понимания механизмов коммуникации и функционирования языка в сфере медицины. Отмечается, что, помимо теоретического значения, МЛ имеет прикладной характер, так как исследование структурно-семантических особенностей медицинского текста дополняет знания о теории языка, способствует развитию теории и практики перевода, успешному профессионально-ориентированному обучению специалистов [Палютина 2013].

Р.В. Хенрик указывает, что язык медицины ставит перед историками медицины и лингвистами интригующие задачи. По мнению автора, учёные-классики очень подробно анализируют содержание и язык самых древних медицинских записей, но более позднему развитию медицинской терминологии уделяется гораздо меньше внимания. Учёный представляет краткий обзор истории и особенностей языка, используемого врачами, когда они общаются друг с другом, выделяя такие этапы развития языка медицины, как «греческая эра», «медицинская латынь», «национальные языки медицины», «медицинский английский» [Henrik 2004].

По мнению К. Садег-Задеха, лингвистика, в целом, является основной наукой во всех языковых исследованиях. Это справедливо в отношении природы и структуры языка, а также роли, которую он играет в человеческом общении. В фокусе внимания исследователя находятся электронные базы данных, создаваемые на «естественном» медицинском языке. К. Садег-Задех считает, что медицинская лингвистика – это недостаточно определённая междисциплинарная отрасль медицинской информатики, медицинской информации и библиотечных наук, занимающаяся методами и проблемами обработки естественного языка в медицине. Медицинская лингвистика использует некоторые методы общей лингвистики, а также создает дополнительные. Чтобы обеспечить эффективную обработку естественного языка, используемые в них медицинские термины и предложения должны быть адаптированы для синтаксических и семантических

операций компьютерных программ. Как результат, выдвигается задача изучения синтаксиса и семантики медицинского языка и морфологии медицинских терминов, так как медико-лингвистическая морфология является вспомогательным инструментом изучения медицинской лексики [Sadegh-Zadeh 2015].

Б. Джуганова говорит о медицинском языке как языке, используемом медицинскими экспертами в их профессиональном общении. Он включает более 2500 лет развития, в основном под влиянием греческих и латинских медицинских традиций. Его особенности и характеристики изучаются с разных сторон. Это тесно связано с огромным развитием технологий и науки, которые приносят в язык новые концепции; медицинская лексика — открытая и постоянно меняющаяся система, её единицы часто приобретают новое значение. Изучение английского медицинского языка, ставшего *lingua franca* здравоохранения за последние несколько десятилетий, создает определённые трудности для учащихся, а именно многозначные словосочетания, наличие синонимов, дублетов, аббревиатур, ложных друзей переводчика и т. д. Для управления медицинским языком на соответствующем уровне требуется поиск наиболее удобных стратегий преподавания и обучения, рост исследований подобного рода наблюдается в последнее время [Džuganová 2019].

Мы разделяем точку зрения учёных, которые считают, что существует необходимость выделения медицинской лингвистики (МЛ) как нового направления в науке. Термин «язык медицины» уже давно стоит в одном ряду с такими понятиями как «язык науки», «язык философии», «язык поэзии», «язык быта» и т.п. Устный и письменный медицинский текст как часть медицинского дискурса не только имеет специфические характеристики, отличающие его от текстов другой сферы, но и обладает национально-культурной спецификой, проявляющейся на всех языковых уровнях [Торубарова, Стеблецова 2020].

Возникновение данной науки было предопределено социально-историческими предпосылками. Объектом МЛ является медицинский дискурс как вербализация общения в профессиональной сфере, методология основывается на традиционных методах исследования дискурса и текста: это дискурс-анализ,

конверсационный анализ, эмпирико-описательные и компаративные методы, когнитивно-прагматический анализ текста и другие. Предметом МЛ является изучение функционирования языка и лингвистическая составляющая делового общения в сфере здравоохранения, которое должно проводиться с применением дискурсивного подхода. Терминологический аппарат МЛ разработан достаточно полно, как описано выше, кроме того, существуют новые перспективные направления его развития, в том числе, изучение стилистических особенностей медицинских текстов разных жанров. Медицинская лингвистика имеет важное прикладное значение для понимания процессов коммуникации в сфере медицины, развития коммуникативных и социокультурных компетенций работников здравоохранения, способствующих успешной профессиональной деятельности, в том числе, на международном уровне.

Таким образом, можно определить медицинскую лингвистику как отрасль филологических наук, изучающую функционирование языка и применение языковых ресурсов в сфере медицины, исследующую языковые аспекты профессиональной коммуникации в сфере медицины и здравоохранения. Область интересов МЛ опирается на междисциплинарный подход и включает в себя изучение следующих ключевых направлений:

- социолингвистические аспекты медицинского дискурса,
- устное, письменное и технически-опосредованное профессиональное общение в сфере медицины и здравоохранения (вербальное, паравербальное и невербальное), его типология и жанровая классификация,
- профессиональные подязыки сферы медицины и здравоохранения (например, фармацевтическая терминология, язык судебной медицины, язык неонатологии, язык хирургии и другие),
- учебно-академический язык медицины, применяемый в учебных пособиях, академических и научно-популярных публикациях, лекциях,

- язык научно-популярной медицины (печатных и электронных СМИ в контексте просветительской работы с населением),
- лингвопрагматика в медицинском контексте (умение выражать с помощью лингвистических и паралингвистических средств свои намерения и понимать намерения собеседника в рамках общения «врач-пациент», «врач-родственник пациента», «врач-коллега», «врач-средний медперсонал» и т.п.),
- медицинская лексикография (лексикографирование медицинской терминологии, составление тезаурусов специализированной лексики по подъязыкам медицины),
- документоведение (медицинская документация в контексте документной лингвистики),
- межкультурная коммуникация в сфере медицины и здравоохранения (в том числе, на иностранных языках).

Медицинскую лингвистику можно рассматривать как частный случай прикладной лингвистики. Она отличается от других лингвистических наук, например, компьютерной лингвистики, квантитативной лингвистики, психолингвистики и т.д., по своей цели (функционирование языка медицины в коммуникативной среде во времени и пространстве), методам (количественные/статистические, описательные, индуктивный/дедуктивный, эвристический, метод реконструкции, метод формализации лингвистических описаний) и объекту изучения (язык медицины).

Многие исследователи понимают текст как продукт дискурса [Чернявская 2001], а медицинский текст, соответственно, является продуктом медицинского дискурса [Ефремова 2017].

Уже в первых своих работах М.Н. Кожина говорит о неременной неразрывной связи между текстом, его лингвистическими компонентами, и «экстралингвистическими факторами», определяющими его существование [Кожина 1972]. Продолжая высказанную концепцию, М.П. Котюрова приходит к

выводу о существовании «эпистемической ситуации» – содержании научного текста в единстве онтологического, методологического и аксиологического аспектов и неразрывной связи этих компонентов между собой [Котюрова 1996: 343]. Е.А. Баженова, развивая далее эти положения, говорит о том, что эпистемическая ситуация непосредственно влияет на формирование научной речи [Баженова 2007]. Л.В. Ягенич рассматривает и анализирует научные тексты, созданные врачами-учёными, как продукт научной деятельности, реализуемой в медицинском дискурсе в письменной форме [Ягенич 2017].

Косвенным подтверждением того, что каждый научный текст имеет свою специфику в зависимости от научной сферы, в которой он функционирует, можно считать мысль Дж. Свейлза и С.Б. Фик, которые говорят, что определения научного текста и научного стиля различаются в зависимости от их научной специфики. [Swales, Feak 2012: 15].

Таким образом, научный медицинский текст характеризуется специфической функциональностью, коммуникативной ситуацией и содержанием, т.е. имеет свои особые критерии текстуальности, является продуктом дискурсивной деятельности автора - участника определённой коммуникативной ситуации и имеет специфику выражения авторской позиции, закрепляется в письменной форме, характеризуется специфической композиционно-содержательной и структурно-речевой организацией и завершённостью, т.е. обладает своими функциональными особенностями. Всё вышесказанное дает основание считать, что научный медицинский текст необходимо изучать в контексте медицинской лингвистики.

Выводы по главе 1

1. Парадигма отечественной лингвистики по проблемам академического дискурса основывается на концептах функциональной лингвистики, сформулированных основоположниками отечественного языкознания Бахтиным, Виноградовым, Кожиной, которые, говоря о многообразии функциональных стилей, выделяли, в том числе, научный стиль.

Стремление сформулировать понятие «дискурс», не равнозначное понятию «текст», и предложить различные методы и подходы к анализу дискурса очевидно проявляется в работах учёных-лингвистов Карасика, Арутюновой, Кубряковой, Александровой, Кирова, Чернявской и других.

Отличительной чертой отечественных дискурсивных исследований является тот факт, что в силу замкнутости в национальных рамках, исследования в области дискурса в 20-м веке начинаются как исследования текста и ограничиваются, в основном, сферой лингвистических факторов. По мере включения в глобальную культуру и науку, появляются исследования, посвящённые социально-ориентированным дискурсивным практикам.

2. Основная парадигма зарубежной лингвистики по проблематике академического дискурса строится на постулатах, сформулированных Ф. Де Соссюром, М. Халлидэем, В. Лабовым, Дж. Гумперцом, Д. Хаймсом, М. Севилл-Тройке о том, что язык как языковая система, и реальные высказывания, произнесённые в определённых ситуациях, не являются тождественными понятиями. Ключевые этапы развития академического дискурса в зарубежном языкознании, в его англо-американской традиции: «английский как международный язык» – «английский для специальных/академических целей (ESP/EAP)» – собственно академический дискурс.

Теоретические основы для выделения EAP в самостоятельную дисциплину были заложены Дж. Свейлзом, который в своей работе «Анализ жанров» предложил модель Create a Research Space (CARS), описывающую речевые обороты, типичные для использования в научных статьях, а также поставил цель – создание метода обучения английскому для академических и исследовательских целей [Swales 1990]. Эти теоретическое и методическое направления, заданные учёным в конце прошлого века, в настоящее время активно развиваются в работах К. Хайланда, Л. Хэмп-Лайонс, Э. Джиллета, В. Бхатии, Э.Дж. Девиитт и др. Отличительной чертой зарубежного языкознания является то, что дискурс изначально являлся сферой интересов социолингвистов, поэтому два основных направления, занимающихся анализом дискурса - это лингвистический анализ

(linguistic-based analysis) и культурно- или социально-обоснованные дискурсивные практики (culturally or socially based discursive practices) появились и существуют изначально.

3. В настоящее время наблюдается рост интереса и числа исследований к выделению отдельного направления – медицинской лингвистики, что отражено в работах российских и зарубежных исследователей Е.В. Бекишевой, З.Р. Палютиной, Р.В. Хенрика, К. Садег-Задеха, Б. Джугановой и других, которые говорят о специфике языка медицины и профессионального общения в сфере медицины и здравоохранения, указывают на необходимость исследований медицинского дискурса для понимания механизмов коммуникации и функционирования языка в сфере медицины, называют перспективные направления научных исследований в данной сфере и т.д. Данный факт позволяет говорить о формировании отдельной отрасли в лингвистике – медицинской лингвистики и о необходимости изучения научного медицинского текста в парадигме медицинской лингвистики.

Глава 2. Академичность научных медицинских статей как отражение лингвокультурной специфики текста

2.1. Сопоставительные исследования дискурса и текста как способ выявления лингвокультурной специфики

Сопоставительный метод получил широкое распространения как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Мы разделяем точку зрения исследователей, которые считают, что популярность сопоставительных исследований обусловлена рядом причин и имеет, помимо теоретического, прикладной характер, используется в переводоведении и преподавании ИЯ:

- стремление и необходимость выявить универсальные черты языкового материала в рамках аналогичного дискурса на примере разных языков;
- стремление описать национальную картину мира носителей разных языков;
- изучение национально-культурной специфики языковых явлений [Стернин 2007: 4].

О.А. Леонтович описала методы коммуникативных исследований применительно к отечественным научным традициям. В её книге предложено подробное описание процедуры исследования, дается характеристика ключевых терминов, излагаются принципы описания методов, применяемых в коммуникативных исследованиях, в соответствии с четко заданными параметрами. Кроме того, автор предлагает описание методов лингвистических исследований коммуникации, выделяя, среди прочих, дескриптивно-аналитический, сопоставительный методы, метод компонентного анализа [Леонтович 2011].

И.А. Стернин в ряде исследований говорит о методе контрастивного анализа применительно к лексике и фразеологии. Необходимо заметить, что автор не считает понятия «сопоставительный» и «контрастивный» синонимичными и выделяет контрастивную лингвистику из сопоставительного языкознания. И.А. Стернин определяет межязыковые соответствия как ключевое понятие контрастивной лингвистики, подробно пошагово описывает все семь этапов

«идеального алгоритма» контрастивного анализа, приводит примеры на материале языковой пары русский-французский (наименование дорог и лексика трудовой деятельности), русский-английский (лексики незанятости трудовой деятельностью) [Стернин 2007].

В своей работе «Виды и методы сопоставительных исследований лексики» И.А. Стернин и М.А. Стернина обобщили и резюмировали различные виды и методы сопоставительных исследований в современной сопоставительной лингвистике. В соответствии с их классификацией, данный вид исследования представляет собой межязыковой сопоставительный анализ, т.е. направлен на сходные явления двух языков. Помимо прочего, авторы выделяют этапы линейного сопоставительного анализа на уровне отдельных языковых единиц, определяют четкую процедуру реализации сопоставительно-параметрического метода. Однако, подчёркивается тот факт, что, хотя каждый критерий анализа создавался исключительно для определённых целей, исследовательская практика показывает, что предложенные параметры могут использоваться более широко [Стернин, Стернина 2017].

Вывод Стернина и Стерниной о том, что «различные виды сопоставительного анализа явлений языка могут использовать различные методы сопоставления в зависимости от поставленных в конкретном исследовании задач, а также их комбинации» [Стернин, Стернина 2017: 68], был неоднократно подтверждён как во внутриязыковых, так и в межязыковых исследованиях. В частности, А.О. Стеблецова использовала модель дескриптивно-сопоставительного анализа для исследования национально-культурной специфики сначала делового текста [Стеблецова 2009], а затем и дискурса [Стеблецова 2017]. Был проанализирован письменный деловой дискурс в сфере высшего образования. Методы сопоставительного анализа применялись для обоснования концепции метапрофессионального делового дискурса, выявления его типологии в разных коммуникативных культурах [Стеблецова 2017].

В зарубежной лингвистике в настоящее время наблюдается рост сопоставительных исследований, в том числе в области академического

медицинского дискурса и текста. Можно привести пример исследований таких лингвистов как П. Фауре, Ф.А. Алмейда, П. Смит, С. Гупта и др.

Паскалин Фауре применяет сопоставительные методы исследования для выявления типологии эвфемизмов, которые пациенты используют для медицинских терминов на английском и французском языках [Faure 2016].

Ф.А. Алмейда проводит исследование на материале английского и испанского языков и сравнивает употребление глаголы «seem» и «parecer» с доказательным значением в диахроническом контексте в ранней медицинской литературе на протяжении двух столетий (1500—1700). Тексты для анализа взяты из Corpus of Early Modern English Medical Texts в случае английского и Corpus diacrónico del español (CORDE) в случае испанского. Данное исследование также позволяет делать кросс-культурные и кросс-лингвистические выводы с точки зрения частоты, мотивации и использования этих доказательных глаголов в исторических текстах [Almeida 2015].

В статье Ф. Хелал сравниваются риторические стратегии, использованные американскими и французскими учеными во вступлении к исследовательским статьям, опубликованным обеими исследовательскими группами во времена так называемой «войны против СПИДа» (1983—1987). В качестве сравнительного шаблона применяется модель CARS Свейлза (1990) [Helal 2014].

Как отмечает в своей работе А.О. Стеблецова, тенденция к увеличению числа сопоставительных исследований, выполненных авторами-не носителями английского языка, является характерной приметой времени, особенностью современного состояния академического дискурса наряду с дальнейшим его развитием в русле теории дискурсивного анализа. Автор акцентирует внимание на тесной взаимосвязи и зависимости этих двух направлений: «ключевые результаты фундаментальных работ, ведущих учёных, благодаря которым понятие академический дискурс прочно вошло в научный обиход, открывают широкое поле деятельности по осмыслению теоретических положений и их реализации в национальных языковых культурах» [Стеблецова 2020: 9].

Применение контрастивно-сопоставительных методов изучения лингвистического материала отвечает целям и задачам нашего исследования.

2.2. Академичность научного медицинского текста:

понятие, определение, признаки

Идея обоснования некоего универсального критерия, определяющего текст научной медицинской статьи как соответствующий жанровым и языковым нормам академического дискурса, возникла в ходе лингвостилистического и методологического анализа английских и русских научных медицинских публикаций, собственной практики в области научного медицинского дискурса, а также лингвостилистической адаптации текстов русских исследовательских статей к жанрово-лингвистическим нормам международного академического дискурса. Эмпирические наблюдения и лингвистический анализ научных медицинских статей на английском и русском языках показали, что тексты одного и того же жанра, созданные в соответствии с прагматическими и лингвостилистическими нормами академического дискурса, отличаются не просто языком, но способами реализации этих норм в собственных лингвокультурах. Так, анализ англоязычных и русскоязычных текстов научных медицинских статей показывает, что их авторы по-разному трактуют функциональные характеристики научного стиля, такие как сложность, объективность, формальность, точность и прочие. Косвенно об этом свидетельствуют значительные трудности дискурсивно-прагматического характера, возникающие при публикации переводных вариантов оригинальных статей. Эти факторы указывают на наличие явных лингвокультурных особенностей, проявляющихся при реализации сущностных характеристик научного текста академического дискурса. Под сущностными характеристиками мы понимаем типологические или стилеобразующие признаки научного текста, которые однозначно маркируют текст как продукт академического дискурса.

В отечественной лингвистической традиции выделение типологических признаков научного текста происходило в русле функциональной стилистики. В разное время русский научный стиль речи характеризовался как обладающий

логической строгостью, объективностью, последовательностью и точностью изложения, стандартизацией, унифицированностью и клишированностью средств выражения [Бахтин 1979; Виноградов 1981; Кожина 2008; Самарская 2018]. Такие учёные как В.Е. Чернявская, Н.И. Колесникова и др. в разное время выделяли следующие особенности научного стиля: отвлечённость, обобщённость, подчеркнутую логичность, терминологичность («терминированность»), смысловую точность, ясность, объективность изложения, стандартность, стереотипность, краткость, сжатость, лаконичность, безличность, некатегоричность (толерантность), эмотивность, образность [Колесникова 2010а, 2010б; Чернявская 2006].

Аналогичные черты прослеживаются и в теоретических описаниях английского научного стиля. Так, в своем обзоре работ зарубежных стилистических исследований Г.Б. Поспелова выделяет логичность, связанность, абстрактность, точность, объективность, формальность, номинальность, информационную насыщенность и сжатость текстов [Поспелова 2012]. В полной мере разделяя обоснованность выделения данных черт, их универсальный и метапрофессиональный характер, отметим, что их дискурсивная реализация может иметь свои особенности в зависимости от научной дисциплины. Медицинская наука является одной из таких дисциплин, а медицинский академический дискурс предоставляет нам обширный практический материал для исследования предполагаемой специфики.

При сопоставлении ключевых признаков, выделяемых для русского и английского научного стиля, мы отмечаем сложность (*complexity*), точность (*accuracy*) и объективность (*objective language*) как наиболее универсальные, интегративные и разноплановые в аспекте текстовой реализации и, как следствие, представляющие особый интерес в плане выявления лингвокультурной специфики. К этому перечню необходимо добавить формальность (*formality*), которая в последнее время регулярно упоминается в работах англосаксонских лингвистов в качестве одной из сущностных характеристик научного медицинского текста [Bailey 2011; Fryer 2012; Hyland 2013; Swales, Feak 2012]. Каждая из этих

характеристик в отдельности может проявляться в различных сферах институциональной коммуникации или в различных профессиональных дискурсах (административном, юридическом, дипломатическом). Однако их интегративное единство в жанре научной медицинской статьи определяет *академичность* как универсальное свойство, сигнализирующее о принадлежности текста к медицинскому академическому дискурсу.

Само название термина «академичность» созвучно с именем дискурса и англоязычным понятием *academic writing* или академическое письмо, которым в британской традиции прикладной лингвистики принято обозначать раздел, занимающийся прагматическими параметрами и лингвостилистическими нормами текстов академических жанров (от учебных до научных или от реферата до диссертации). Дефиниции английских словарей подчёркивают «теоретическое свойство» в значении прилагательного *academic*, «академическое, формальное качество или дух», «традиционность и конвенциональность» в значении существительного *academicism* [Cambridge Dictionary [https](https://www.cambridge.org/dictionary/academic); Oxford Learner's Dictionary [https](https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/academic); Collins Dictionary [https](https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/academic)] (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Значение лексем *academic/academicism*

Cambridge English Dictionary	
<i>Academic</i>	1) relating to schools, colleges, and universities, or connected with studying and thinking, not with practical skills; 2) used to describe someone who is clever and enjoys studying; 3) based on ideas and theories and not related to practical effects in real life.
Collins English Dictionary	
<i>Academic</i>	1) belonging or relating to a place of learning, esp. a college, university, or academy; 2) of purely theoretical or speculative interest;

	3) excessively concerned with intellectual matters and lacking experience of practical affairs; 4) (esp. of a schoolchild) having an aptitude for study; 5) conforming to set rules and traditions; conventional; 6) relating to studies such as languages, philosophy, and pure science, rather than applied, technical, or professional studies.
<i>Academicism</i>	adherence to rules and traditions in art, literature, etc; conventionalism.
Oxford Learner's Dictionaries	
<i>Academic</i>	1. connected with education, especially studying in schools and universities; 2. involving a lot of reading and studying rather than practical or technical skills; 3. good at subjects involving a lot of reading and studying.
<i>Academicism</i>	the use of formal rules and traditions in art or literature.

В толковых словарях современного русского языка *академичность* описывается как «строго научное исследование предмета и объективное его изложение», а также как производное от прилагательного *академичный* – «соблюдающий установившиеся традиции (в науке, искусстве)», «учебный» [Ожегов, Шведова 2006; Ефремова 2000; Словарь русского языка 1999]. (см. Таблицу 2)

Таблица 2

Значение лексем *академичность/академичный (академический)*

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка	
Академичность	свойство по значению прилаг. <i>Академичный</i>
Академичный	То же, что <i>академический</i> (в 4 знач.).
Академический	1. см. <i>академия</i> .

	<p>2. Соблюдающий установившиеся традиции (в науке, искусстве).</p> <p>3. Учебный (в применении к высшим учебным заведениям).</p> <p>4. Чисто теоретический, не имеющий практического значения (книжн.).</p> <p>5. В составе названий театров, оркестров, хоров, ансамблей: высшей квалификации, образцовый.</p>
<p>Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный</p>	
Академичность	ж. отвлеч. сущ. по знач. прил.: академичный.
Академический	<p>прил. 1) Соотносящийся по знач. с сущ.: академия (1), связанный с ним.</p> <p>2) а) Соотносящийся по знач. с сущ.: академия (2), связанный с ним. б) Учебный.</p> <p>3) а) Соотносящийся по знач. с сущ.: академизм (1,2), связанный с ним. б) Соответствующий строгим классическим образцам.</p> <p>4) а) Соотносящийся по знач. с сущ.: академизм (3), связанный с ним. б) Имеющий сугубо теоретическую направленность.</p> <p>5) Употр. как почетное звание, присваиваемое государственным театрам, хоровым коллективам и т.п.</p>
<p>Словарь русского языка (Под ред. А. П. Евгеньевой)</p>	
Академичность	свойство по значению прилаг. <i>Академичный</i>
Академичный	То же, что <i>академический</i> (в 3 и 4 знач.).
Академический	<p>1. Прил. к <i>академия</i>.</p> <p>2. Учебный.</p> <p>3. Следующий принципам академизма (во 2 знач.).</p>

4. перен. Чисто теоретический, не затрагивающий вопросов практики, оторванный от нее.

В настоящем исследовании *академичность* рассматривается как основная стилеобразующая характеристика научных медицинских текстов. Для участников академического дискурса она является критерием нормативности и конвенциональности научного текста, определяющим его принадлежность к академическому дискурсу. *Академичность* как исследовательский объект представляет собой сложный дискурсивный феномен, комплексно отражающий формальность, сложность и объективность научного текста. *Академичность* научного текста реализуется посредством лексико-семантических, грамматических, синтаксических средств и стилистических приёмов, среди которых можно выделить следующие уровни:

- 1) лексемы и словосочетания, стилистически маркированные как относящиеся к формальному регистру (formal vocabulary), абстрактные и отглагольные существительные, термины;
- 2) многочленные словосочетания с главным существительным (номинативные группы или noun groups), распространённые определёнными синтаксическими способами; синтаксические конструкции страдательного залога, безличные и неопределённо-личные предложения; личные местоимения;
- 3) повторы и хедж-маркеры (средства нейтрализации категоричности высказывания).

Первая группа представляет лексические средства выражения академичности в параметрах *сложность и точность*, вторая группа объединяет синтаксические и грамматические средства выражения академичности в параметрах *сложность и объективность*, третья — стилистические и прагматические приёмы выражения академичности в параметрах *формальность и объективность*. Особо отметим, что однозначное соотнесение данных лингвостилистических средств с отдельными параметрами академичности носит

условный характер, преимущественно обусловлено интересами и методиками исследования. Очевидно, что в реальном дискурсе одно и то же лингвистическое средство может отражать *сложность, формальность, точность и объективность* одновременно, что явилось ещё одним доводом в пользу академичности как интегративного свойства научного текста, отражающего его сущностные признаки. Кроме того, данные лингвостилистические средства реализации академичности коррелируют с методами количественного и качественного анализа материала (см. Глава 2, §2.3), что повысит объективность результатов.

Определяя *академичность* как универсальную характеристику научного медицинского текста, нельзя не отметить, что её лингвостилистическая реализация может различаться в зависимости от лингвокультурной принадлежности автора научного текста, норм и традиций научного стиля речи, логики изложения материала и аргументации и многих других факторов. Это означает, что *академичность* отражает лингвокультурную специфику научного текста: о её наличии могут свидетельствовать различия в выборе средств и приёмов реализации академичности в тексте. Поэтому наше обоснование академичности как сложного многокомпонентного феномена, реализующегося посредством разноуровневых языковых и дискурсивных средств, обусловлено также практической направленностью методологии исследования, в ходе которого лингвокультурная специфика выявляется объективными методами количественного и качественного анализа.

Схематично содержательная структура академичности научного медицинского текста может быть представлена следующим образом (см. рис.3):

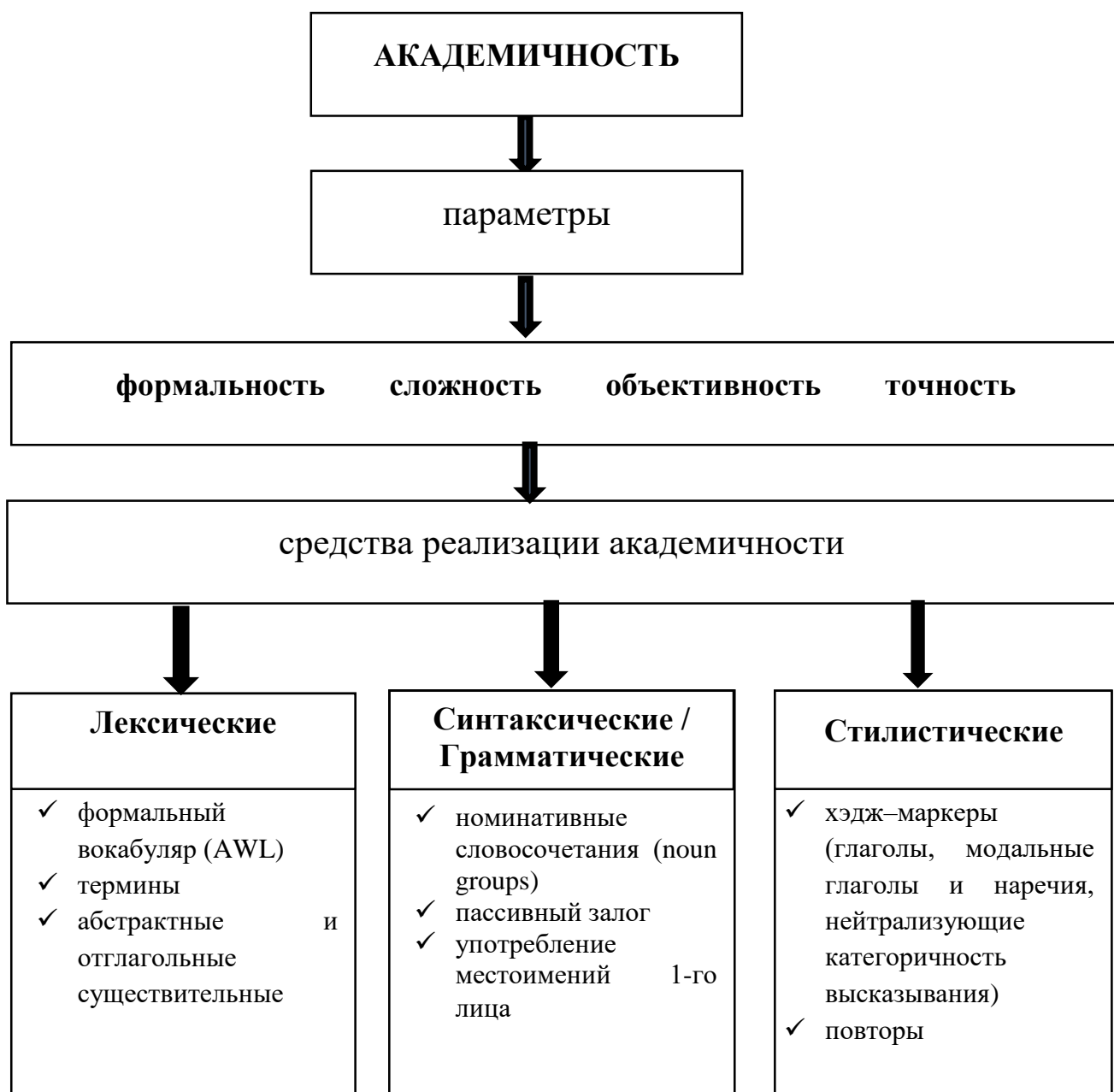

Рис. 3. Содержательная структура академичности.

В заключении ещё раз обратимся к основным положениям *академичности*. *Академичность* — это сложный многоаспектный феномен, объединяющий такие сущностные параметры научного текста как сложность, формальность, точность и объективность. В реализации академичности участвуют разноуровневые языковые средства и приёмы, сочетание которых маркирует текст как принадлежащий к академическому дискурсу, и в этом смысле она является универсальной характеристикой. В то же время реализация академичности имеет лингвокультурную специфику, поскольку авторы научного текста как

представители разных лингвокультур могут особым образом интерпретировать и воплощать в дискурсе национальные традиции и конвенции академического стиля и внутренней организации научного текста. Выявление лингвокультурной специфики научного текста возможно на основе лингвостилистических средств реализации академичности с помощью лингвистических (дескриптивных и интерпретативных) методов качественного анализа, методов количественного анализа, инструментов сопоставительного анализа.

2.3. Академичность как объект

дескриптивно-сопоставительного анализа

2.3.1 Единицы дескриптивного анализа академичности

Как известно, методика сопоставительных исследований предполагает последовательное описание аналогичных элементов, признаков или явлений в сравниваемых объектах с их последующим сравнением и выявлением сходств и различий. Именно различия как показатели национальной специфики языков и культур обычно находятся в фокусе исследования. Работы в области национальной специфики коммуникативного поведения [Стеблецова 2016, 2017], контрастивного анализа семантики лексических групп [Маклакова 2012; Стернин, Стернина 2017] национального коммуникативного стиля [Куликова 2006], национальных особенностей делового текста и дискурса [Стеблецова 2001, 2017] свидетельствуют о широком диапазоне применения сопоставительного метода.

В русле дескриптивно-сопоставительного подхода А.О. Стеблечевой [Стеблецова 2015, 2017] в настоящем исследовании разработана поэтапная процедура описания средств реализации академичности в трёх корпусах текстов англоязычных и русскоязычных статей медицинских статей, предложены коэффициенты количественного анализа академичности, критерии качественной интерпретации средств её реализации и сопоставления полученных данных на заключительном этапе. Поскольку гипотеза нашего исследования предполагала возникновение лингвокультурной специфики научного медицинского текста на

уровне реализации академичности, то сами лингвостилистические средства стали единицами дескриптивно-сопоставительного анализа.

Все статьи, включенные в корпус исследования, должны были удовлетворять следующим условиям:

- статьи представляли собой оригинальное исследование (рубрика журнала «Оригинальная статья»);
- статьи были четко структурированы и имели разделы Введение, Цель, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение, Вывод/Заключение;
- каждая статья предварялась структурированным Резюме, которое также было включено в корпус исследования.

Для научных статей корпуса 1 критерий авторства является одним из наиболее сложных и неоднозначных для описания и чёткого маркирования, поскольку ни фамилия, ни институциональная принадлежность автора не являются абсолютно надёжным показателем для отнесения его в категорию *native speaker/non-native speaker*. Осознавая некоторую условность определения, мы использовали для данной категоризации институциональный статус авторов в англоговорящих странах (Великобритания, США, Канада, Австралия и др.) и, в первую очередь, автора для контактов с редакцией (*corresponding author*). Для научных статей корпуса 2 и 3 авторы статей на момент публикации были аффилированы в российских медицинских образовательных и научно-исследовательских институтах, клиниках.

Основными единицами, проанализированными дескриптивно-аналитическим методом стали следующие.

1. *Общие и специальные термины, аббревиатуры*. Научные термины (так назыв. *termini technici*) — слова, имеющие специальное, строго определенное в данной научной области значение. Совокупность прочно установленных в данной науке терминов образует терминологию данной науки [Термин <https>].

2. *Абстрактные существительные*, мотивированные прилагательными и глаголами, называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния, и их частный случай *отглагольные существительные*.

3. Многосоставные *номинативные группы* (noun groups), термин, которым мы обозначаем атрибутивные группы (конструкции), где в роли атрибута-определения выступает существительное («существительное¹ + существительное² + существительное³ + ...»). Данное явление типично для английского языка, в русском языке таким конструкциям соответствуют словосочетания существительное+существительное в род. падеже [Синкевич 2010].

4. *Безличные конструкции*. В английском языке это, как правило, конструкции, где подлежащее выражено местоимением 3 лица единственного числа it (реже - there), а сказуемое — пассивной глагольной конструкцией или — очень редко — конструкцией, где подлежащее выражено местоимением 3 лица множественного числа и сказуемое стоят в 3 лице множественного лица, действительный залог (They say); в русскоязычных текстах это употребление большого количества неопределенно-личных предложений, когда сказуемое выражено глаголом 3-го лица множественного числа. К стилистически нейтральным принадлежит такое употребление формы 3 л. мн. ч. и форм мн. ч. прош. вр. в неопределенно-личном значении, когда действие представляется как выполняемое неопределенным (неопределенно мыслимым, неизвестным, не установленным или намеренно не устанавливаемым) лицом или лицами [Русская грамматика 1980а]. Функционально такие предложения служат для акцентуации действия, а не деятеля.

5. *Употребление сказуемого в пассивном/страдательном залоге*. В корпусе английских текстов это нормативное употребление пассивных конструкций, образованных глаголом be и смысловым глаголом в третьей форме; в русском языке пассивность, «исходно-объектная ориентация действия-предиката» [Бондарко 1991], может быть представлена как морфологическими, так и синтаксическими средствами: краткими страдательными причастиями (в том числе в сочетании со связочным глаголом быть) и возвратным глаголом с постфиксом -ся [Русская грамматика 1980а].

6. *Низкая частотность употребления местоимений 1-го лица*, что обусловлено стремлением создать отвлечённо-обобщённый, объективный характер

повествования в научных текстах. Местоимение «я» не свойственно научным медицинским текстам в силу глобального и командного характера экспериментальной/исследовательской работы в современной медицинской науке. Более того, по мнению Н.И. Колесниковой, в настоящее время местоимение «мы» в научных текстах все чаще заменяется безличными конструкциями [Колесникова 2010а], что, на наш взгляд, также способствует реализации объективности и формальности повествования.

7. *Лингвостилистические повторы*, среди которых выделяют фонетические и морфологические, не свойственные научному стилю речи, лексические - повторение слова, словосочетания или предложения в составе одного высказывания, синтаксические — в основе синтаксического повтора лежит повторение синтаксической структуры словосочетания или предложения. Синтаксический повтор ярко представлен явлением синтаксического параллелизма. В настоящее время в лингвистике обращают внимание на тот факт, что повтор характеризуется полифункциональностью: с точки зрения организации текста выделяют структурную и эстетическую функции повтора, с точки зрения смысла — семантическую, с точки зрения воздействия на адресата — прагматическую, с точки зрения характеристики авторского стиля — стилистическую, которая, в свою очередь, включает изобразительно-выразительную, гармонизирующую, информативную, экспрессивную, композиционную, а также ряд других функций [Радченко 2013]. Для научного письма первоочередное значение имеют структурная и прагматическая функции повторов.

8. *Хеджирование* — уклончивость, снижение категоричности авторского суждения, термин, который используется в англосаксонской культуре. Дж. Лакофф ввёл понятие инструментов хеджирования в лингвистику, определив их как «слова, задача которых придать смыслу большую или меньшую расплывчатость» (“words whose job is to make things fuzzier or less fuzzy”) [Lakoff 1972: 195]. В русской лингвистике исследователи помимо термина «хеджирование» употребляют термины «категоричность/некатегоричность» [Котюрова, Тихомирова, Соловьева

2011]. В научной литературе это две коммуникативные стратегии, связанные с (1) проявлением «вежливости (тактичности, скромности по отношению к адресату, ограничение или смягчение истинности собственных высказываний в случае отсутствия уверенности в точности информации), (2) стремлением защититься от возможной критики (попытка уйти от прямого высказывания, попытка скрыть личную неуверенность, намеренная неточность при обращении к численным значениям, сглаживание прямых утверждений, максимально объективное представление информации, дистанцирование от ошибочной интерпретации» [Горина, Храброва 2017: 49].

В английском языке в разных источниках в качестве наиболее частотных инструментов хеджирования зафиксированы модальные глаголы и глаголы с модальными значениями (*believe, guess, feel, recon, suppose, think, imagine*), существительные и наречия, имеющие значение суггестивности (*possibility, opportunity, quite, really, relatively, necessarily, just, only, of course, actually, kind of, sort of, maybe*); в русском языке — вводные слова, выраженные наречием, а также глагольные конструкции с глаголом *мочь* в 3-ем лице ед. или мн. числа [Connor 1994, 2004; Devitt 2015; Rundblad 2007].

Перечисленные выше дескрипторы мы выделили как критерии качественного анализа реализации академичности в научных медицинских текстах.

2.3.2. Дескрипторы количественного анализа академичности

Кроме дескриптивно-аналитического описания как метода *качественного анализа* нами были использованы *методы количественного анализа*, которые позволили определить коэффициенты и процентное соотношение единиц анализа на лексическом, синтаксическом и грамматическом уровнях текстов в каждом из исследовательских корпусов.

Основными дескрипторами количественного анализа в настоящем исследовании стали следующие:

1. *Коэффициент лексического/лингвистического разнообразия*. Вслед за В. Йоханссоном, лексическое разнообразие можно определить, как измерение

количества разных слов (из разных word families), используемых в тексте [Johansson 2008: 61].

2. *Лексическая плотность текстов*. В. Йоханссон определяет лексическую плотность текстов как процент значимых лексических единиц в тексте (существительных, глаголов, прилагательных и некоторых наречий): «Lexical diversity is a measure of how many different words that are used in a text, while lexical density provides a measure of the proportion of lexical items (i.e. nouns, verbs, adjectives and some adverbs) in the text» [Johansson 2008: 61].
3. *Лексический «охват» (coverage)* — процентное содержание слов, характеризующих «понятность» текста для читателя, который определяется путем сравнения значимых лексических единиц с лексемами, включёнными в General Word List - GWL (подробно об этой характеристике см.: [Batia 1989; Nation 2006]). Полученные данные отражают сложность текстов для их восприятия читателем, например, если текст характеризуется K-5 frequency level, это означает, что читателю необходимо знать 5000 слов, чтобы понимать содержание текста на 95%. По объективным причинам этот критерий использовался только для анализа текстов, созданных на английском языке.
4. *Частотность употребления местоимений 1 лица* — процентное соотношение лексем 1-го лица к общему количеству лексем в тексте представляет собой критерий, который мы назвали «*коэффициент категоричности*»; чем выше коэффициент категоричности, тем менее объективным является текст.
5. *Частотность употребления конструкций страдательного (пассивного) залога* - процентное соотношение количества предложений с глаголом в страдательном залоге и общего количества предложений представляет собой критерий, который мы назвали «*коэффициент объективизации*»; чем выше коэффициент объективизации, тем более формальным и объективным является текст.

6. *Критерий многословности* — употребление в текстах «длинных» предложений, в состав которых входят 30 и более слов, что является показателем сложности и формальности анализируемых текстов.

Ниже схематично представляем корреляцию между *лингвостилистическими средствами*, *дескрипторами* количественного анализа и *параметрами академичности*.

Таблица 3

Схема дескриптивного анализа академичности

Академичность: схема дескриптивного анализа			
Уровень анализа	Лингвостилистические средства (единицы анализа)	Дескрипторы количественного анализа	Параметры академичности (корреляты единиц анализа)
лексический	формальный вокабуляр; общие и специальные научные термины; абстрактные и отглагольные существительные	лексическое разнообразие (коэффициент); лексическая плотность (%); лексический охват (%)	сложность точность
Синтаксический / грамматический	пассивные конструкции; безличные конструкции; многосоставные номинативные группы; местоимения 1-го лица	коэффициент объективизации; коэффициент категоричности; критерий многословности	сложность объективность
Стилистический	средства нейтрализации категоричности («хедж-маркеры»); лингвостилистические повторы		формальность объективность

2.3.3 Процедура и этапы дескриптивно-сопоставительного анализа академичности

В соответствии с целью выявления лингвокультурной специфики научного медицинского текста была определена поэтапная процедура дескриптивно-сопоставительного анализа академичности, которая объединила в себе три этапа: (I) предварительный, (II) дескриптивный (III) сопоставительный.

На (I) предварительном этапе исследования были определены единицы и параметры анализа, методы количественной и качественной обработки материала (см. разделы 2.1.1 и 2.2.2 Главы 2).

На (II) дескриптивном этапе происходила основная работа исследования. Тексты английских медицинских статей англоязычных авторов (ААЯ, корпус 1), русских медицинских статей (РРЯ, корпус 2), англоязычных медицинских статей русскоязычных авторов (РАЯ, корпус 3) были сначала подвергнуты количественному анализу, в ходе которого с помощью дескрипторов лексического разнообразия, плотности и др. были получены данные о коэффициентах и процентных соотношениях исследуемых единиц на лексическом, синтаксическом и грамматическом уровнях. Затем каждый корпус был последовательно описан интерпретативно-аналитическим методом на лексическом, морфолого-синтаксическом/грамматическом и стилистическом уровне реализации академичности.

На (III) сопоставительном этапе исследования результаты количественного и качественного анализа, полученные по каждому из трёх корпусов сопоставлялись попарно:

- 1) сопоставление результатов ААЯ текстов корпуса 1 и РРЯ текстов корпуса 2 с целью выявления особенностей реализации академичности в медицинских научных текстах на английском и на русском языках, их дальнейшего сопоставления и подтверждения гипотезы о лингвокультурной специфике реализации академичности в научных медицинских текстах;
- 2) сопоставление результатов РРЯ текстов корпуса 2 и РАЯ текстов корпуса 3 проводилось, чтобы выявить языковые средства, за счет которых академичность реализуется в текстах данного корпуса, и сравнить их с особенностями реализации академичности в текстах корпуса 2 (РРЯ), тем самым дополнительно подтвердив или опровергнув предположение о лингвокультурной специфике реализации академичности.

Выводы по главе 2

1. В качестве единиц дескриптивного анализа для выявления реализации академичности применялись следующие: общие и специальные термины, аббревиатуры; абстрактные и отглагольные существительные; многосоставные номинативные группы (noun groups); безличные конструкции; частотность употребления глагольных конструкций в страдательном залоге; частотность употребления местоимений 1-го лица; лингвостилистические повторы, хеджирование.

2. В качестве дескрипторов количественного анализа были использованы: коэффициент лексического разнообразия; лексическая плотность; лексический охват; коэффициент объективизации (процентное соотношение количества предложений с глаголом в страдательном залоге и общего количества предложений); коэффициент категоричности (процентное соотношение лексем 1-го лица к общему количеству лексем в тексте); критерий многословности (употребление в текстах «длинных» предложений, в состав которых входят 30 и более слов).

3. Дескриптивно-сопоставительный анализ академичности научных медицинских текстов состоял из трех этапов: (I) предварительного, (II) дескриптивного, (III) сопоставительного.

Глава 3. Академичность англоязычных медицинских текстов носителей английского языка (ААЯ тексты корпус 1)

3.1. Количественные показатели академичности ААЯ текстов корпуса 1

В результате количественного анализа дескриптора «лексическое разнообразие» было установлено, что коэффициент лексического разнообразия текстов корпуса 1 относительно невелик и составляет 0,16—0,28. Это означает, что диапазон и разнообразие вокабуляра, используемого в текстах, не велико и обусловлено частой повторяемостью этимологически родственных лексем. (см. таблицу 4).

Количественный анализ дескриптора «лексическая плотность» свидетельствует о значительной лексической насыщенности исследуемых текстов: более 2/3 их объема занимают самостоятельные части речи. Такой объем самостоятельных частей речи, преимущественно существительных, безусловно подтверждает сложность научного текста.

Результаты количественного анализа дескриптора «лексический охват» (*coverage*), то есть процентного содержания слов, характеризующих «понятность» текста для читателя, также свидетельствуют о сложности научных медицинских текстов корпуса 1 для их восприятия читателем. В соответствии с используемой шкалой (Compleat Lexical Tutor v.8.3) пороговым уровнем «понятности» текста является K-7 frequency level. Это означает, что читателю необходимо знать 7000 слов, чтобы понимать содержание текста на 95 %. В нашем корпусе уровень «понятности» варьировался от K-7 до K-25. В ходе анализа нами зафиксирован текст с коэффициентом выше K-25, что является чрезвычайно высоким уровнем сложности даже по меркам научного текста. Это, возможно, объясняется узкоспециализированным предметом исследования.

Результаты количественного анализа использования пассивных конструкций (коэффициент объективизации) демонстрируют широкое употребление данных грамматических структур в англоязычных научных текстах. Так, в текстах ААЯ корпуса 1 процент употребления пассивных конструкций составил, в среднем, 53%, с максимальным значением 60,2% и минимальным значением 22,7%.

Употребление пассивных грамматических конструкций является средством реализации академичности (в аспекте создания объективистской тональности) на морфолого-синтаксическом/грамматическом уровне и будет рассмотрено в параграфе 3.2.2.

Количественный анализ частотности употребления местоимений 1 лица (коэффициент категоричности) показал некоторые случаи отклонения от нормы и активное употребление местоимений *we/us/our* в текстах исследуемого корпуса (см. Таблицу 4). Частота употребления лексем 1 лица находится в диапазоне 0,86-2,2% от общего количества неповторяющихся лексем. Более подробно данный критерий будет рассмотрен в параграфе 3.2.2, так как является средством реализации формальности/объективности как параметров академичности на морфолого-синтаксическом/грамматическом уровне.

Таблица 4

Сводные результаты количественного анализа ААЯ текстов корпуса 1*

Текст №	Количество слов/знаков	Критерии сравнения (маркеры академичности)				
		Коэффициент лингвистического разнообразия	Лексическая плотность	Лексический охват (95% «понятности» текста)	Коэффициент объективизации, %	Коэффициент категоричности, %
1	6856/47872	0,25	0,70	K6 frequency level	60,2	0,18%
2	4990/32879	0,21	0,69	K-16 frequency level	45	0,86%
3	4808/30541	0,23	0,68	<i>Не определяется программой после K-25 frequency level</i>	57,52	0,40 %
4	4346/28939	0,16	0,65	K-11 frequency level	44,33	0,74%
5	4003/26007	0,21	0,66	<i>K-3 frequency level</i>	49,32	0,45%
6	3908/26016	0,24	0,72	Не определяется программой после K-20 frequency level	44,3	2,2%
7	3521/22744	0,22	0,66	K-7 frequency level	22,7	0,67%
8	2869/17931	0,24	0,61	K-8 frequency level	51,7	0,66%
9	1800/12207	0,28	0,70	K-8 frequency level	41,43	1,33%

*в связи с большим массивом исследуемого материала в таблице представлены только нижний и верхний пределы анализируемых показателей, выделены жирным курсивом в каждом столбике.

3.2. Качественные показатели академичности ААЯ текстов корпуса 1

3.2.1. Средства реализации академичности на лексическом уровне

Являясь комплексной стилеобразующей характеристикой, академичность реализуется разноуровневыми средствами. На лексическом уровне в исследуемых текстах корпуса 1 выделяются:

- общенаучные термины, например:

development, various aspects, proportions, urgent need, implementation, complex multifactorial process, evolution, reduction, cumulative evidence, the fundamental importance, generation, behavioral functions, the main function,

- специальные медицинские термины, например:

adverse consequences, case-cohort method, lower probability, hazard ratios (HR), social benefits, sickness absence, alcohol consumption, mortality risk factors, protein markers, fasting insulin, insulin resistance, skin autofluorescence;

- аббревиатуры и акронимы терминологического характера, например:

DLB (dementia with Lewy Bodies), EMR (electronic medical record), GOLD (Global Initiative for Chronic Obstructive Lung Disease);

- абстрактные и отглагольные существительные, которые служат средством выражения языковой компрессии и, тем самым, являются подтверждением объективного и обобщенного характера повествования, например:

(1) *The association between the NLR and time to all-cause mortality was assessed.*

(2) *The aim of this study was to investigate the association of alcohol consumption and problem drinking on transitions between work, unemployment, sickness absence and social benefits.*

(3) *High alcohol consumption and problem drinking was associated with higher probability of unemployment.*

(4) *Therefore, improved understanding of disease pathophysiology and the development of preventive measures are particularly important.*

- (5) ... we used the established risk factors included in the GDRS for benchmarking in our German study.
- (6) Our study aimed to identify novel protein associations with incident type 2 diabetes.
- (7) ... in order to further elucidate pathophysiological processes underlying diabetes development.
- (8) A recent meta-analysis on red and processed meat and mortality found a difference in direction of associations with red meat between cohort studies.
- (9) ... but a key role for the environment and its interaction with genetic factors has also been suggested.
- (10) Apgar score is a common tool for assessment of health status in the immediate neonatal period.

- многосоставные номинативные группы (noun groups), которые являются критерием проявления точности и сложности текстов, например:

- (11) *the ongoing Cognitive Function and Ageing II Dementia Diagnosis Study*;
- (12) *government-maintained service/benefits registries*;
- (13) *Wald-type confidence intervals*;
- (14) *the Swedish Tax Agency's population register*;
- (15) *a sample flow chart*;
- (16) *low-density lipoprotein cholesterol*;
- (17) *age-standardized death rates*;
- (18) *diet-related cardiovascular deaths*;
- (19) *the comparative risk assessment framework*;
- (20) *the theoretical minimum-risk exposure level*.

Все вышеуказанные критерии играют фундаментальную роль в создании академичности.

Однако, необходимо отметить, что в рамках данного исследования встречались случаи ненормативной реализации академичности применительно к данным критериям. В частности, нами отмечен случай нарушения традиционного

порядка оформления терминологических аббревиатур, а именно, сначала используется полный термин, за которым в скобках следует аббревиатура. Авторы последовательно использовали в тексте сначала аббревиатуру термина, а затем его полную форму. Ниже предлагаем фрагмент данного оформления:

(21) *PICALM (phosphateidylinositolbinding clathrin assembly protein), BIN1 (bridging integrator 1), CD2AP (CD2-associated protein), RIN3 (Ras and Rab interactor 3), APOE (apolipoprotein E gene), LRP1 (low-density lipoprotein, receptor related protein-1).*

Ниже представлен ещё один пример новых тенденций в реализации академичности. Авторы статьи указали список использованных в исследовании аббревиатур с расшифровкой в начале статьи после ключевых слов и далее по тексту использовали только сокращения:

(22) *Abbreviations*

AGEs - Advanced glycation end products

SAF - Skin autofluorescence

25(OH)D₃ - 25-hydroxyvitamin D₃

RS - Rotterdam Study

eGFR - Estimated glomerular filtration rate.

На наш взгляд, это может быть проявлением языковой компрессии, характерной для англоязычной научной статьи. Возможно, автор намеренно сужает круг дискурсивного сообщества — потенциальных читателей статьи до непосредственных экспертов данной конкретной темы. Это проявление академичности служит своеобразным дискурсивным фильтром, точно определяя целевую аудиторию текста.

3.2.2. Средства реализации академичности на синтаксическом и грамматическом уровнях

Одним из наиболее распространённых грамматических средств, реализующих академичность, а именно, и в первую очередь, ее признак «объективность», в английском научном дискурсе традиционно считаются

синтаксические конструкции страдательного залога (Passive Voice) [Tarone et al. 1998; Rundblad 2007]. Данные исследуемого корпуса подтверждают это и демонстрируют распространённость страдательного залога в медицинских научных статьях (см. табл. 4). Некоторые примеры пассивных конструкций представлены далее:

(23) *892 participants aged 42–81 years **were selected** using a case-cohort design.*

(24) *Mannan-binding lectin serine peptidase (MASP) levels **were positively associated** with both incident type 2 diabetes and prediabetes.*

(25) *Six birth cohorts of 70-year-olds **have been examined** over time.*

(26) *More than 700 papers **have been published** since 1971.*

(27) *They **can be estimated** non-invasively by skin autofluorescence (SAF).*

Наряду с нормативным употреблением страдательного залога наблюдается новая тенденция академического английского, связанная с активной декларацией авторского «я», что несколько противоречит нормативной категории объективности, сдержанности и обезличенности академического стиля. Использование синтаксических конструкций с активным агентом в форме 1-го л. мн. ч. отмечено, например, в следующих фрагментах:

(28) *Therefore, **we** have emphasized throughout that the diagnostic uncertainty should be considered when interpreting the results for vascular dementia. Consequently, **we** named this subtype “suggested vascular dementia” throughout the paper... Hence, **we** cannot exclude that some of the participants receiving a dementia diagnosis during our follow-up time already have dementia pathology at baseline...*

(29) ***We** could also evaluate blood pressure, heart rate, electrolytes, and measures of kidney function, liver function, glucose metabolism and inflammation.*

(30) ***We** found no significant variation across weighted/simple allele score groups, suggesting that this molecular pathway may be safe to target therapeutically.*

(31) ***We** also performed a traditional proportional hazard regression, the results of which can be interpreted as the averaged risks over time....*

(32) *To estimate the range of the theoretical minimum-risk exposure level (TMREL) for each dietary factor, we calculated the level of intake associated with the lowest risk of mortality...*

(33) *Then, we calculated the TMREL...*

(34) *... we calculated the mean and the UI for the final estimates.*

(35) *... we performed multiple imputation of missing data*

(36) *We identified the potential risk factors for high SAF...*

Статистическая информация по частотности употребления личных местоимений в исследовательском корпусе представлена в таблице 4 в параграфе 3.1.

Таким образом, наряду с конвенциональными средствами создания академичности – употреблением пассивных конструкций для придания объективности — мы отмечаем тенденцию к усилению категоричности авторского мнения с помощью активного употребления местоимений 1-го лица. В некоторых проанализированных примерах это свидетельствует о стремлении к грамматическому упрощению (см. примеры 29-35), в других служит проявлением авторской ответственности / активного авторского Я (см. примеры 28, 36).

3.2.3. Средства реализации академичности на стилистическом уровне.

Частотным стилистическим средством актуализации формальности является повтор. В исследовательском корпусе выявлены следующие типы повторов:

- лексический:

(37) *Weight and height **were measured** with light clothes and without shoes, and the body mass index (BMI, kg/m²) was calculated. Waist circumference (cm) **was measured** midway between the 12th rib and the iliac crest. Systemic systolic (SBP) and diastolic (DBP) blood pressure **were measured** after 5 min resting; three **measurements** were taken, and the average of the second and third **measurements***

was recorded and used in the analyses – в приведённом контексте из 70 слов – 5 (7 %) слов являются однокорневыми);

- синтаксический (повтор сходных синтаксических групп):

(38) *For all-cause dementia, Alzheimer's disease and vascular dementia, we calculated the PPV for each dataset separately, and for all three combined.*

For all-cause dementia, true positive cases were those where the adjudicator recorded dementia as being present, with or without meeting diagnostic criteria.

For dementia subtypes, cases were true positives if the adjudicator indicated that a particular subtype diagnosis could be made, with or without meeting the particular diagnostic criteria.

- лексико-синтаксический (смешанный):

(39) *For all-cause dementia, PPVs were 86.8 % (95% CI 78.8–92.6), 87.3 % (75.5–94.7) and 80.0 % (44.4–97.5) in primary care, hospital admissions and mortality data respectively. PPVs were 84.5% (72.6–92.7) for hospital admissions and mortality data in combination, and 82.5% (74.5–88.8) across all datasets (Fig. 4). For subtype codes to identify those specific subtypes (e.g., Alzheimer's disease codes identifying participants with Alzheimer's disease), PPVs for all datasets combined were 71.4% (58.7–82.1) for Alzheimer's disease and 43.8% (19.8–70.1) for vascular dementia.*

Типичные и частотные случаи лексических, синтаксических и смешанных повторов в медицинских научных статьях позволяют нам интерпретировать их как нормативное средство реализации академической формальности. Если повторяемость употребления терминов неизбежна и обусловлена требованием ясности и последовательности научной речи, то повторы однокорневых лексем или использование параллельных синтаксических конструкций являются осознанным выбором автора по созданию максимально удобного для восприятия текста и однозначной интерпретации научных результатов.

Широко распространённым грамматическим средством реализации академичности в научных медицинских текстах, созданных на английском языке,

являются безличные конструкции, как языковые средства, способствующие реализации обезличенности/формальности, обобщенности. Данные корпуса свидетельствуют об активном использовании таких предложений в исследуемых текстах. Ниже предлагаем примеры:

(40) ***It has not been possible to determine** whether this association is causal and to dissect whether it is birth weight per se or an external factor influencing.*

(41) ***It is important to note** that invisible unemployment could occur (e.g. if an unemployed individual is not in receipt of any social transfer benefit).*

(42) *However, **it is of interest** that in our study in the multiple linear regression analyses...*

(43) *In addition, given the broad spectrum of whole grain products available **it is difficult to assess** intake accurately in epidemiological studies*

(44) *In the literature **it is suggested** that moderate alcohol consumption has a beneficial effect on labour outcomes.*

(45) ***It is therefore possible** that the NLCS has detected associations with nitrite because high levels were used in the past.*

(46) ***It is challenging to evaluate** empirically...*

Как видно, безличные предложения являются стилистически нейтральными и служат для акцентуации действия, что придает высказыванию объективный характер.

Хедж-маркеры, или лексические единицы и фразы, с помощью которых нейтрализуется категоричность высказывания, также являются особенностью научных текстов. С помощью таких фраз автор, делая вывод или представляя полученные результаты, может сослаться на авторитет других ученых, подчёркивая, что его мнение и позиция не являются единственно правильными, нивелируется собственное авторское мнение, тем самым суждению придаётся характер объективности и обобщённости. Приведенные далее примеры демонстрируют это явление:

(47) ***It is likely** that both exposure and endpoint are associated with other physical, social, and behavioural risk factors not included in the analyses, such as*

impulsivity, lower cognitive ability, or, socioeconomic disadvantages occurring early in life or genes;

(48) ***It is therefore possible*** that the NLCS has detected associations with nitrite because high levels were used in the past.

(49) Thus, ***it is likely*** that factors other than genetics account for the majority of the variance of BW.

(50) Accumulation of amyloid- β in the vessel walls of the blood–brain barrier ***could*** lead to microinfarcts or microbleeds...

(51) ... therefore obvious confounding of the gene scores ***could*** be excluded...

(52) We found no significant variation across weighted/simple allele score groups, ***suggesting*** that this molecular pathway may be safe to target therapeutically.

(53) These findings ***may suggest*** that clathrin-mediated endocytosis...

(54) ... ***whether*** there were obvious outliers that ***had likely*** substantially contributed to the observed heterogeneity.

(55) ... the results were not substantially altered when using the “Trim and Fill” method, ***suggesting*** that small study bias ***is not likely*** to have had a large impact on the results.

Что касается употребления длинных и сложных (long and complex) предложений в научном письме, Адриан Уоллворк, эксперт в academic writing утверждает, что средняя длина предложения в английском языке с течением времени становилась все короче. Во времена Шекспира это было около 45 слов, 150 лет назад — около 29 слов, а современные эксперты рекомендуют строить предложения, которые включают от 15 до 18 слов. По мнению Уоллворка, в академическом письме следует стремиться к верхнему пределу примерно в 25 слов. Адриан Уоллворк утверждает, что «чем длиннее ваше предложение, тем больше вероятность, что оно будет неправильно понято» [Wallwork 2011: 35]. Однако академический английский не может обойтись без длинных предложений, выражающих сложные идеи. В таком случае, согласно Уоллворку, длинные предложения должны содержать следующие компоненты (один или несколько):

1. связующее слово или словосочетание (*например, и, более того, на самом деле, хотя, в связи с тем, что*).

2. список предметов, которые классифицируются (т.е. путем перечисления их характеристик).

3. знаки пунктуации – запятая, точка с запятой, двоеточие. Это необходимо для того, чтобы более чётко упорядочить мысли, содержащиеся в данном высказывании.

В текстах исследуемого корпуса длина предложений, в среднем, составила 29 слов в предложении, длинные предложения с количеством лексем 35 и более представляли собой сложноподчинённые предложения со связующими конструкциями и знаками препинания, что в целом почти соответствует норме. Однако встречались также отклонения от нормативного построения предложений. Некоторые примеры представлены далее:

(56) Another explanation for the association of vitamin D with SAF could be that skin AGEs may prevent the conversion of provitamin D into vitamin D in the skin by preventing vitamin D3 from being absorbed into the blood or altering the extracellular matrix, blocking photosynthesis (44 слова, одна запятая, связующие конструкции - союз *or*)

(57) Dementia diagnosis in community settings and hospitals has increased over the past decade and the 2012 UK policy of seeking possible dementia cases in elderly hospital inpatients and referring to memory services for diagnosis may have resulted in more physically unwell people being diagnosed in the later years of our study, though our findings were adjusted for physical illness severity. (60 слов, знаки препинания отсутствуют, связующие конструкции – союзное слово *and* употреблено трижды, союзное слово *though* один раз).

Выводы по главе 3

1. Данные количественного анализа реализации академичности в ААЯ текстах корпуса 1 на основе дескрипторов «коэффициент лексического

разнообразия», «лексической плотности», «лексического охвата», «коэффициент категоричности», «коэффициент объективизации», критерия многословности - подтверждает формальный характер, объективность изложения и языковую сложность текстов корпуса 1.

2. На лексическом уровне реализации академичности в текстах проявляются традиционные тенденции, связанные с широким употреблением терминологического аппарата, абстрактных существительных, многосоставных номинативных групп (noun phrases), и новые тенденции в использовании и оформлении терминологических аббревиатур.

3. Наряду с традиционными средствами реализации академичности на грамматическом уровне – активным употреблением пассивных конструкций для придания объективности - мы отмечаем тенденцию к усилению категоричности авторского мнения с помощью активного употребления местоимений 1-го лица.

4. На стилистическом уровне академичность реализуется нормативно в виде типичных и частотных случаев употребления лексических, синтаксических и смешанных повторов, что обусловлено требованием ясности и последовательности научной речи, а также осознанным выбором автора для удобства восприятия текста и однозначной интерпретации научных результатов; активном использовании безличных конструкций и хедж-маркеров для реализации формальности и обобщенности как признаков академичности.

Глава 4. Академичность русскоязычных медицинских текстов носителей русского языка (РРЯ тексты корпус 2)

Материалом исследования для второго корпуса послужили полнотекстовые статьи, созданные авторами/коллективами авторов на русском языке. Статьи были опубликованы в рецензируемых наукометрических базах данных (Перечень ВАК, редакция 01.12.2015, Web of Science (ESCI), SCOPUS), находились в открытом доступе, имели Резюме/Аннотацию, текст которого/ой также был включен в материал исследования.

4.1. Количественные показатели академичности РРЯ текстов корпуса 2

Анализ дескриптора «лексическое разнообразие» показал, что тексты корпуса 2 имеют коэффициент лексического разнообразия, равный 0,44—0,55 (см. Таблицу 5). Данный показатель выше аналогичного коэффициента текстов корпуса 1 (0,16—0,28), поэтому можно заключить, что авторы текстов русского корпуса используют большее количество разнообразных лексических средств. Возможным объяснением этому могут служить два фактора. Во-первых, в научных медицинских текстах корпуса 2 нами отмечено широкое использование абстрактной лексики (*совершенствование качества, модернизация, оптимизация подходов, уровень, степень, пути решения, наличие, существующий и пр.*), сопровождающей предмет высказывания. Такое «научообразное» многословие в русском научном стиле считается признаком академичности и обуславливает более высокий коэффициент лексического разнообразия. Во-вторых, в русском языке повторение однокоренных слов – тавтология – считается лексической ошибкой, нарушением правил смыслового согласования слов в результате неграмотности или невнимательности автора [Фоменко 1994]. Именно поэтому авторы, стремясь избежать тавтологии, активно употребляют синонимы в анализируемых текстах. Некоторые примеры представлены далее:

(58) *Результаты* проведенного нами регрессионного анализа *позволили продемонстрировать* положительную зависимость содержания *TEMRA* у

*больных АФП со ст. фиброза... У лиц, злоупотребляющих алкоголем, без АБП также **были обнаружены негативные ассоциации** между числом TN с ТЕМ...*

*(59) Таким образом, у лиц с хроническим активным злоупотреблением алкоголя на терминальных стадиях АФП **снижение числа** наивных Т-лимфоцитов и Т-клеток... В то же время **уменьшение пула** наивных Т-клеток у данной категории больных...*

*(60) **Критериями исключения** являлись: острые и обострения хронических воспалительных заболеваний органа зрения, наличие диабетической ретинопатии... **Из исследования исключались пациенты**, принимавшие для нормализации внутриглазного давления препараты...*

*(61) **Для обработки данных применялось** программное обеспечение Bio-Plex manager... **Анализ данных проводили с помощью** пакета прикладных программ Statistica 10.*

*(62) ... **установлено** наличие статистически значимо более высоких концентраций ряда цитокинов... **Выявлены** статистически значимо более высокие ($p < 0,05$) концентрации ИЛ-6, ... **определялись** статистически значимо более высокие концентрации ($p < 0,01$) ИЛ-8...*

На данный момент не представляется возможным получить статистические данные для критериев «лексическая плотность» и «лексический охват», так как имеющееся программное обеспечение не генерирует такие данные для текстов, созданных на кириллице.

Результаты количественного анализа использования пассивных конструкций (коэффициент объективизации) не демонстрируют широкое употребление данных грамматических структур в русскоязычных научных текстах. Как видно из Таблицы 5, в исследуемых текстах количество предложений, содержащих средства выражения пассивности, т.е. коэффициент объективизации, составило от 9,8 % до 26,6 %, что более чем в два раза меньше данного показателя для ААЯ текстов корпуса 1 (22,7 и 60,2%). Такой небольшой процент пассивных предложений может

свидетельствовать о том, что объективность в РРЯ текстах корпуса 2 реализуется за счет других языковых средств, чем в ААЯ текстах корпуса 1.

Кроме того, количественный анализ частотности употребления местоимений 1 лица (коэффициент категоричности) показал, что частота употребления данных лексем в текстах корпуса 2 находится в диапазоне 0,1—0,7% (см. Таблицу 5), что значительно меньше аналогичного показателя для ААЯ текстов корпуса 1, равного 0,86-2,2% (см. Таблицу 4). Полученные данные могут свидетельствовать о более объективном характере РРЯ текстов корпуса 2 или о различных языковых средствах реализации объективности в текстах представленных корпусов.

Более подробно пассивные конструкции и местоимения 1 лица будут рассмотрены в параграфе 4.2.2, так как эти категории являются средствами выражения академичности на морфолого-синтаксическом/грамматическом уровне.

Таблица 5

Сводные результаты количественного анализа РРЯ текстов корпуса 2*

Текст №	Количество слов/ знаков				
		Количество уникальных слов (словообразовательные гнезда)	Коэффициент лингвистического разнообразия	Коэффициент объективизации, %	Коэффициент категоричности (%)
1	4424/ 31087	1932	0,44	26,6	0,5
2	2090/ 15137	1025	0,49	9,8	0,4
3	1898/ 13216	927	0,52	23	0,1
4	1817/ 12813	1004	0,55	13,5	0,7

*в связи с большим массивом исследуемого материала в таблице представлены только нижний и верхний пределы анализируемых показателей, выделены жирным курсивом в каждом столбике.

4.2. Качественные показатели академичности РРЯ текстов корпуса 2

4.2.1. Средства реализации академичности на лексическом уровне

Характеризуя лексические параметры научных медицинских текстов, созданных на русском языке, необходимо отметить следующее:

- наличие большого количества общих терминов: *популяция, этиологический фактор, трансформация, миграция*, и др.;

- наличие большого количества специальных терминов: *кровоток, патогенез, стеатоз, фиброз, цирроз* и др.;

- наличие большого количества аббревиатур и акронимов, как общепринятых: *интерлейкины (ИЛ), макрофагальный воспалительный протеин (МВП), фолликулярной жидкости (ФЖ), экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), алкогольный фиброз печени (АФП), первичная открытоугольная глаукома (ПОУГ)*, так и созданных авторами статей: *индекс иммунорегуляции (ИР), процент уменьшения площади ран (ПУП ран)*;

- наличие абстрактных существительных: *увеличение, изучение, развитие, заключение, подтверждение, актуальность, сущность, эффективность* и др.;

- наличие значительного количества многосоставных номинативных групп (сущ. 1 + сущ. 2 в род. пад. + сущ. 3 в род. пад. + ...): *холодовой гиперреактивностью дыхательных путей; деструктивно-цитолитические процессы в бокаловидном эпителии бронхов больных БА; увеличением секреторной активности бокаловидных клеток; методы лечения гнойно-воспалительных процессов мягких тканей; статистически достоверные различия по уровню рН; средний или повышенный уровень непродуктивной нервно-психической напряженности; психоэмоциональное состояние пациентов; процедура древовидной кластеризации* и др.

Все вышеперечисленные параметры проявляются в равной мере и в научных медицинских текстах, созданных на английском языке. Однако нами выявлены признаки, которые в силу разных причин свойственны только русскоязычным научным медицинским текстам. К ним относятся следующие:

- наличие большого количества прилагательных, что вызвано необходимостью определить видовую (или другого рода) характеристику какого-либо явления, предмета, процесса, определить его свойства и т. п.: *детектируемые концентрации, стимулированная овуляция, проведенные исследования, широкий спектр противомикробного действия разработанной пленки, местно-анестезирующая активность, экспериментальных гнойных ран* (родо-видовая

характеристика явлений, объектов и процессов — встречается и в английских медицинских текстах, но атрибутивный смысл в них далеко не всегда выражен прилагательными, для этого могут использоваться и существительные, и неопределенная форма глагола в функции «attribute» (определение);

- интернациональный характер текстов, что проявляющийся наличием в них когнатов (слов, сходных по значению и звучанию в двух и более языках), а также большого количества слов с иноязычными по происхождению элементами: *изоформы, пролиферация, цитометрия, субпопуляция, дегенерация, дисбаланс, декомпенсация* и др.

4.2.2. Средства реализации академичности на синтаксическом и грамматическом уровнях

В текстах исследуемого корпуса активно употребляются цепочки существительных в родительном падеже в составе номинативной группы: *на основании микробиологического метода исследования, сопровождается снижением уровня содержания гликопротеинов в цитоплазме, методы лечения гнойно-воспалительных процессов мягких тканей* и т. д. Данная характеристика свойственна русскому языку в силу особенностей его морфолого-синтаксического строя. Как отмечает Н.И. Колесникова, в 70-80-х годах прошлого столетия такие цепочки считались особенностью научного стиля речи. В настоящее время такие конструкции считаются недостатком, который затрудняет восприятие текста. «При этом разница между “особенностью” и “недостатком” при использовании цепочек родительных падежей заключается в количестве звеньев: оно не должно превышать трёх-пяти слов» [Колесникова 2010b: 144]. Таким образом, критерий «номинативные группы» в русском языке можно отнести как к лексическому уровню выражения академичности, так и к морфолого-синтаксическому, так как связи между словами внутри номинативной группы устанавливаются морфологическим способом: образованием новых словоформ с помощью падежных окончаний.

В текстах исследуемого корпуса представлено значительное количество пассивных конструкций (9,8 %—26,6 %), что является одной из особенностей научного стиля и проявлением академичности. Пассивность в русском языке трактуется как «исходно-объектная ориентация действия-предиката» [Бондарко 1991: 125]. Она может быть выражена возвратным глаголом с постфиксом *-ся(сь)*, а также страдательным причастием, иногда со связующим глаголом *быть* [Русская грамматика 1980а]. Приведем некоторые примеры:

(63) *Было установлено отсутствие в ВГЖ пациентов обследованных групп фактора некроза опухоли (ФНО) α , интерлейкина (ИЛ) 5, ИЛ-13, гранулоцитарного колониестимулирующего фактора и интерферона (сказуемое выражено глагольной конструкцией в страдательном залоге);*

(64) *Из исследования **исключались** пациенты, принимавшие для нормализации внутриглазного давления препараты, содержащие аналоги простагландинов (сказуемое выражено возвратным глаголом с частицей *-ся*);*

(65) *В результате проведённого исследования **были получены** данные, представленные в таблице (сказуемое выражено глагольной конструкцией в страдательном залоге);*

(66) ***Выявлены** статистически значимо более высокие ($p < 0,05$) концентрации ИЛ-6 (сказуемое выражено кратким страдательным причастием).*

Данные дескриптивного анализа корпуса научных текстов медицинской тематики, созданных на русском языке, демонстрируют, что русскоязычные исследователи, в большинстве своем, не стремятся активно выразить свою авторскую позицию посредством местоимений 1-го лица. Местоимения *мы/нам/наш* встречались лишь в 15 статьях РРЯ текстов исследуемого корпуса 2, процент использования данных единиц невелик — от 0,1 % до 0,7 % (см. Таблицу 5). Данный факт свидетельствует о том, что авторы не выходят за нормативные рамки категорий объективности, обезличенности, сдержанности. Приведем некоторые примеры:

- (67) *Материалом для исследования явилось разработанное нами ... раневое покрытие в виде пленки (раздел Методы);*
- (68) *В нашем исследовании разработанная пленка (раневое покрытие) содержит различные антисептики и противомикробные вещества (раздел Обсуждение);*
- (69) *Применение разработанной нами пленки статистически значимо ускоряло процесс заживления ран (раздел Заключение).*

4.2.3. Средства реализации академичности на стилистическом уровне

По мнению лингвистов, одним из проявлений научного стиля в корпусе русских текстов на стилистическом уровне являются простые предложения, длина которых, в среднем, составляет 16,5 слов, осложнённые причастными, деепричастными оборотами, вводными конструкциями, имеющие чёткую упорядоченность, наличие в своем составе синтаксических повторов для устранения какой-либо двойственности толкования [Колесникова 2010b]. Помимо указанных предложений, рассмотренные РРЯ тексты корпуса 2 содержат самостоятельные простые предложения и простые предложения в составе сложных, которые изобилуют причастными и деепричастными оборотами, вводными конструкциями, однородными членами, иногда в ущерб логичности и ясности изложения. Наш корпус свидетельствует, что такие предложения употребляются достаточно часто в исследуемых текстах. Ниже приведём примеры.

(70) *Выявленное нами в крови больных АФП с терминальными (III–IV) ст. заболевания снижение (относительно контроля и группы сравнения) относительного числа наивных (T_N) и T -лимфоцитов центральной памяти (T_{CM}), ассоциированное с ростом количества эффекторных клеток (T_{EM} и T_{EMRA}), позволяет нам предположить у этой категории больных факт прямой дифференцировки лимфоцитов T_N и T_{CM} в эффекторные (T_{EM} и T_{EMRA}), что может усугублять течение тканедеструктивного процесса за счет высокой биоцидной активности последних.*

Это предложение содержит 47 лексических единиц, исключая краткие обозначения лимфоцитов, союзы и предлоги, является сложным с двумя грамматическими основами, простые предложения в составе сложного содержат причастные обороты, группы однородных членов.

(71) Установлено наличие статистически значимо более высоких концентраций цитокинов и факторов роста во внутриглазной жидкости пациентов с развитой стадией первичной открытоугольной глаукомы относительно данных, полученных при исследовании внутриглазной жидкости лиц с неосложненной катарактой (интерлейкины (ИЛ) 6, 7, 8, 12, 17, ТФРβ 1, 2, 3, макрофагальный воспалительный протеин (МВП) 1β), а также статистически значимо более низкие концентрации ИЛ-2, ИЛ-10, гранулоцитарно-макрофагального колониестимулирующего фактора.

Это предложение содержит 47 лексических единиц, исключая аббревиатуры и акронимы, является простым, осложнённым причастным оборотом, однородными членами, многосоставными номинативными группами.

(72) Психосемантический анализ указывает на то, что после процедур массажа происходит выделение в кластеры значимых жизненных ценностей, связанных со здоровьем, восприятия себя более нужным и привлекательным, есть основания судить о том, что человек перестает «уходить в болезнь» и, наоборот, «разворачивается» ко внешнему окружению, улучшаются семейные и любовно-эротические отношения.

Это предложение содержит 47 лексических единиц, является сложным с тремя грамматическими основами, простые предложения в составе сложного содержат причастный оборот либо однородные члены.

(73) Известно, что гетерогенные по фенотипическим, анатомическим и функциональным характеристикам субпопуляции Т-клеток памяти характеризуются антиген-независимой персистенцией, самообновлением и способностью к самоподдержанию, обеспечивая быстрый и эффективный ответ при повторном воздействии патогенов инфекционной и неинфекционной природы.

Это предложение содержит 35 лексических единиц, является простым с вводной конструкцией, тремя группами однородных членов, деепричастным оборотом.

Некоторые исследователи считают стилистическими средствами проявления научного стиля глагольные формы времени: настоящего исторического и будущего в значении настоящего (см., например: [Колесникова 2010b]). В статьях исследуемого корпуса 2 глагольные формы в указанных значениях не обнаружены. Авторы проанализированных научных статей использовали в разделе Введение формы настоящего времени (для обобщения теоретических положений), в разделах Материалы и методы, Результаты, Обсуждение, Выводы/Заключение — формы прошедшего времени (для описания проведенных экспериментов), настоящего времени (для обсуждения полученных результатов). Закономерность в выборе форм времени не просматривается, они, на наш взгляд, использованы случайным образом. Однако, для выявления специфики употребления временных глагольных конструкций требуется отдельное исследование.

Типичным проявлением академичности на стилистическом уровне являются лексические и синтаксические повторы, так как служат для более четкой логической и структурной организации текста и предложений внутри текста, а также для устранения любых неясностей при объяснении фактического материала. Однако повторы не так часто встречаются в РРЯ текстах корпуса 2 и обнаруживаются, в основном, в разделе Материалы и методы. Приведём примеры:

(74) Причиной бесплодия в 13 % случаев был мужской фактор, в 87 % случаев – женское бесплодие. Причиной женского бесплодия в 45 % случаев являлся трубно-перитонеальный фактор, 5 % – эндокринный фактор, 50 % – сочетанное бесплодие;

(75) Так, в ФЖ женщин с бесплодием более 5 лет уровень свДНК был выше, чем в группе с длительностью бесплодия ≤5 лет (36,6 vs 40,9 нг/мл; $p = 0,03$) (рис. 1, с). Уровень свДНК в группах женщин с первичным и вторичным бесплодием (40,0 vs 41,1 нг/мл), мужским и женским факторами бесплодия (40,9 vs 39,2

нг/мл), а также с различными **факторами женского бесплодия** (трубно-перитонеальным, эндокринным, сочетанным) значимо не различались.

Проанализированные РРЯ тексты позволяют утверждать, что в русскоязычном корпусе авторы стремятся избегать лексических повторов и используют синонимы для выражения одинакового признака, предмета, действия. Возможно, это объясняется стремлением авторов избежать тавтологии, которая для русской речи считается негативной характеристикой.

Известно, что безличные конструкции являются широко употребительным средством выражения академичности английских текстов на синтаксическом уровне. Данные корпуса 2 нашего исследования демонстрируют употребление большого количества неопределённо-личных предложений, когда сказуемое выражено глаголом 3-го лица множественного числа. Такое употребление формы 3 л. мн. ч. и форм мн. ч. прошедшего времени в неопределённо-личном значении, когда действие представляется как выполняемое неопределённым (неопределённо мыслимым, неизвестным, не установленным или намеренно не устанавливаемым) лицом или лицами, является стилистически нейтральным и служит для акцентуации действия, а не деятеля [Русская грамматика 1980а: 638], подчеркивая отстранённость и объективность повествования. Приведём некоторые примеры.

(76) *Для этого перед вступлением в программу экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) у женщины **определяют** уровень антимюллерового гормона (АМГ) и число антральных фолликулов (АФ);*

(77) *четырем пациенткам процедуру ЭКО **осуществляли** в естественном цикле;*

(78) *Статистическую обработку данных **проводили** при помощи пакета прикладных программ Statistica 6.0 для Windows.*

К средствам реализации академичности научных текстов относят инструменты хеджирования — слова и выражения, которые придают повествованию уклончивый, некатегоричный характер. Отметим, что данный

прием использовался в исследуемых статьях корпуса 2 нечасто: фразы, смягчающие категоричность авторской позиции, широко употреблялись лишь в 10% рассмотренных статей. Вероятно, такое речевое поведение авторов — не проявлять уклончивость и осторожность, представляя информацию — можно объяснить их стремлением быть объективными, категорично и уверенно заявить о результатах собственных исследований, претендуя на универсальность и обобщение. Кроме того, такое поведение авторов может быть проявлением лингвокультурной специфики. В качестве инструментов хеджирования зафиксированы вводные слова, выраженные наречием, а также глагольные конструкции с глаголом *мочь* в 3-ем лице ед. или мн. числа. Некоторые примеры представлены далее.

(79) ...*данные могут послужить* основой для исследования новых аспектов;

(80) ...*это, по-видимому, связано со способностью* АМГ;

(81) **Возможно**, это связано с тем, что для исследований отбирали образцы ФЖ только из крупных фолликулов;

(82) Таким образом, уровень свДНК в ФЖ **может служить** дополнительным биомаркером.

Выводы по главе 4

На основании данных количественного и дескриптивного анализа русскоязычных научных медицинских текстов корпуса 2 можно сделать следующие выводы.

1. Анализ количественных дескрипторов продемонстрировал высокий коэффициент лексического разнообразия в РРЯ текстах корпуса 2 за счет употребления синонимов для описания сходных понятий, низкий коэффициент объективизации за счет сравнительно низкой частотности употребления глагольных конструкций в пассивном залоге, низкий коэффициент категоричности в результате низкой частотности употребления местоимений 1-го лица.

2. На лексическом уровне в РРЯ текстах корпуса 2 установлено нормативное употребление терминологического аппарата (общих и специальных терминов, аббревиатур), абстрактных существительных. Очевидной особенностью РРЯ текстов корпуса 2 является наличие в них значительного количества прилагательных и интернациональный характер текстов, что достигается за счёт присутствия когнатов и слов с иноязычными элементами. Что касается номинативных групп, их можно отнести и к лексическому, и к морфолого-синтаксическому уровню проявления академичности в силу особенностей морфологического строя русского языка.
3. На синтаксическом и грамматическом уровнях РРЯ текстам корпуса 2 свойственно употребление номинативных групп, состоящих из цепочек существительных в родительном падеже, что, очевидно, является проявлением лингвокультурной специфики. Кроме того, несмотря на более широкий арсенал средств для выражения пассивности, количество глагольных конструкций в пассивном залоге сравнительно не велико; это дает возможность предположить, что авторы широко используют другие средства для реализации объективности в РРЯ текстах корпуса 2, например, низкая частотность употребления местоимений 1-го лица способствует реализации формальности и объективности в текстах корпуса 2.
4. На стилистическом уровне авторы активно используют безличные конструкции, сложные предложения, менее активно используют лингвостилистические повторы и хедж-маркеры для реализации академичности, что может рассматриваться как проявление лингвокультурной специфики.

Глава 5. Академичность англоязычных медицинских текстов носителей русского языка (РАЯ тексты корпус 3)

Материалом исследования для третьего корпуса послужили статьи русскоязычных авторов, созданные на английском языке. В корпус исследования были включены полнотекстовые статьи русскоязычных авторов, созданные на английском языке, опубликованные в рецензируемых изданиях, соответствующие содержательно-структурным параметрам Introduction/Methods/Results and Discussion (IMRaD), имеющие аннотацию, текст которой также был включен в материалы исследования.

Анализ РАЯ текстов корпуса 3 был проведен для того, чтобы выявить языковые средства, за счет которых академичность реализуется в текстах данного корпуса, и сравнить их с особенностями реализации академичности в текстах корпуса 1 и корпуса 2. Данный анализ подтвердил универсальность критериев, выбранных для сравнения: коэффициент лексического разнообразия, лексическая плотность, лексический охват, коэффициент объективизации, коэффициент категоричности, употребление общих и специальных терминов, аббревиатур, многосоставных номинативных групп, лексико-стилистических повторов, безличных предложений, хедж-маркеров. Однако, в ходе сравнения были также обнаружены особенности, сходные с проявлениями в текстах корпуса 2, что свидетельствует о проявлении лингвокультурной специфики реализации академичности в научных медицинских текстах: употребление многосоставных номинативных групп с цепочкой существительных в родительном падеже, неактивное употребление лексических и синтаксических повторов, низкая частотность употребления местоимений 1-го лица (низкий коэффициент категоричности), низкая частотность употребления безличных предложений, большое количество многословных сложных предложений.

5.1. Количественные показатели академичности РАЯ текстов корпуса 3

В качестве критериев для количественного анализа РАЯ текстов корпуса 3 были выбраны следующие характеристики: коэффициент лингвистического разнообразия, лексическая плотность, «лексический охват» (coverage), коэффициент объективизации (процентное соотношение количества предложений с пассивными конструкциями и количество всех предложений в тексте) и коэффициент категоричности (процентное соотношение местоимений 1-го лица и количество всех неповторяющихся лексем в тексте), критерий многословности (наличие в текстах сложных предложений с большим количеством слов); кроме того, статистические данные использовались для обоснования качественных критериев (употребление конструкций страдательного залога, 1 лица множественного числа, длинных и сложных (long and complex) предложений).

Как видно из проведенного анализа, нижний и верхний пределы коэффициента лексического разнообразия в текстах корпуса 3 составили 0,21 и 0,31 соответственно (см. Таблицу 6). Данный показатель не является значительным и свидетельствует о частой повторяемости этимологически родственных лексем.

Результаты количественного анализа показывают, что коэффициент лексической плотности текстов исследуемого корпуса в среднем был равен 0,68 (с максимальным значением 0,73 и минимальным значением 0,63). Данный факт означает, что более 2/3 объёма всех лексем составляют самостоятельные части речи, это свидетельствует о лексической насыщенности исследуемых текстов.

Результаты количественного анализа на основе дескриптора «лексический охват» демонстрируют, что данный показатель в анализируемом корпусе составил от K-13 frequency level до K-25 frequency level, т.е. читатель должен знать 13000—25000 слов, чтобы понимать текст на 95%. Этот факт свидетельствует о значительной сложности текстов, включенных в корпус, и их насыщенности специальной лексикой.

Результаты количественного анализа использования пассивных конструкций (коэффициент объективизации) демонстрируют значительное употребление

данных грамматических структур в англоязычных научных текстах, созданных РЯ авторами: нижний и верхний пределы для критерия «коэффициент объективизации» были равны 22,2 и 69,4% соответственно; в среднем по исследуемому корпусу этот показатель равнялся 45%, что составляет почти половину всех предложений (см. Таблицу 6). Данный критерий будет рассмотрен в параграфе 5.2.2, так как является средством реализации академичности на морфолого-синтаксическом/грамматическом уровне.

Результаты количественного анализа употребления местоимений 1-го лица (коэффициент категоричности) демонстрируют низкую частотность употребления данных местоимений в текстах исследуемого корпуса с нижним и верхним предельными значениями равными 0,05 и 0,7 соответственно (см. Таблицу 6). Данный факт свидетельствует о том, что авторы текстов не стремятся активно выражать свою позицию и заявлять о своём мнении в текстах исследуемого корпуса. Данный критерий будет рассмотрен в параграфе 5.2.2, так как является средством реализации академичности на синтаксическом и грамматическом уровнях.

Таблица 6

Сводные результаты количественного анализа текстов корпуса 3*

Текст №	Количество слов/знаков	Количество разных слов (типы)	Коэффициент лингвистического разнообразия	Лексическая плотность	Лексический охват (95%)	Коэффициент объективизации, %	Коэффициент категоричности, %
1	1057/5681	281	0,27	0,63	K-18 frequency level	34,8%	0,6%
2	1732/9546	515	0,31	0,71	K-13 frequency level	54,4%	0,05%
3	1799/10682	508	0,26	0,73	K-25 frequency level	22,2%	0,4%
4	2509/14097	679	0,29	0,70	K-12 frequency level	69,4%	0,07%
5	2535/ 14039	559	0,21	0,66	K-12 frequency level	41,7%	0,7%

*в связи с большим массивом исследуемого материала в таблице представлены только нижний и верхний пределы анализируемых показателей, выделены жирным курсивом в каждом столбике.

5.2. Качественные показатели академичности РАЯ текстов корпуса 3

5.2.1. Средства реализации академичности на лексическом уровне

Качественный анализ текстов корпуса 3 показал, что средствами выражения академичности на лексическом уровне в исследуемых текстах были следующие:

- общие термины: *in norm and in pathology, complications, fatigue, numbness transient blindness, the pineal gland cells*;
- специальные термины, например: *the population, cohort*,
- аббревиатуры терминологического характера: *arterial hypertension (AH), body mass index (BMI), electrocardiogram (ECG), the sigmoid venous sinus of the brain (SS), antioxidant defense (AOD), lipid peroxidation (LPO)*;
- абстрактные существительные и существительные, образованные от глаголов: *activation, decrease, influence, regulation, adaptation, formation, presence, management, analysis*;
- номинативные фразы (noun phrases) — многосоставные словосочетания с главным существительным: *the rhythmic functions of human organs and systems, quantity assessment of arterial hypertension symptoms, as frequencies and percentages for categorical variables and as mean for continuous variables, informational characteristics of different levels of control, metabolic parameters of the sigmoid venous sinus of the brain*.

В приведённых примерах обращает на себя внимание факт многочисленного употребления предлога *of* для связи существительных в составе цепочек многосоставных номинативных групп, который, как известно, выражает значение посессивности в английском языке и симметричен в этом смысле родительному падежу в русском языке. Данный факт свидетельствует об особенности проявления академичности в текстах исследуемого корпуса и указывает на проявление лингвокультурной специфики РЯ авторов.

5.2.2. Средства реализации академичности на синтаксическом и грамматическом уровнях

Одним из средств выражения академичности на синтаксическом и грамматическом уровнях является употребление конструкций с глаголом в пассивном залоге. Такие предложения были частотны, коэффициент их употребления находился в диапазоне от 22,2% до 69,4% (см. Таблицу 6), данные конструкции употреблялись в соответствии с нормой. Такая высокая частотность употребления конструкций в страдательном залоге способствует реализации признака объективности в РАЯ текстах корпуса 3. Сходные проявления отмечены и для ААЯ текстов корпуса 1 (коэффициент объективизации 20,06%—60,5%), что свидетельствует об универсальном характере данного признака. Некоторые примеры приведены далее:

(83) *The AH diagnosis **was based** on 2018 ESC/ESH Guidelines.*

(84) *The insomnia diagnosis **was based** on the international classification of sleep disorders. The study **was approved** by the Ethics Committee.*

(85) *Written informed consent **was obtained** from each patient.*

(86) *It **has been confirmed** that the complete CC of the BB from RA to the ejection from the LV has a length equal to two completed heart contraction cycles.*

Статистический анализ частотности употребления местоимений 1 лица (коэффициент категоричности) подтвердил, что авторы не склонны активно употреблять местоимения *we / us / our* в научных текстах и, тем самым, категорично заявлять о своей авторской позиции (см. Таблицу 6). Сходное дискурсивное поведение авторов было обнаружено при анализе текстов корпуса 2, что является дополнительным доказательством проявления лингвокультурной специфики. Низкая частотность употребления местоимений 1-го лица является критерием реализации признаков «объективность» и «обобщенность». Данные лексемы встречались всего в 11 статьях из 97 проанализированных статей корпуса 3. Некоторые примеры представлены далее:

(87) *We analyzed complaints, anamnesis data, objective status data, and laboratory and instrumental data (Obesity-Asthma)*

(88) *Our study showed that levels of leptin, NPY and TOD were significantly higher and the TAS level was significantly lower in asthmatic patients with obesity compared with asthmatic patients who were overweight or had normal body weight, indicating inflammatory activity.(Obesity-Asthma).*

5.2.3. Средства реализации академичности на стилистическом уровне

Дескриптивный анализ показал, что средствами реализации академичности на стилистическом уровне в тестах корпуса 3 являлись повторы:

а) лексические – повторение слова, словосочетания или предложения в составе одного высказывания (предложения, сложного синтаксического целого, абзаца) и в более крупных единицах коммуникации, охватывающих ряд высказываний;

б) синтаксические – повторение синтаксической структуры словосочетания или предложения.

В отношении лексических повторов следует отметить особенность, которая проявлялась и при анализе текстов корпуса 2 (РЯ авторы, текст на русском языке): авторы стремились избегать тавтологии и даже в рамках одного предложения/абзаца употребляли глаголы-синонимы. Следующие далее примеры демонстрируют описанные явления:

(89) *Thus, in ISIAH rats there was an increase in toxic TBA-active products and a decrease in TTA, α -tocopherol and retinol in comparison with normotensive animals; in AH adolescents there was an increase in the content of intermediate–KD-CT and final TBA-active products, and a decrease in the α -tocopherol level in relation to the comparison group.* — лексический и синтаксический повторы: в данном примере, с одной стороны, наблюдается повтор грамматической структуры *there was*, с другой стороны, авторы стремятся избежать лексических повторов и употребляют фразы *in comparison with/ in relation to the comparison group* для выражения сравнения в однотипных структурах;

(90) *According to anthropometrical reference data, 30/16.8% patients had normal*

weight; 90/50.6% patients were overweight; 49/27.5% patients had first-degree obesity; — лексический повтор: в данном примере в рамках одного предложения авторы используют три разных глагола-сказуемых для обозначения одного и того же понятия - веса тела человека.

(91) *The AH diagnosis was based on 2018 ESC/ESH Guidelines... The insomnia diagnosis was based on the international classification of sleep disorders. The study was approved by the Ethics Committee... Written informed consent was obtained from each patient* — синтаксический повтор: в пределах одного абзаца в каждом предложении чётко повторяется грамматическая структура страдательного залога.

Безличные конструкции, как упоминалось ранее, являются средством реализации академичности в научных текстах, так как акцентируют внимание на действии, а не на действующем лице. Однако в научных текстах корпуса 3 они не были представлено очень широко. Нами отмечены использование безличных конструкций лишь в 9% статей всего корпуса, что является незначительным количеством.

Данный факт демонстрирует явное различие употребления безличных конструкций РЯ авторами в английских и русских текстах: РЯ авторы в текстах, созданных на русском языке, очень активно использовали формы 3 л. мн. ч. и форм мн. ч. прошедшего времени в неопределённо-личных конструкциях для придания повествованию стилистически нейтрального, объективного характера и акцентуации действия, а не деятеля. Можно объяснить этот факт тем, что в английских текстах РЯ авторы предпочитали активно использовать пассивные конструкции для реализации объективности и формальности повествования, а безличные конструкции употреблялись ими не так широко. В этом мы усматриваем тенденцию к грамматическому упрощению текстов, так как употребление безличных конструкций усложняет предложение как минимум еще одной грамматической основой. Некоторые примеры употребления безличных конструкций РЯ авторами в английских текстах представлены далее:

(92) *it was established that the active processes;*

(93) *it has been confirmed* that the complete CC;

(94) ...*it is extremely interesting* to compare;

(95) *it is known* that AH in humans;

(96) *it is possible to point*.

В отношении нейтрализации категоричности (хеджирование) в текстах корпуса 3 нами были отмечены некоторые особенности. Несмотря на то, что в текстах был представлен достаточно широкий спектр хедж-маркеров — глаголы суггестивной модальности (*seem, appear, believe, assume, suggest*), модальные глаголы и наречия (*may might, can, possibly, perhaps*) — частотность их употребления была очень незначительной. Можно заметить, что РЯ авторы аналогичным образом использовали хедж-маркеры категоричности/некатегоричности и в русских, и в английских текстах. Некоторые примеры употребления хедж-маркеров в текстах корпуса 3 (РЯ авторы, тексты на английском) представлены далее:

(97) *Some studies suggested* that...

(98) *A decreased level of adiponectin might be not the predictor, but the consequence of asthma's clinical course.*

(99) *Leptin is a proinflammatory cytokine and might be one of the contributing factors...*

(100) *Our data suggest* that the modulating effect of CMIP on the brain is carried out not only along the neural pathways...

(101) *We believe* that CMIP is a universal, central rhythmic process...

(102) *We believe* that the negative correlation between the pressure levels – hemodynamics...

(103) *The increase of secondary and final LPO metabolites in AH adolescents may be a sufficient criterion – lipid peroxidation.*

(104) *It can be assumed* that these disorders can directly affect the state of nonspecific bodily reactivity systems – lipid peroxidation.

Кроме того, дескриптивный анализ текстов корпуса 3 выявил большое

количество длинных и сложных предложений, которые также являются инструментом реализации академичности (критерий многословности). Это были сложноподчинённые предложения, простые предложения, входившие в их состав, осложнялись причастными оборотами, герундием, однородными членами; для придания чёткой структуры в предложениях использовались разнообразные знаки препинания. Следующие примеры демонстрируют сказанное:

(105) *Exclusion criteria were patients' refusal to participate in this study; asthma exacerbation; acute and chronic neurological, psychiatric and endocrinological disorders at the time of examination; chronic diseases in the acute stage; severe and decompensated diseases of liver and kidneys; severe and decompensated cardiovascular diseases (acute period of myocardial infarction, unstable angina, transient ischemic attack, intracerebral hemorrhage, acute heart failure, etc.); cancer; multiple organ failure of different genesis; cancer; pregnancy and lactation; severe infectious diseases.* (74 слова, предложение с одной основой, с однородными членами, которые обособляются запятой, точкой с запятой, скобками)

(106) *Interaction of venous and arterial boluses, with differentiated external myocardial exposure, along the path "venous block of the heart–lung–arterial block of the heart," forms averaged (compensated by the flexible septum) variable pressure values between the stages of intracardiac routes of BBs (unidirectional, synchronous, but spread in the space.* (51 слово, простое предложение, осложненное причастным оборотом и однородными членами, которые обособляются скобками и запятыми).

Выводы по главе 5

На основании данных количественного и дескриптивного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Анализ дескрипторов «коэффициент лексического разнообразия», «лексическая плотность», «лексический охват» свидетельствует о частой повторяемости этимологически родственных лексем, лексической насыщенности и сложности исследуемых текстов. Дескриптор

«коэффициент объективизации», который является показателем частотности употребления пассивных конструкций, имел очень высокие значения, что указывает на активное употребление пассивных конструкций для реализации признака объективности. Сходные проявления отмечены и для ААЯ текстов корпуса 1, что свидетельствует об универсальном характере данного критерия. Напротив, местоимения 1-го лица *we/us/our* употреблялись нечасто и значения коэффициента категоричности были невысоки. Низкая частотность употребления местоимений 1-го лица является критерием реализации признаков «объективность» и «обобщенность», что сходным образом проявлялось при анализе РРЯ текстов корпуса 2; данный факт является дополнительным доказательством проявления лингвокультурной специфики.

2. Необходимо отметить факт многочисленного употребления предлога *of* для связи существительных в составе цепочек многосоставных номинативных групп, который, как известно, выражает значение посессивности в английском языке и симметричен в этом смысле родительному падежу в русском языке. Данный факт свидетельствует об особенностях реализации академичности в текстах исследуемого корпуса и указывает на проявление лингвокультурной специфики РЯ авторов.
3. Зафиксированы все виды лингвостилистических повторов в РАЯ текстах корпуса 3 как средство выражения академичности на стилистическом уровне. При этом наблюдалось очевидное стремление авторов избегать тавтологии и в рамках одного предложения/абзаца употреблять синонимы.
4. Анализ РАЯ текстов корпуса 3 выявил наличие длинных и сложных предложений, безличных конструкций и хедж-маркеров, которые также являются инструментами реализации академичности. Однако надо заметить, что безличные конструкции и средства нейтрализации категоричности (хеджирование) не были представлены очень широко в РАЯ текстах корпуса 3, что указывает на сходство реализации данных критериев в русских и английских текстах, созданных русскоязычными авторами.

Заключение

Настоящее исследование посвящено изучению лингвокультурных особенностей англоязычного и русскоязычного академического текста – текста исследовательской медицинской статьи. Использование английского языка в медицинском сегменте академического дискурса, очевидно, предполагает знание лингвокультурных норм англоязычного академического дискурса. Менее очевидным, но не менее актуальным представляется знание особенностей академического дискурса национальных культур, одним из способов выявления которых является использованный в нашей работе метод дескриптивно-сопоставительного анализа.

Лингвокультурная специфика тесно связана с академичностью научного текста. Академичность как стилеобразующая характеристика научного текста реализуется по-разному в зависимости от национальных норм и традиций. В нашей работе понятие академичности предложено и обосновано как сложный многоаспектный феномен, сущностными параметрами которого являются объективность, формальность, точность, сложность. Текстовая реализация академичности с помощью разноуровневых языковых средств и приёмов, способна обнаружить лингвокультурную специфику исследовательской статьи и, как следствие, академического дискурса.

В данной работе были выявлены особенности реализации академичности в научных медицинских текстах на английском и русском языках, созданных англоязычными и русскоязычными авторами. Проведённое затем сопоставление данных по ААЯ текстам корпуса 1 и РРЯ текстам корпуса 2 позволило выявить сходные или универсальные характеристики научного медицинского текста. Выявленные различия по каждому корпусу мы определяем, как специфичные признаки, которые подтверждают лингвокультурную специфику текстов. Дополнительное сопоставление результатов количественного и дескриптивного анализа РРЯ текстов корпуса 2 и РАЯ текстов корпуса 3 обнаружило проявление русскоязычной специфики академичности при создании текстов на английском языке, что подтвердило наличие лингвокультурного «акцента».

Данные, полученные при сопоставлении количественных и качественных дескрипторов по параметрам «сложность», «формальность», «объективность», «точность» в текстах корпусов 1 и 2 демонстрируют следующее.

Коэффициент лексического разнообразия ААЯ текстов корпуса 1 невысок и составляет 0,16—0,28, тогда как аналогичный показатель в текстах РРЯ корпуса 2 гораздо выше и составляет 0,44—0,55. Это свидетельствует о большей стандартизованности английских текстов, более точном и ограниченном вокабуляре для изложения материала. Русские тексты корпуса 2 демонстрируют более широкий и разнообразный вокабуляр, преимущественно за счёт абстрактной и «научообразной» лексики, что считается нормой академического русского стиля. Также РЯ авторы стремятся избежать тавтологии и, как следствие, активно употребляют синонимы, что также способствует многословию и лексическому разнообразию русских текстов.

Тексты АЯ авторов отличает *лексико-стилистический минимализм*, который обусловлен прагматической ответственностью авторов за восприятие их текстов аудиторией. Авторы прилагают коммуникативные усилия, чтобы предметная сложность текста не усугублялась лингвостилистической сложностью. В русском академическом дискурсе ответственность за восприятие текста лежит на аудитории. Наши данные свидетельствуют, что высокий коэффициент лексического разнообразия не облегчает восприятие текста. Можно предположить, что авторы не ставят перед собой цель снятия коммуникативных сложностей, возникающих перед читателем текста. Таким образом, *стандартизованность и лексико-стилистический минимализм* являются проявлением лингвокультурной специфики англоязычного научного медицинского текста, тогда как *высокий уровень лексического разнообразия, использование синонимов, многословность* как проявление академичности являются проявлением лингвокультурной специфики русскоязычного научного текста.

Широкое использование общих и специальных терминов является сходной чертой текстов корпусов 1 и 2, что обусловлено универсальностью этого средства реализации академичности в обоих дискурсах. Выявлены некоторые различия в

использовании аббревиатур. В частности, аббревиатуры в РРЯ текстах корпуса 2 употребляются авторами нормативно: дается полное название, затем аббревиатура в круглых скобках. При употреблении аббревиатур в ААЯ текстах корпуса 1 в двух случаях были отмечены отступления от нормы: во-первых, нарушен традиционный порядок использования и оформления аббревиатур (сначала аббревиатура, затем ее расшифровка), во-вторых, аббревиатуры с расшифровкой приведены списком в начале статьи после раздела *Key words*.

Результаты сопоставления номинативных групп обнаружили *особенности их употребления в РРЯ* текстах корпуса 2, что является проявлением лингвокультурной специфики данных текстов. К данным особенностям относятся следующие.

1. Наличие большого количества прилагательных в РРЯ текстах корпуса 2, вызванное необходимостью точно и объективно определить видовую (или другого рода) характеристику какого-либо явления, предмета, процесса, определить его свойства, например, *детектируемые концентрации, стимулированная овуляция, проведенные исследования, широкий спектр противомикробного действия разработанной пленки, местно-анестезирующая активность, экспериментальных гнойных ран*. Следует заметить, что родо-видовая характеристика явлений, объектов и процессов встречается и в английских медицинских текстах, но атрибутивный смысл в них далеко не всегда выражен прилагательными, для этого могут использоваться и существительные, и неопределённая форма глагола в функции определения, например *risk factor, cancer incidence, confidence interval, the neutrophil-to-lymphocyte ratio, all-cause mortality, follow-up period*.

2. Критерий «номинативные группы» в русском языке можно отнести как к лексическому уровню выражения академичности, так и к морфолого-синтаксическому, так как связи между словами внутри номинативной группы устанавливаются морфологическим способом.

3. Активное употребление многосложных цепочек существительных в родительном падеже в составе номинативной группы являются характерной чертой

РРЯ текстах корпуса 2. В ААЯ текстах корпуса 1 номинативные группы с предлогом *of* (предлог *of* используется для выражения посессивности и соответствует родительному падежу в русском языке) используются не так часто.

На лексическом уровне анализа в РРЯ текстах корпуса 2 отмечается активное употребление когнатов — слов, сходных по значению и звучанию в двух и более языках, а также большого количества слов с иноязычными по происхождению элементами, что придает текстам интернациональный характер, например, *изоформы, пролиферация, цитометрия, субпопуляция, дегенерация, дисбаланс, декомпенсация и др.* Это явление свидетельствует о глобализации медицинской науки, её международном характере и активном процессе иноязычных заимствований в профессиональной сфере русского медицинского языка.

Одним из наиболее распространённых грамматических средств, реализующих академичность в английском научном дискурсе, традиционно считаются синтаксические конструкции страдательного залога (Passive Voice). Данные исследуемого корпуса 1 (ААЯ тексты) подтверждают это и демонстрируют распространённость страдательного залога в медицинских научных статьях: статистика нижних и верхних предельных значений 22,7% — 60,2% от общего количества предложений в статье (высокий коэффициент объективизации). Средства выражения пассивности представлены в русском языке более широко — возвратный глагол с постфиксом *-ся* и краткое или полное страдательное причастие (иногда с глаголом-связкой *быть*), но конструкции в страдательном залоге употребляются в РРЯ текстах корпуса 2 не так активно: статистика нижних и верхних предельных значений 9,8 % до 26,6 % от общего количества предложений в статье (низкий коэффициент объективизации). Данный факт может быть обусловлен стремлением РЯ авторов к *грамматическому упрощению*, а также наличием других языковых средств, компенсирующих реализацию признака объективности как компонента академичности. На наш взгляд, это ещё одно проявление лингвокультурной специфики русского медицинского текста.

Данные, полученные при сопоставлении частотности использования местоимений 1-го лица, обнаружили некоторые отличия, свидетельствующие о

лингвокультурной специфике обоих корпусов. Так, частотное употребление местоимений 1-го лица в ААЯ текстах корпуса 1 свидетельствует об активной декларации авторской позиции. Статистика нижнего и верхнего предельных показателей равна 0,86—2,2% соответственно, что является высоким коэффициентом категоричности. В РРЯ текстах корпуса 2 местоимения 1-го лица используются не так активно, что может свидетельствовать о желании авторов остаться в рамках объективности, не демонстрируя личного отношения к созданному высказыванию. Это соответствует особенностям употребления личных местоимений в диахроническом аспекте: статистика нижнего и верхнего предельных показателей равна 0,1—0,7, соответственно: это низкий коэффициент категоричности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что академичность англоязычного научного текста вполне сочетается с активной авторской позицией, в то время как академичность русского научного текста выражается в более сдержанном, нейтральном способе выражения авторской позиции. Данный факт безусловно свидетельствует о лингвокультурной специфике текстов.

Частотным стилистическим средством актуализации формальности является повтор. В исследовательском корпусе 1 (ААЯ тексты) выявлены лексический, синтаксический (повтор сходных синтаксических групп), лексико-синтаксический (смешанный) повторы. Типичные и частотные случаи лексических, синтаксических и смешанных повторов в медицинских научных статьях позволяют интерпретировать их как нормативное средство реализации академической формальности. В РРЯ текстах корпуса 2 по типам также используются лексические, синтаксические и смешанные повторы, но частотность их употребления гораздо ниже, так как авторы используют синонимы, а не повторяют однокоренные слова. Это можно объяснить стремлением авторов избежать тавтологии, которая является нарушением нормы в русском языке. Данный факт также доказывает наличие лингвокультурной специфики.

Широко распространённым грамматическим средством реализации академичности в научных медицинских текстах, созданных на английском языке, являются безличные конструкции. Данные обоих корпусов свидетельствуют об

активном использовании таких предложений в исследуемых текстах. Употребление безличных конструкций акцентирует внимание на действии, придаёт повествованию обезличенный характер, обобщённость, способствует объективной подаче материала. Данный критерий активно употреблялся в текстах обоих корпусов.

Хэдж-маркеры – фразы, нейтрализующие категоричность и делающие высказывания нейтральными и осторожными, – реализуют академичность в параметрах «объективность», «формальность». Такие фразы широко употребляются в ААЯ текстах корпуса 1, но встречаются достаточно редко в РРЯ текстах корпуса 2. Можно сделать вывод, что «уклончивая» объективность является культурно специфичной для англоязычной академичности, тогда как категоричная объективность русского научного текста свидетельствует об убеждённости автора в достоверности результатов и не противоречит академичности по-русски.

Сложные предложения традиционно являются синтаксическим средством реализации академичности. Наши данные показывают, что такие предложения широко используются и в английских, и в русских текстах, несмотря на тот факт, что основой академического письма в английских текстах считаются простые распространённые предложения, состоящие из максимума 25 слов; в русском корпусе — 17 слов [Колесникова 2010b: 227].

Следуя алгоритму исследования, на третьем этапе было проведено сопоставление данных, полученных в ходе количественного и дескриптивного анализа РРЯ текстов корпуса 2 и РАЯ текстов корпуса 3. По нашей гипотезе обнаружение сходств в реализации академичности научных медицинских текстов РЯ авторов, создающих тексты на русском и английском языках, явилось бы дополнительным подтверждением их лингвокультурной специфики и наличия национального «академического акцента». Результаты сопоставления количественных и качественных показателей «формальности», «объективности»,

«точности», «сложности» как компонентов академичности в текстах корпусов 2 и 3 показывают следующее.

Коэффициент лексического разнообразия выше в текстах, созданных авторами на русском языке. Если учесть, что коэффициент лексического разнообразия составляет отношение количества разных, не однокоренных, слов к общему количеству лексем в тексте, то можно сделать вывод, что в русских текстах авторы стремятся использовать более разнообразную лексику, употреблять синонимы, то есть избегать повторов и тавтологии, следуя нормам русского языка. В текстах же, созданных на английском языке, авторы при создании текстов следуют принципу лексического минимализма; в этом прослеживается сходство с авторами текстов корпуса 1.

Результаты дескриптивно-сопоставительного анализа выявили одинаково частотное употребление терминологических единиц, которые включали общие и специальные термины, абстрактные существительные, аббревиатуры, в РРЯ текстах корпуса 2 и РАЯ текстах корпуса 3.

Следующий результат касается особенностей употребления номинативных групп (*noun phrases*). Необходимо подчеркнуть, что наличие значительного количества многосоставных номинативных групп с цепочкой существительных в родительном падеже является характерной особенностью научного стиля речи в русском языке. Это ярко проявляется в РРЯ текстах исследуемого корпуса 2, где активно употребляются цепочки существительных в родительном падеже в составе номинативной группы, например, *на основании (чего?) микробиологического метода (чего?) исследования, сопровождается снижением (чего?) уровня (чего?) содержания (чего?) гликопротеинов в цитоплазме; методы (чего?) лечения (чего?) гнойно-воспалительных процессов (чего?) мягких тканей;*

Номинативные группы также активно употреблялись в РАЯ текстах корпуса 3. Более того, интересно отметить, что тенденция употреблять цепочки из существительных в родительном падеже проявлялась у РЯ авторов и при создании текстов на английском языке (как известно, родительный падеж — значение посессивности - выражается в английском с помощью предлога *of*), например *the*

rhythmic functions of human organs and systems (6); quantity assessment of arterial hypertension symptoms (6); as frequencies and percentages for categorical variables and as mean for continuous variables (6); informational characteristics of different levels of control (3); metabolic parameters of the sigmoid venous sinus of the brain (3); the inclusion of sanogenetic mechanisms reflecting the dynamic complex of defense and adaptive reactions arising under the influence of a pathogenic factor and aimed at restoring the disturbed self-regulation of the body (2).

Данный факт демонстрирует перенос национальных грамматических и синтаксических моделей РЯ авторов в целевую лингвокультуру, что является проявлением интерференции первого порядка [Бабушкина 2017] и является проявлением национального «академического акцента».

Анализ лингвостилистических повторов предполагал преимущественно описание лексических и синтаксических, а также смешанных повторов в исследуемых корпусах. Отметим, что фонетические, морфологические и семантические повторы не свойственны академическому письму ни в английском, ни в русском языке. С прагматической точки зрения лексические и синтаксические повторы в тексте академического дискурса являются средством экономии усилий автора и читателя, облегчая последнему восприятие содержания текста.

Результаты нашего анализа показали, что лексические и синтаксические повторы, являющиеся типичной характеристикой научного письма (academic writing) на стилистическом уровне, не так часто встречаются в РРЯ текстах корпуса 2. Это можно объяснить стремлением авторов избежать тавтологии и разнообразить текст лексически, стилистически, синтаксически, что согласуется с нормами русского языка. При этом и в РАЯ текстах корпуса 3 зафиксировано целенаправленное стремление авторов избегать тавтологии. Это проявлялось в использовании синонимичных глаголов при обозначении одно и того же действия буквально в рамках одного предложения и абзаца. Данный факт демонстрирует перенос национальных грамматических/синтаксических моделей в целевую лингвокультуру и свидетельствует о национальном «академическом акценте»

русскоязычных авторов, создающих тексты на английском языке. Примеры этого явления представлены в Таблице 7 Приложения А.

Следующая особенность реализации академичности в РРЯ текстах корпуса 2 и РАЯ текстах корпуса 3 связана с употреблением прилагательных. Некоторые исследователи считают наличие большого количества прилагательных характеристикой, свойственной русским научным текстам. Это объясняется необходимостью определить видовую (или другого рода) характеристику какого-либо явления, предмета, процесса, определить его свойства и т.п. [Голуб 2010]. Данный факт подтвердился при анализе РРЯ текстов корпуса 2. В РАЯ текстах корпуса 3 для этих целей прилагательные использовались не так активно, наблюдалось активное употребление существительных, числительных, наречий, инфинитива в атрибутивной функции. Сходный паттерн употребления прилагательных мы наблюдали в ААЯ текстах корпуса 1. Очевидно, употребление большого количества прилагательных является типичным проявлением академичности РРЯ текстов корпуса 2 и свидетельствует о лингвокультурной специфике.

Результаты сопоставительного анализа демонстрирует употребление значительного количества безличных и неопределённо-личных конструкций в РРЯ текстах корпуса 2. Функционально такие предложения служат для акцентуации действия, а не деятеля, и являются критерием реализации формальности как компонента академичности. Однако, безличные конструкции не были также широко представлены в РАЯ текстах корпуса 3. Очевидно, в этом проявляется лингвокультурная специфика РЯ авторов, которые используют иные языковые средства для реализации формальности и объективности, чем употребление безличных конструкций, когда создают тексты на английском языке.

Страдательные конструкции являются одним из основных средств реализации академичности. Согласно статистическому анализу нашего исследования, процент предложений в пассивном залоге (коэффициент объективизации) в РРЯ текстах корпуса 2 был значительно ниже, чем процент пассивных конструкций (коэффициент объективизации) в РАЯ текстах корпуса 3:

верхние и нижние предельные значения 9,8%—26,6% и 22,2%—69,4%, соответственно. И это несмотря на тот факт, что в русском языке диапазон средств для выражения «пассивности» действия гораздо шире, чем в английском: глагол «быть» в сочетании со страдательным причастием, страдательное причастие (краткое), возвратный глагол с постфиксом *-ся*. Такой низкий коэффициент объективизации обусловлен наличием в русском языке других средств и приёмов для реализации признаков академичности «формальность», «объективность», «сложность», «точность»: безличные предложения, снижение категоричности высказываний, использования большого количества прилагательных для точной формулировки родо-видового понятия и др.

Сложные предложения с зависимыми придаточными, с деепричастными/причастными оборотами, однородными членами являются типичной приметой научного стиля речи. Наблюдалось очень большое количество сложных предложений в научных медицинских текстах обоих корпусов. Интересно отметить, что самые длинные предложения в русских текстах были меньше по количеству слов, чем в английских. Это объясняется, вероятно, структурой английского языка, где артикль считается самостоятельным словом и включен в статистику. Наиболее показательные примеры представлены в Таблице 8 Приложения А.

Суммируя результаты исследования, можно заключить, что дескриптивно-сопоставительный анализ обнаружил сходства и различия в проявлении академичности по всем параметрам и во всех исследуемых корпусах.

Выявленные сходные характеристики ААЯ текстов корпуса 1 и РРЯ текстов корпуса 2 можно считать **универсальными критериями академичности** научного медицинского текста. К ним относятся следующие:

- употребление общих и специальных терминов, отражающее параметры «формальность» и «точность»;
- нормативное употребление аббревиатур, отражающее параметры «точность», «сложность»;

- использование грамматических и синтаксических средств (пассивных конструкций, безличных конструкций, лексико-стилистических повторов), отражающее параметры «объективность», «формальность»,
- использование многосоставных сложных предложений, отражающее параметры «формальность», «сложность» научного медицинского текста.

Сопоставительный анализ ААЯ текстов корпуса 1 и РРЯ текстов корпуса 2 выявил наличие *различий* в проявлении академичности в текстах обоих языков. Эти различия являются отражением лингвокультурной специфики.

Проявлениями **лингвокультурной специфики ААЯ текстов корпуса 1** являются:

- стандартизованность вокабуляра и лексико-стилистическим минимализм;
- активное использование номинативных групп, в том числе и как средства языковой компрессии;
- высокая частотность употребления пассивных конструкций (до 60,2% от общего количества предложений в тексте)
- активное употребление местоимений 1-лица (до 2,2% от всех неповторяющихся лексем), что свидетельствует об активном выражении авторского мнения;
- активное использование лексико-стилистических повторов;
- регулярное использование хедж-маркеров для нейтрализации категоричности.

Проявлениями **лингвокультурной специфики РРЯ текстов корпуса 2** являются:

- разнообразие вокабуляра, во многом за счёт синонимии и большого количества прилагательных;
- многословное и «научообразное» изложение материала, в том числе и за счёт абстрактной лексики;

- активное употребление номинативных групп с цепочками существительных в родительном падеже;
- наличие слов-когнатов и иноязычных заимствований;
- достаточно низкая частотность употребления пассивных конструкций для реализации объективности (верхнее предельное значение 26,6%);
- большое разнообразие грамматических и синтаксических средств для актуализации формальности, сложности, объективности и точности.

Сопоставительный анализ РРЯ текстов корпуса 2 и РАЯ текстов корпуса 3 выявил определённые сходства в текстах обоих корпусов, которые можно рассматривать как проявление лингвокультурной специфики русскоязычных текстов и как проявление национального «академического акцента». К таким характеристикам относятся следующие:

- наличие номинативных групп с цепочками существительных в родительном падеже;
- низкая частотность употребления местоимений 1-го лица;
- низкая частотность употребления лексико-стилистических повторов;
- низкая частотность использования хедж-маркеров для нейтрализации категоричности.

Полученные результаты дополняют современные представления о научном медицинском тексте, о критериях его академичности и могут быть использованы для устранения лингвокультурных барьеров на пути русскоязычных авторов, участвующих в международном академическом дискурсе на английском языке.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика английского языка. М.: Наука, 2005. 384 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136—137.
3. Бабушкина В.В. О разграничении типов языковой интерференции / В.В. Бабушкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-3(77). С. 62—64.
4. Баженова Е.А. Пермская научная школа функциональной стилистики / Е.А. Баженова, М.П. Котюрова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 2(34). С.140—148. DOI 10.17072/2037-6681-2016-2-140-148.
5. Баженова Е.А. Прагматические единицы научного текста / Е.А. Баженова // Филологические заметки. 2007. Т.2. С.221—225.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. 3-е издание. Москва: Искусство, 2012. 444 с.
7. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс (признаки, функции, нормы: на материале коммуникативной практики логопедов): специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Бейлинсон Любовь Семеновна. Волгоград, 2009. 339 с.
8. Бекишева Е.В. Новые направления в исследовании медицинской терминологии / Е.В. Бекишева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4-2. С. 260—264.
9. Болдырева А.А. Категория авторитетности в научном дискурсе: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Болдырева Анна Александровна. Воронеж, 2006. 182 с.

- 10.Бондарко А.В. К определению понятия «залоговость». Активность и пассивность // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С.125—141.
- 11.Валеева А.Р., Билялова А.А. Морфология существительного в текстах научного стиля в татарском и английском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). Ч. 3. С. 61—63.
- 12.Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высш. шк. 1981. 320 с.
- 13.Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 719 с.
- 14.Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 458 с.
- 15.Глебов Г.И., Милаева О.В. Современные международные отношения. Учебное пособие. Пенза: Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. 98 с.
- 16.Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: 2010. 448 с.
- 17.Горина, О.Г. Лингвистический хеджинг как коммуникативная стратегия (в русле корпусных исследований) / О.Г. Горина, В.Е. Храброва // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 3. С.44—53. DOI 10.25205/1818-7935-2017-15-3-44-53.
- 18.Добренькова Е.В. Социальная морфология образовательного дискурса: теоретико-методологический анализ: диссертация на соискание учёной степени доктора социологических наук: 22.00.04 / Добренькова Екатерина Владимировна. Москва, 2007. 458 с.
- 19.Ефремова Н.В. Когнитивно-дискурсивные механизмы создания медицинского текста (на материале произведений Н.М. Амосова, Ф.Г. Углова): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ефремова Наталия Владимировна. Волгоград, 2017. 21 с.
- 20.Жителева Е.А. Аргументативный дискурс в учебной ситуации: На материале английского языка: диссертация на соискание учёной степени кандидата

- филологических наук: 10.02.04 / Жителева Екатерина Анатольевна. Тверь, 2004. 174 с.
21. Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: монография / В.В. Жура. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2008. 408 с.
22. Калинина В.Д. Учебный дискурс в речевой процессуальности учебной коммуникации: психолингвистическая модель: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Калинина Вера Дмитриевна. Ульяновск, 2002. 162 с.
23. Калинина В.Д. Модель «академический дискурс» в учебных целях / В.Д. Калинина, О.Д. Наумова // Язык в мультикультурном мире. Самара, 1999. С. 65—70.
24. Карасик, В.И. Дискурс / В.И. Карасик // Дискурс-Пи. 2015. № 3-4(20-21). С. 147—148.
25. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник научных трудов / под редакцией В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Издательство ВГПУ "Перемена", 2000. С. 5—20.
26. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Москва: ГНОЗИС, 2004.
27. Керер К.А. Диагностирующая стратегия отечественного и американского дискурса телевизионной медицинской драмы / К.А. Керер // Rhema. Рема. 2019. № 2. С. 28—47. DOI 10.31862/2500-2953-2019-2-28-47.
28. Керер К.А. Особенности языкового выражения речевого воздействия врача на пациента в рамках медицинского дискурса (на материале кинофильма "Неотложка") / К.А. Керер // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2018. № 4(66). С. 99—111. DOI 10.25587/SVFU.2018.66.16127.
29. Киров Е.Ф. Цепь событий — дискурс/текст — концепт / Е. Ф. Киров // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы, Москва, 18—21 марта

- 2004 года / Составители: М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов, О.В. Дедова. Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 396—397.
- 30.Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи / М.Н. Кожина. Пермь: ПГУ, 1986. 91 с.
- 31.Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими: учебное пособие / М.Н. Кожина // Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР; Пермский государственный университет им. А.М. Горького. Пермь: Изд-во ПГУ, 1972. 395 с.
- 32.Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / М.Н. Кожина. Пермь, 1966. 213 с.
- 33.Колесникова Н.И. Что важно знать о языке и стиле научных текстов / Н.И. Колесникова // Высшее образование в России. 2010а. № 3. С. 130—137.
- 34.Колесникова Н.И. Что важно знать о языке и стиле научных текстов. Статья вторая / Н.И. Колесникова // Высшее образование в России. 2010в. № 6. С. 143—148.
- 35.Комина Н.А. Организационный дискурс в учебной ситуации (Семантический и прагматический аспекты): специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Комина Наталья Анатольевна. Тверь, 2004. 317 с.
- 36.Короткина И.Б. Грамотность научного текста: концептуальные расхождения между Россией и Западом и их последствия / И.Б. Короткина // Научная периодика: проблемы и решения. 2014. № 2(20). С. 34—39.
- 37.Костяшина Е.А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала: специальность 10.02.01 "Русский язык": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Костяшина Екатерина Аркадьевна. Томск, 2009. 232 с.
- 38.Котюрова М.П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения / М.П. Котюрова // Очерки истории научного

- стиля русского литературного языка XVIII-XX вв.: в 3-х т. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1996. Т.2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 1. С. 341—370.
39. Котюрова М.П. Стилистика научной речи / М.П. Котюрова. М.: Наука, 2012. 164 с.
40. Котюрова М. П. Идиостилика научной речи: наши представления о речевой индивидуальности ученого: [монография] / М.П. Котюрова, Л.С. Тихомирова, Н.В. Соловьева. Пермь: Редакционно-издательский отдел Западно-Уральского института экономики и права, 2011. 393 с.
41. Котюрова М.П. Научный текст в культурно-речевом аспекте / М.П. Котюрова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; Под редакцией А.П. Сквородникова. 2-е издание, переработанное и дополненное. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 331—333.
42. Кочеткова Т.В., Барсукова М.И., Ремпель Е.А., Рамазанова А.Я. Медицинский дискурс: специфика профессиональной коммуникации врача // МНКО, 2018, №3(70). С.466—467.
43. Кочетова Л.А. Историко-дискурсивные корпусные исследования / Л.А. Кочетова // Язык и культура в эпоху глобализации: Сборник научных статей по материалам Первой всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 30–31 октября 2020 года / Под редакцией И.В. Кононовой. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 23—28.
44. Кубрякова Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Структура и семантика художественного текста: доклады VII междунар. конф. М., 1999. С. 186—197.
45. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л.В. Куликова. Красноярск, 2006. 392 с.

46. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. Москва: Гнозис, 2011. 221 с.
47. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: taremark.narod.ru/les/ (дата обращения: 20.07.2016).
48. Маджаева С.И. Речевое поведение врача при коммуникации с пациентом / С.И. Маджаева, Л.М. Касимцева // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 2(42). С. 46—52.
49. Майборода С.В. Диалоговые стратегии коллегиального дискурса доктора и пациента / С.В. Майборода // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: материалы 8-й международной научно-практической и образовательной конференции, Тверь, 09 апреля 2020 года. Тверь: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Тверская государственная медицинская академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2020. С. 30—35.
50. Майборода С.В. К проблеме выделения вспомогательных коммуникативных стратегий в профессиональном медицинском дискурсе (стратегия оправдания визита в речи пациента) / С.В. Майборода // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2017. № 1(33). С. 149—159.
51. Майборода С.В. Лингвопрагматические и структурные особенности нарративных жанров коллегиальной и авторитарной модели устного медицинского дискурса / С.В. Майборода // Жанры речи. 2018. № 2(18). С. 144—151. DOI 10.18500/2311-0740-2018-2-18-144-151.
52. Майборода С.В. Речевые стратегии и тактики при обучении профессиональной коммуникации врач-пациент: этапы формирования компетенций / С. В. Майборода // Волжский вестник науки. 2017. № 4—6(8—10). С. 105—107.

- 53.Маклакова Е.А. Лингвокультурный аспект исследований семантики слова / Е.А. Маклакова // Мир и Россия в условиях перехода в новую экономическую и геополитическую эпоху: межвузовский сборник научных трудов, Воронеж, 17 октября 2012 года / Кочетов В.И. (научный редактор), редколлегия: Бакланов И.О., Кочетов В.И., Чередникова А.О., Боева М.В. Воронеж: Воронежский ЦНТИ — филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2012. С. 337—343.
- 54.Мартынова А.Г. Обучение академическому письменному дискурсу в жанре экспозиторного эссе (На материале старших курсов языкового вуза): специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (иностранному языку)»: диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Мартынова Анна Геннадьевна. Омск, 2006. 207 с.
- 55.Марюхин А.П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Марюхин Александр Петрович. Москва, 2010. 166 с.
- 56.Милянчук Н.С. Внутренняя дифференциация системы средств выражения некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка / Н.С. Милянчук // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2011. № 2-3. С. 82—85
- 57.Митрофанова О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. 2-е изд-е, перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1985. 128 с.
- 58.Никульшина Н.Л., Мордовина Т.В. Аспекты обучения иноязычной научной письменной речи в высшей школе: монография. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2014. 160 с.
- 59.Носар Ю.А. Семантика жестовых выражений в структуре аргументативного учебного дискурса: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Носар Юлия Александровна. Тверь, 2002. 176 с.

60. Палютина З. Р. Медицинская лингвистика как новое научное направление: проблемы становления и развития / З. Р. Палютина // Медицинский вестник Башкортостана. 2013. Т. 8. № 3. С. 104—106.
61. Поспелова Г. Б. Характеристики научного стиля в английском языке / Г. Б. Поспелова // Иностранные языки: теория и практика. 2012. № 2 (15). С. 8—14.
62. Радченко И. И. Повтор как средство реализации лингвистической категории экспрессивности в тексте газетной статьи / И. И. Радченко // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1(73). С. 129—134.
63. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика. М.: Флинта, 2004. 256 с.
64. Рудова Ю. В. Жанровый статус медицинского буклета: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рудова Юлия Владимировна. Волгоград, 2008. 205 с.
65. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980а. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 789 с.
66. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980б. Т. 2: Синтаксис. 714 с.
67. Ручкина Е. М. Лингво-аргументативные особенности стратегий вежливости в речевом конфликте (на материале педагогического дискурса): специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ручкина Елена Михайловна. Калуга, 2009. 184 с.
68. Самарская С. В. Языковая реализация специфических черт научного стиля в английской письменной речи / С. В. Самарская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3(31). С. 163—169. DOI 10.29025/2079-6021-2018-3(31)-163-169.
69. Семёнова Н. Н. Наука в условиях глобализации / Н. Н. Семёнова // Наука. Инновации. Образование. 2006. Т. 1. № 1. С. 276—294.
70. Синкевич Д. А. Атрибутивные конструкции в современной лингвистике: проблемы определения и анализа / Д. А. Синкевич // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12. С. 241—248.

- 71.Стеблецова А.О. Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX-XXI вв.: эволюция направлений и концепций / А.О. Стеблецова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 5. С. 5—13. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.5.1.
- 72.Стеблецова А.О. Алгоритм дескриптивно-сопоставительного анализа как метод выявления национальной специфики делового дискурса / А.О. Стеблецова // Сопоставительные исследования 2015: Продолжающееся научное издание. Воронеж: Издательство Истоки, 2015. С. 65—69.
- 73.Стеблецова А.О. Метапрофессиональный деловой дискурс: типология и национальная специфика / А.О. Стеблецова. Воронеж: Издательство Истоки, 2017. 312 с.
- 74.Стеблецова А.О. Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативной культурах / А.О. Стеблецова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. 207 с.
- 75.Стеблецова А.О. Национально-культурная специфика делового текста (на материале английского и русского языков): специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Стеблецова Анна Олеговна. Воронеж, 2001. 212 с.
- 76.Стеблецова А.О. Национальная специфика делового дискурса в сфере высшего образования (на материале англоязычной и русскоязычной письменной коммуникации): специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Стеблецова Анна Олеговна. Тверь, 2016. 500 с.
- 77.Стернин И.А. Виды и методы сопоставительных исследований лексики / И.А. Стернин, М.А. Стернина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 1. С. 66—68.
- 78.Стернин И. А. Коммуникативное и языковое сознание / И.А. Стернин // Язык и национальное сознание: Межвузовский научный сборник / Воронежский государственный университет Филологический факультет Кафедра общего

- языкознания и стилистики Межрегиональный центр коммуникативных исследований. Воронеж: "Истоки", 2003. С. 4—14.
79. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 182 с. С. 58—65.
80. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: Проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 282 с.
81. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия как особый вид ассиметричного дуализма языкового знака / М.А. Стернина // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы региональной научной конференции, Белгород, 08–09 октября 2003 года / Белгородский государственный университет; главный редактор О.Н. Прохорова. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2003. С. 29—31.
82. Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. Г.Г. Пирогова. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. 304 с.
83. Термин, понятие // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907. (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона). СПб., 1890-1907 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3182/> (дата обращения: 01.05.2021)
84. Торубарова И.И., Стеблецова А.О. Научная медицинская статья: проявления национальной специфики в универсальном жанре академического дискурса. Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 4 (67). С. 145-153.
85. Фоменко Ю.В. Типы речевых ошибок: Учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1994. 60 с.
86. Фуко М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

- 87.Хомутова Т.Н. Интегральная теория научного текста / Т.Н. Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 22(239). С. 38—40.
- 88.Хомутова Т.Н. Научный текст: единицы интегральной модели / Т.Н. Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2010а. № 1(177). С. 60—66.
- 89.Хомутова Т.Н. Научный текст: интегральный подход: монография / Т.Н. Хомутова. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010в. 332 с.
- 90.Хутыз И.П. Академический дискурс: культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний / И.П. Хутыз. М.: Флинта, 2015.
- 91.Хутыз И.П. 1.5 познание коммуникативных традиций культуры через академическое письмо / И.П. Хутыз // Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. С. 98—128.
- 92.Цель 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health/> (дата обращения: 01.05.2021).
- 93.Чернявская В.Е. Дискурс / В.Е. Чернявская // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; Под редакцией А.П. Сковородникова. 2-е издание, переработанное и дополненное. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 134—135.
- 94.Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сборник научных статей / Санкт-петербургский государственный университет экономики и финансов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2001. С. 11—22.
- 95.Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: Учебное пособие / В.Е. Чернявская. 5-е издание. Москва: URSS, 2010. 128 с.

96. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. 248 с.
97. Чернявская В.Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В.Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 135—148. DOI 10.17223/19986645/50/9.
98. Чехов А.П. Записные книжки. Дневники. Том 17. Москва. Наука, 1980 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://book-online.com.ua/read.php?book=1509&page=14> (дата обращения: 01.05.2021).
99. Шамара И.Ф. Научная статья: эволюция жанра и современный стандарт / И.Ф. Шамара // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7. № 1(22). С. 47—53.
100. Шамара И.Ф. О некоторых метаморфозах жанра научной медицинской статьи / И.Ф. Шамара // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2014. № 2(16). С. 52—58.
101. Шамара И.Ф. Развитие жанра научной медицинской статьи в XX — начале XXI в / И.Ф. Шамара // Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация в современной парадигме знаний: материалы III международной научно-практической конференции, Чита, 18 марта 2016 года. Чита: Редакционно-издательский центр Читинской государственной медицинской академии, 2016. С. 61—64.
102. Ягенич Л.В. Актуализация письменного дискурса в научной деятельности врача / Л.В. Ягенич // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2017. № 38. С. 126—141.
103. Ягенич Л.В. Выделение декларативных признаков письменного англоязычного научного медицинского текста / Л.В. Ягенич // Балтийский гуманитарный журнал. 2019а. Т. 8. № 2(27). С.381—384. DOI 10.26140/bgz3-2019-0802-0092.

104. Ягенич Л.В. Жанровая специфика медицинского трактата / Л.В. Ягенич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018а. № 9-1(87). С. 187—192. DOI 10.30853/filnauki.2018-9-1.42.
105. Ягенич Л.В. Жанровые характеристики медицинского текста (на материале англоязычного трактата и монографии) / Л.В. Ягенич // Уральский филологический вестник. Серия: Germanistische Studien: актуальные проблемы германистики. 2018b. № 1. С. 75—78.
106. Ягенич Л.В. Основные характеристики письменных научных текстов / Л.В. Ягенич // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы III Международного научного конгресса, Симферополь, 02–20 апреля 2018 года / Под редакцией Е.В. Полховской. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018с. С. 450—455.
107. Ягенич Л.В. Прагматический анализ письменного медицинского научного текста на английском языке / Л.В. Ягенич // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018d. № 5. С. 173—177.
108. Ягенич Л.В. Речектовые характеристики письменного медицинского текста (на материале англоязычных научных статей XXI века) / Л.В. Ягенич // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019b. № 2(33). С. 194—201.
109. Almeida F.A. The functions of *seem* and *parecer* in early medical writing // Discourse Studies. 2015, 17(2):121–140.
110. Angermuller J. Discourse Studies // In book: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, Second Edition / by Wright J.D. (ed). Amsterdam: Elsevier, 2015:510—515. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.03216-5.
111. Askehave I., Swales J.M. "Genre identification and communicative purpose: A problem and a possible solution" // Applied Linguistics. 2001, 21:195—212.

112. Author and reviewer tutorials “Writing in English” [Electronic resources]. Available at: <https://www.springer.com/gp/authors-editors/authorandreviewertutorials/writinginenglish> (date of access: 22.05.2019).
113. Baethge C. The Languages of Medicine // *Deutsches Ärzteblatt International*. 2008, 105(3):37—40.
114. Bailey S. *Academic writing. A handbook for international students*. 3rd edition. Routledge, 2011. 314 pages.
115. Barathi Ganesh H.B., Reshma U., Soman K.P. et al. MedNLU: Natural Language Understanter for Medical Texts // In book: *Deep Learning Techniques for Biomedical and Health Informatics. Studies in Big Data / by Dash S., Acharya B., Mittal M., Abraham A., Kelemen A. (eds). Vol 68. Springer, Cham. 2020:3—21. DOI:10.1007/978-3-030-33966-1_1*.
116. Batia L. What percentage of text lexis is necessary for comprehension? // In book: *Special Language: from humans thinking to thinking machines / by Ch. Lauren, M. Nordman (eds). L.: Multilingual Matters, 1989:316—323*.
117. Bhatia V. K. Applied genre analysis: a multi-perspective model // *Iberica*. 2002, vol.4:3—19.
118. Biber D., Johansson S., Leech G. et al. *Longman Grammar of Spoken and Written English. S. 1: Pearson Education Limited, 1999. 1204 pages*.
119. Bolin M.K. *The 21st Century Academic Library. Global Patterns of Organization and Discourse*. Chandos Publishing, 2017. 176 pages.
120. Bonnin J. E. The public, the private and the intimate in doctor–patient communication: Admission interviews at an outpatient mental health care service // *Discourse Studies*. 2013, 15(6):687—711.
121. Budd J. Discourse Analysis and the Study of Communication in LIS // *Library Trends*. 2006, 55(1):65—82. DOI:10.1353/lib.2006.0046.
122. Canagarajah S. Multilingual Writers and the Struggle for Voice in Academic Discourse // In book: *Negotiation of Identities in Multilingual Contexts / by Pavlenko A., Blackledge A. (eds), 1st edn, 2004:266—290. DOI:10.21832/9781853596483-012/*

123. Canagarajah S.A. *A Geopolitics of Academic Writing*. University of Pittsburgh Press, 2002a.
124. Canagarajah S.A. *Critical Academic Writing and Multilingual Students*. Michigan: University of Michigan Press, 2002b.
125. Canziani T. *Metaphors in the mirror: The influence of teaching metaphors in a medical education programme // Language Learning in Higher Education*. 2016, 6(1):185—206. DOI: 10.1515/cercles-2016-0009.
126. Caronia L., Chierigato A., Saglietti M. *Assembling (non) treatable cases: The communicative constitution of medical object in doctor–doctor interaction // Discourse Studies*. 2017, 19(1):30—48. DOI:10.1177/1461445616683594.
127. Carter R., McCarthy M. *Cambridge Grammar of English: A comprehensive guide: Spoken and Written English Grammar and Usage*. 6th printing. S. 1: Cambridge Uni. Press, 2011. 973 pages.
128. Clyne M. *Inter-cultural Communication at Work: Cultural Values in Discourse*. Cambridge University Press, 1995.
129. Coffey B. *ESP-English for Specific Purposes // Language Teaching*. 1984, 17(1):2—16.
130. Connor U. *Contrastive Rhetoric*. Cambridge University Press, 1994.
131. Connor U. *Intercultural Rhetoric in the Writing Classroom*. University of Michigan Press, 2011.
132. Connor U. *Intercultural Rhetoric Research: Beyond texts // Journal of English for Academic Purposes*. 2004, 3:291—304.
133. Connor U.M., Moreno A.I. *Tertium Comparationis: A vital component in contrastive research methodology / In book: Directions in Applied Linguistics: Essays in Honor of Robert B. Kaplan / by P. Bruthiaux, D. Atkinson, W.G. Eggington, W. Grabe, V. Ramanathan (eds)*. England: Multilingual Matters. 2005:153—164.
134. Conrad S., Biber D. *Real Grammar: A Corpus-Based Approach to English*. Pearson: Longman, 2009. 150 pages.

135. Coxhead A. A New Academic Word List // TESOL Quarterly. 2000, 34(2): 213—238.
136. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge University Press, 2003. DOI:10.1017/CBO9780511486999.
137. Curry M.J., Lillis T. The Dangers of English as Lingua Franca of Journals // Inside Higher Ed. 2018, March 13.
138. De Saussure F. Course in General Linguistics. Translated by Wade Baskin. Edited by Perry Meisel and Haun Saussy. Columbia University Press, 2011. 336 pages.
139. Devitt A.J. Genre performances: John Swales' Genre Analysis and rhetorical-linguistic genre studies // Journal of English for Academic Purposes. 2015, Vol. 19:44—51.
140. Džuganová B. Medical Language – a Unique Linguistic Phenomenon // JAHR. 2019, Vol. 10/1(19):129–145.
141. English as a Lingua Franca and Intercultural Communication: Implications and Applications in the Field of English Language Teaching. Series: Linguistic Insights / by I. Guillén-Galve and I. Vázquez-Orta (eds). Bern, Switzerland, 2018. 408 pages. DOI: <https://doi.org/10.3726/b14386>.
142. Fartousi H., Perlas Dumanig F. A rhetorical analysis and contrastive rhetoric of selected conference abstracts // World Applied Sciences Journal. 2012, 18:514—519. DOI:10.5829/idosi.wasj.2012.18.04.873.
143. Faure P. Euphemism as a core feature of patientese: A comparative study between English and French // Language Learning in Higher Education. 2016, 6(1):167—184. DOI: <https://doi.org/10.1515/cercles-2016-0008>.
144. Fløttum K., Dahl T., Kinn T. et al. Cultural Identities and Academic Voices // Language and Discipline Perspectives on Academic Discourse. Cambridge Scholars Publishing, 2008:14–39.
145. Fløttum, K., Torodd, K., Dahl, T. “We now report on ...” versus “let us now see how ...:” Author roles and interaction with readers in research articles // In book:

- Academic discourse across disciplines / by Hyland K., Bondi M. (Eds.). Bern: Peter Lang, 2006:203—224.
146. Flowerdew J. *Discourse in English Language Education*. London, England: Routledge, 2013. 230 pages.
147. Flowerdew J., Peacock, M. (eds) *Research perspectives on English for Academic Purposes*. Cambridge University Press. 2001. 467 pages.
148. Fryer D.L. Analysis of the generic discourse features of the English-language medical research article: A systemic functional approach // *Functions in Language*. 2012, Vol. 19(1):5—37. DOI: 10.1075/fo119.1.01fry.
149. Gee J.P. Literacy, discourse and linguistics: introduction // *Journal of Education*. 1989, Vol. 171(1):6—7.
150. *General Service List of English Words* / by West M. (ed). Addison-Wesley Longman Ltd, June 1953. 61 pages.
151. Gillett A., Hammond A., Martala-Lockett M. *Successful Academic Writing. Inside track*. Harlow: Pearson Education, 2009. 334 pages.
152. Gotti, M. Identity traits in written academic discourse across languages and cultures // In book: *Constructing interpersonality* / by Lorés-Sanz R., Mur-Dueñas P., Lafuente-Millán E. (eds.), Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010:41—59.
153. Gotti M., Salager-Meyer, F. (eds.). *Advances in medical discourse analysis: Oral and written contexts*. Bern: Peter Lang, 2006. 433 pages.
154. Gotti M., Salager-Meyer, F. Teaching medical discourse in higher education: An introduction // *Language Learning in Higher Education*. 2016, 6(1):1—13. DOI: <https://doi.org/10.1515/cercles-2016-5001>.
155. Guide for authors. Author information pack [Electronic resources]. Available at URL: <https://www.elsevier.com/journals/human-immunology/0198-8859/guide-for-authors> (date of access: 22.05.2019).
156. Güllich E. Conversational Techniques Used in Transferring Knowledge between Medical Experts and Non-experts // *Discourse Studies*. 2003, 5(2):235—263. DOI:10.1177/1461445603005002005.

157. Gumperz J. J., Hymes, D. H. Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1991. 612 pages.
158. Gupta S., Mahmood A., Ross K.E. et al. Identifying Comparative Structures in Biomedical Text // Proceedings of the BioNLP workshop. Vancouver, Canada, August 4, 2017:206—215.
159. Halliday M. A. K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. Baltimore: University Park Press, 1978. 256 pages.
160. Hamel R. The dominance of English in the international scientific periodical literature and the future of language use in science // AILA Review. 2007, 20: 53—71. DOI:10.1075/aila.20.06ham.
161. Hamp-Lyons L. English for academic purposes: 2011 and beyond // Journal of English for Academic Purposes. 2011, Vol. 10(1):2—4. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2011.01.001>.
162. Heaton J. B. Studying in English. London: Longman, 1975. 134 pages.
163. Helal F. Genres, styles and discourse communities in global communicative competition: The case of the Franco–American ‘AIDS War’ (1983–1987) // Discourse Studies. 2014, 16(1):47—64. DOI:10.1177/1461445613496352.
164. Henrik R.W. The language of medicine // Journal of the Royal Society of Medicine. 2004, Vol. 97(4):187—188.
165. Hobbs P. The Use of Evidentiality in Physicians’ Progress Notes // Discourse Studies. 2003, 5(4):451—478. [DOI:10.1177/14614456030054001](https://doi.org/10.1177/14614456030054001).
166. Hyland K. Academic discourse. New York: Continuum, 2009. 215 pages.
167. Hyland K. Academic Discourses // In book: Bloomsbury Companion to Discourse Analysis / by Hyland K., Paltridge B. (eds). Bloomsbury, 2013:243—257.
168. Hyland K. Community and individuality: Performing identity in applied linguistics // Written Communication. 2010, 27:159—188.
169. Hyland K. Disciplinary Discourses. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2004. 232 pages. DOI: 10.3998/mpub.6719.

170. Innes M, Skelton J, Greenfield S. A profile of communication in primary care physician telephone consultations: application of the Roter Interaction Analysis System // *Br J Gen Pract.* 2006, 56(526):363—8.
171. Johansson V. Lexical diversity and lexical density in speech and writing: a developmental perspective // *Working Papers.* 2008, Vol. 53:61—79.
172. Johnson Melissa N.P., McLean E. Discourse Analysis // In book: *International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition)* / by Kitchin R., Thrift N. (eds). 2020:377—383.
173. Jordan, R. *English for Academic Purposes: A Guide and Resource Book for Teachers* (Cambridge Language Teaching Library). Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 401 pages. DOI:10.1017/CBO9780511733062.
174. Kantz D., Marenzi I. Language functions and medical communication: The human body as text // *Language Learning in Higher Education.* 2016, 6(1):53—76. DOI: <https://doi.org/10.1515/cercles-2016-0003>.
175. Kaplan R. Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Communication // *Language Learning.* 1966, 16:1—20.
176. Labov W. *Sociolinguistic patterns.* University of Pennsylvania Press, 1973. 344 pages
177. Lafuente-Millán E., Mur-Dueñas P., Lorés-Sanz R. et al. Interpersonality in Written Academic Discourse: Three Analytical Perspectives // *Constructing Interpersonality.* Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010:13—39.
178. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Chicago Linguistic Society Papers.* 1972, 8:183—228.
179. Lorés-Sanz R., Mur-Dueñas P., Lafuente-Millán E. *Constructing interpersonality: Multiple perspectives on written academic genres.* Cambridge Scholars Publishing, 2010. 380 pages.
180. Macagno F., Bigi, S. Analyzing the pragmatic structure of dialogues // *Discourse Studies,* 2017, 19(2):148—168. DOI:10.1177/1461445617691702.

181. Mauranen A. Cultural Differences in Academic Discourse – Problems of a Linguistics and Cultural Minority // *The Competent Intercultural Communicator*. 1993, 51:157—174.
182. Mauranen A. *Cultural Differences in Academic Rhetoric. A Textlinguistic Study*. Frankfurt: Peter Lang, 1993. 280 pages.
183. Mauranen A., Hynninen N., Ranta E. English as the academic lingua franca // In book: *The Routledge Handbook of English for Academic Purposes*. Hyland K., Shaw P. (eds), 2016: 44—55.
184. Mendis D. Formality in academic writing: The use/non-use of phrasal verbs in two varieties of English // *English for Professional and Academic Purposes*. Amsterdam: Rodopi, 2010:11—24.
185. Mičić S. “The role of translation in undergraduate medical English instruction” // *Iberica*. 2008, 16:169—182.
186. Mičić S. ‘Languages of medicine – present and future’ // *JAHHR*. 2013, Vol. 4(7):217—233.
187. Milosavljević N. et al. Learning Medical English: A Prerequisite for Successful Academic and Professional Education // *Srp Arh Celok Lek*. 2015 Mar-Apr, 143(3-4):237—240.
188. Monica M. Marta. Current Trends in Written Academic Discourse // *Journal of Romanian Literary Studies*. 2015, 7:894—903.
189. Nation I.S.P. How large a vocabulary is needed for reading and listening? // *Canadian Modern Language Review*. 2006, Vol. 63(1):59—82.
190. O’Keeffe A., McCarthy M., Carter R. *From Corpus to Classroom: language use and language teaching*. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2007. 315 pages.
191. Ortega-Alcázar I, Dyck I. Migrant narratives of health and well-being: Challenging ‘othering’ processes through photo-elicitation interviews // *Critical Social Policy*. 2012, 32(1):106-125. DOI:10.1177/0261018311425981
192. Plastina A.F. Putting the plain into pain language in English for Medical Purposes: Learner inquiry into patients’ online descriptive accounts // *Language*

- Learning in Higher Education. 2016, 6(1):207—228. DOI:[10.1515/cercles-2016-0010](https://doi.org/10.1515/cercles-2016-0010).
193. Qi X., Liu L. Differences between Reader/Writer Responsible Languages Reflected in EFL Learners' Writing // *Intercultural Communication Studies*. 2007, 16(3):148—159.
194. Richards J., Platt J., Weber, H. *Longman dictionary of applied linguistics*. London: Longman, 1985. 323 pages.
195. Robinson, P. C. *ESP (English for specific purposes): The present position (Position papers - Pergamon Institute of English)*. Oxford: Pergamon Press, 1980. 121 pages.
196. Rundblad G. Impersonal, General and Social: The use of metonymy versus passive voice in medical discourse // *Written communication*. 2007, Vol. 24(3):250—277.
197. Sadegh-Zadeh K. *Medical Linguistics* // In book: *Handbook of Analytic Philosophy of Medicine. Philosophy and Medicine / by Sadegh-Zadeh K*. Springer, Dordrecht. 2015, vol 119:51—58. DOI:[10.1007/978-94-017-9579-1_4](https://doi.org/10.1007/978-94-017-9579-1_4).
198. Saville-Troike M. *The ethnography of communication: an introduction* (3rd ed). Blackwell publishing, 2003. 325 pages
199. Scopus preview. Источники [Electronic resources]. Available at <https://www.scopus.com/sources.uri> (date of access 01/05/2021).
200. Skelton J.R. Clinical communication as a creative art: an alternative way forward // *Med Educ*. 2011, 45(3):212—3. DOI:[10.1111/j.1365-2923.2010.03906](https://doi.org/10.1111/j.1365-2923.2010.03906).
201. Skelton J.R., O'Riordan M., Berenguera Ossò A. et al. Learning from patients: trainers' use of narratives for learning and teaching // *BJGP open*. 2017, 1(1):1—11. DOI:[10.3399/bjgpopen17X100581](https://doi.org/10.3399/bjgpopen17X100581).
202. Smith K., Megyesi B., Velupillai S. et al. Professional language in Swedish clinical text: Linguistic characterization and comparative studies // *Nordic Journal of Linguistics*. 2014, 37(2):297—323. DOI:[10.1017/S0332586514000213](https://doi.org/10.1017/S0332586514000213)
203. Smith P. Communication styles as dimensions of national culture // *Journal of Cross Cultural Psychology*. 2011, 42:216—233.

204. Swales J.M. Discourse communities, genres and English as an international language // *World Englishes*. 1988, Vol. 7(2):211—220.
205. Swales J.M. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 262 p.
206. Swales J.M. *Research genres: Exploration and applications*, Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 314 pages. DOI:10.1017/CBO9781139524827
207. Swales J.M., Feak C.B. *Academic Writing for Graduate Students*, 3rd edition: Essential Skills and tasks. Michigan ELT, 2012. 418 pages.
208. Sweileh W.M. A bibliometric analysis of global research output on health and human rights (1900-2017) // *Global health research and policy*. 2018, 3:1—10. DOI:[10.1186/s41256-018-0085-8](https://doi.org/10.1186/s41256-018-0085-8).
209. Tarone E., Dwyer S., Gillette S. et al. On the use of the passive and active voice in astrophysics journal papers: With extensions to other languages and other fields // *English for Specific Purposes*. 1998, Vol. 17(1):113—132. DOI: 10.1016/S0889-4906(97)00032-X.
210. Van Dijk T.A. *Discourse studies and education* // *Australian Review of Applied Linguistics*. 1980, Vol. 3(1):1—28. DOI:[10.1075/ara1.3.1.01van](https://doi.org/10.1075/ara1.3.1.01van).
211. Vekemans H. Handing over and letting go: using online continuing medical education in teaching and assessing medical English language and communication skills to undergraduates // *Language Learning in Higher Education*. 2016, 6(1):15—32. DOI:[10.1515/cercles-2016-0001](https://doi.org/10.1515/cercles-2016-0001).
212. Wallwork A. *English for Writing Research Papers*. Springer Science+Business Media, LLC, 2011. 325 pages. DOI 10.1007/978-1-4419-7922-3_3
213. Yakhontova T.V. *English Academic Writing for Students and Researchers*. Львів: ПАІС, 2003. 218 с.
214. Yoneoka D., Ota E. Evaluating association between linguistic characteristics of abstracts and risk of bias: Case of Japanese randomized controlled trials // *PLOS ONE*. 2017, Vol. 12(3):1—10. DOI: 10.1371/journal.pone.0173526.

Список использованных словарей

215. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.efremova.info/> (дата обращения 01.05.2021).
216. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Издательство: М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.
217. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия).
218. Cambridge Dictionary] Electronic resources]. Available at <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access 01.04.2021).
219. Oxford Learner's Dictionary [Electronic resources]. Available at <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date of access 01.05.2021).
220. Collins dictionary [Electronic resources]. Available at <https://www.collinsdictionary.com/> (date of access 24.03.2021)

Список эмпирического материала для анализа

ААЯ тексты корпуса 1

1. Alferink, L.J.M., Erler, N.S., de Kneegt, R.J. et al. Adherence to a plant-based, high-fibre dietary pattern is related to regression of non-alcoholic fatty liver disease in an elderly population. *Eur J Epidemiol* 35, 1069–1085 (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-020-00627-2>
2. Araghi, M., Shipley, M.J., Wilkinson, I.B. et al. Association of aortic stiffness with cognitive decline: Whitehall II longitudinal cohort study. *Eur J Epidemiol* 35, 861–869 (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00586-3>
3. Aspinall, E.J., Doyle, J.S., Corson, S. et al. Targeted hepatitis C antibody testing interventions: a systematic review and meta-analysis. *Eur J Epidemiol* 30, 115–129 (2015). <https://doi.org/10.1007/s10654-014-9958-4>
4. Aune, D., Mahamat-Saleh, Y., Norat, T. et al. Body fatness, diabetes, physical activity and risk of kidney stones: a systematic review and meta-analysis of cohort studies. *Eur J Epidemiol* 33, 1033–1047 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0426-4>
5. Aune, D., Schlesinger, S., Leitzmann, M.F. et al. Physical activity and the risk of heart failure: a systematic review and dose–response meta-analysis of prospective studies. *Eur J Epidemiol* 36, 367–381 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10654-020-00693-6>
6. Aune, D., Schlesinger, S., Norat, T. et al. Body mass index, abdominal fatness, and the risk of sudden cardiac death: a systematic review and dose–response meta-analysis of prospective studies. *Eur J Epidemiol* 33, 711–722 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0353-9>
7. Aune, D., Schlesinger, S., Norat, T. et al. Tobacco smoking and the risk of sudden cardiac death: a systematic review and meta-analysis of prospective studies. *Eur J Epidemiol* 33, 509–521 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0351-y>
8. Aune, D., Sen, A., Henriksen, T. et al. Physical activity and the risk of gestational diabetes mellitus: a systematic review and dose–response meta-analysis of

- epidemiological studies. *Eur J Epidemiol* 31, 967–997 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10654-016-0176-0>
9. Aune, D., Sen, A., Schlesinger, S. et al. Body mass index, abdominal fatness, fat mass and the risk of atrial fibrillation: a systematic review and dose–response meta-analysis of prospective studies. *Eur J Epidemiol* 32, 181–192 (2017). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0232-4>
 10. Aune, D., Snekvik, I., Schlesinger, S. et al. Body mass index, abdominal fatness, weight gain and the risk of psoriasis: a systematic review and dose–response meta-analysis of prospective studies. *Eur J Epidemiol* 33, 1163–1178 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0366-z>
 11. Aune, D., Vatten, L.J. & Boffetta, P. Tobacco smoking and the risk of gallbladder disease. *Eur J Epidemiol* 31, 643–653 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10654-016-0124-z>
 12. Batty, G.D., Deary, I.J. & Gale, C.R. Pre-pandemic cognitive function and COVID-19 mortality: prospective cohort study. *Eur J Epidemiol* 36, 559–564 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10654-021-00743-7>
 13. Bobak, M., Malyutina, S., Horvat, P. et al. Alcohol, drinking pattern and all-cause, cardiovascular and alcohol-related mortality in Eastern Europe. *Eur J Epidemiol* 31, 21–30 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10654-015-0092-8>
 14. Bondonno, C.P., Dalgaard, F., Blekkenhorst, L.C. et al. Vegetable nitrate intake, blood pressure and incident cardiovascular disease: Danish Diet, Cancer, and Health Study. *Eur J Epidemiol* (2021). <https://doi.org/10.1007/s10654-021-00747-3>
 15. Böttcher, L., D’Orsogna, M.R. & Chou, T. Using excess deaths and testing statistics to determine COVID-19 mortalities. *Eur J Epidemiol* 36, 545–558 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10654-021-00748-2>
 16. Bränström, R., Hatzenbuehler, M.L., Tinghög, P. et al. Sexual orientation differences in outpatient psychiatric treatment and antidepressant usage: evidence from a population-based study of siblings. *Eur J Epidemiol* 33, 591–599 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0411-y>

17. Burgess, S., Scott, R.A., Timpson, N.J. et al. Using published data in Mendelian randomization: a blueprint for efficient identification of causal risk factors. *Eur J Epidemiol* 30, 543–552 (2015). <https://doi.org/10.1007/s10654-015-0011-z>
18. Burgess, S., Thompson, S.G. Interpreting findings from Mendelian randomization using the MR-Egger method. *Eur J Epidemiol* 32, 377–389 (2017). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0255-x>
19. Chibnik, L.B., Wolters, F.J., Bäckman, K. et al. Trends in the incidence of dementia: design and methods in the Alzheimer Cohorts Consortium. *Eur J Epidemiol* 32, 931–938 (2017). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0320-5>
20. Chowdhury, R., Alam, D.S., Fakir, I.I. et al. The Bangladesh Risk of Acute Vascular Events (BRAVE) Study: objectives and design. *Eur J Epidemiol* 30, 577–587 (2015). <https://doi.org/10.1007/s10654-015-0037-2>
21. Chowdhury, R., Heng, K., Shawon, M.S.R. et al. Dynamic interventions to control COVID-19 pandemic: a multivariate prediction modelling study comparing 16 worldwide countries. *Eur J Epidemiol* 35, 389–399 (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-020-00649-w>
22. Demakakos, P., Biddulph, J.P., de Oliveira, C. et al. Subjective social status and mortality: the English Longitudinal Study of Ageing. *Eur J Epidemiol* 33, 729–739 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0410-z>
23. Dolk, H., Loane, M., Teljeur, C. et al. Detection and investigation of temporal clusters of congenital anomaly in Europe: seven years of experience of the EUROCAT surveillance system. *Eur J Epidemiol* 30, 1153–1164 (2015). <https://doi.org/10.1007/s10654-015-0012-y>
24. Elliott, J., Bodinier, B., Whitaker, M. et al. COVID-19 mortality in the UK Biobank cohort: revisiting and evaluating risk factors. *Eur J Epidemiol* 36, 299–309 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10654-021-00722-y>
25. Enthoven, C.A., Tideman, J.W.L., Polling, J.R. et al. Interaction between lifestyle and genetic susceptibility in myopia: the Generation R study. *Eur J Epidemiol* 34, 777–784 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00512-7>

26. Evans, S., McRae-McKee, K., Wong, M.M. et al. The importance of endpoint selection: How effective does a drug need to be for success in a clinical trial of a possible Alzheimer's disease treatment?. *Eur J Epidemiol* 33, 635–644 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0381-0>
27. Franco, O.H., Wong, Y.L., Kandala, NB. et al. Cross-cultural comparison of correlates of quality of life and health status: the Whitehall II Study (UK) and the Western New York Health Study (US). *Eur J Epidemiol* 27, 255–265 (2012). <https://doi.org/10.1007/s10654-012-9664-z>
28. Gallo, V., Vanacore, N., Bueno-de-Mesquita, H.B. et al. Physical activity and risk of Amyotrophic Lateral Sclerosis in a prospective cohort study. *Eur J Epidemiol* 31, 255–266 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10654-016-0119-9>
29. Gill, D., Sheehan, N.A., Wielscher, M. et al. Age at menarche and lung function: a Mendelian randomization study. *Eur J Epidemiol* 32, 701–710 (2017). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0272-9>
30. Greenland, S., Senn, S.J., Rothman, K.J. et al. Statistical tests, P values, confidence intervals, and power: a guide to misinterpretations. *Eur J Epidemiol* 31, 337–350 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10654-016-0149-3>
31. Guo, J., Astrup, A., Lovegrove, J.A. et al. Milk and dairy consumption and risk of cardiovascular diseases and all-cause mortality: dose–response meta-analysis of prospective cohort studies. *Eur J Epidemiol* 32, 269–287 (2017). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0243-1>
32. Hamer, M., O'Donovan, G. & Stamatakis, E. Association between physical activity and sub-types of cardiovascular disease death causes in a general population cohort. *Eur J Epidemiol* 34, 483–487 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0460-2>
33. Harbron, R.W., Chapple, CL., O'Sullivan, J.J. et al. Cancer incidence among children and young adults who have undergone x-ray guided cardiac catheterization procedures. *Eur J Epidemiol* 33, 393–401 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0357-0>

34. Hayat, S.A., Luben, R., Dalzell, N. et al. Understanding the relationship between cognition and death: a within cohort examination of cognitive measures and mortality. *Eur J Epidemiol* 33, 1049–1062 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0439-z>
35. Hepworth, S.J., Law, G.R., Lawlor, D.A. et al. Early life patterns of common infection: a latent class analysis. *Eur J Epidemiol* 25, 875–883 (2010). <https://doi.org/10.1007/s10654-010-9518-5>
36. Heuvelman, H., Abel, K., Wicks, S. et al. Gestational age at birth and risk of intellectual disability without a common genetic cause. *Eur J Epidemiol* 33, 667–678 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0340-1>
37. Huisman, M., Araya, R., Lawlor, D.A. et al. Cognitive ability, parental socioeconomic position and internalising and externalising problems in adolescence: Findings from two European cohort studies. *Eur J Epidemiol* 25, 569–580 (2010). <https://doi.org/10.1007/s10654-010-9473-1>
38. Hvide, H.K., Johnsen, J. & Salvanes, K.G. Parental age and birth defects: a sibling study. *Eur J Epidemiol* (2021). <https://doi.org/10.1007/s10654-021-00734-8>
39. Janssen, F. Changing contribution of smoking to the sex differences in life expectancy in Europe, 1950–2014. *Eur J Epidemiol* 35, 835–841 (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-020-00602-x>
40. Jones, N.R.V., Forouhi, N.G., Khaw, K.T. et al. Accordance to the Dietary Approaches to Stop Hypertension diet pattern and cardiovascular disease in a British, population-based cohort. *Eur J Epidemiol* 33, 235–244 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0354-8>
41. Kar, S.P., Andrulis, I.L., Brenner, H. et al. The association between weight at birth and breast cancer risk revisited using Mendelian randomisation. *Eur J Epidemiol* 34, 591–600 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00485-7>
42. Keogh, R.H., Park, J.Y., White, I.R. et al. Estimating the alcohol–breast cancer association: a comparison of diet diaries, FFQs and combined measurements. *Eur J Epidemiol* 27, 547–559 (2012). <https://doi.org/10.1007/s10654-012-9693-7>

43. Khawaja, A.P., Springelkamp, H., Creuzot-Garcher, C. et al. Associations with intraocular pressure across Europe: The European Eye Epidemiology (E3) Consortium. *Eur J Epidemiol* 31, 1101–1111 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10654-016-0191-1>
44. Kim, Y., White, T., Wijndaele, K. et al. The combination of cardiorespiratory fitness and muscle strength, and mortality risk. *Eur J Epidemiol* 33, 953–964 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0384-x>
45. Kobeissi, E., Hibino, M., Pan, H. et al. Blood pressure, hypertension and the risk of abdominal aortic aneurysms: a systematic review and meta-analysis of cohort studies. *Eur J Epidemiol* 34, 547–555 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00510-9>
46. Kuh, D., Wong, A., Shah, I. et al. The MRC National Survey of Health and Development reaches age 70: maintaining participation at older ages in a birth cohort study. *Eur J Epidemiol* 31, 1135–1147 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10654-016-0217-8>
47. Kunutsor, S.K., Blom, A.W., Whitehouse, M.R. et al. Renin-angiotensin system inhibitors and risk of fractures: a prospective cohort study and meta-analysis of published observational cohort studies. *Eur J Epidemiol* 32, 947–959 (2017). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0285-4>
48. Kunutsor, S.K., Frysz, M., Verweij, N. et al. Circulating total bilirubin and risk of non-alcoholic fatty liver disease in the PREVEND study: observational findings and a Mendelian randomization study. *Eur J Epidemiol* 35, 123–137 (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00589-0>
49. Kunutsor, S.K., Mäkikallio, T.H., Seidu, S. et al. Physical activity and risk of venous thromboembolism: systematic review and meta-analysis of prospective cohort studies. *Eur J Epidemiol* 35, 431–442 (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00579-2>
50. Kunutsor, S.K., Seidu, S., Blom, A.W. et al. Serum C-reactive protein increases the risk of venous thromboembolism: a prospective study and meta-analysis of

- published prospective evidence. *Eur J Epidemiol* 32, 657–667 (2017).
<https://doi.org/10.1007/s10654-017-0277-4>
51. Kunutsor, S.K., Seidu, S., Mäkikallio, T.H. et al. Physical activity and risk of atrial fibrillation in the general population: meta-analysis of 23 cohort studies involving about 2 million participants. *Eur J Epidemiol* 36, 259–274 (2021).
<https://doi.org/10.1007/s10654-020-00714-4>
52. Kunutsor, S.K., Whitehouse, M.R., Blom, A.W. et al. Low serum magnesium levels are associated with increased risk of fractures: a long-term prospective cohort study. *Eur J Epidemiol* 32, 593–603 (2017). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0242-2>
53. Kunutsor, S.K., Whitehouse, M.R., Blom, A.W. et al. One- and two-stage surgical revision of peri-prosthetic joint infection of the hip: a pooled individual participant data analysis of 44 cohort studies. *Eur J Epidemiol* 33, 933–946 (2018).
<https://doi.org/10.1007/s10654-018-0377-9>
54. Lake, I.R., Harrison, F.C.D., Chalmers, R.M. et al. Case-control study of environmental and social factors influencing cryptosporidiosis. *Eur J Epidemiol* 22, 805 (2007). <https://doi.org/10.1007/s10654-007-9179-1>
55. Lee, B.K., Gross, R., Francis, R.W. et al. Birth seasonality and risk of autism spectrum disorder. *Eur J Epidemiol* 34, 785–792 (2019).
<https://doi.org/10.1007/s10654-019-00506-5>
56. Leon, D.A., Shkolnikov, V.M., Borinskaya, S. et al. Hazardous alcohol consumption is associated with increased levels of B-type natriuretic peptide: evidence from two population-based studies. *Eur J Epidemiol* 28, 393–404 (2013).
<https://doi.org/10.1007/s10654-013-9808-9>
57. Li, R., Daniel, R. & Rachet, B. How much do tumor stage and treatment explain socioeconomic inequalities in breast cancer survival? Applying causal mediation analysis to population-based data. *Eur J Epidemiol* 31, 603–611 (2016).
<https://doi.org/10.1007/s10654-016-0155-5>

58. Little, J., Higgins, J.P.T., Ioannidis, J.P.A. et al. Strengthening the reporting of genetic association studies (STREGA): an extension of the STROBE statement. *Eur J Epidemiol* 24, 37 (2009). <https://doi.org/10.1007/s10654-008-9302-y>
59. Liu, G., Zhu, H., Dong, Y. et al. Influence of common variants in FTO and near INSIG2 and MC4R on growth curves for adiposity in African- and European-American youth. *Eur J Epidemiol* 26, 463–473 (2011). <https://doi.org/10.1007/s10654-011-9583-4>
60. Liu, J., Blair, S.N., Teng, Y. et al. Physical activity during pregnancy in a prospective cohort of British women: results from the Avon longitudinal study of parents and children. *Eur J Epidemiol* 26, 237–247 (2011). <https://doi.org/10.1007/s10654-010-9538-1>
61. Long, G., Watkinson, C., Brage, S. et al. Mortality benefits of population-wide adherence to national physical activity guidelines: a prospective cohort study. *Eur J Epidemiol* 30, 71–79 (2015). <https://doi.org/10.1007/s10654-014-9965-5>
62. Lundberg FE, Iliadou AN, Rodriguez-Wallberg K, Gemzell-Danielsson K, Johansson ALV. The risk of breast and gynecological cancer in women with a diagnosis of infertility: a nationwide population-based study. *Eur J Epidemiol*. 2019;34(5):499–507. <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0474-9>
63. Magnus, M.C., Fraser, A., Rich-Edwards, J.W. et al. Time-to-pregnancy and risk of cardiovascular disease among men and women. *Eur J Epidemiol* 36, 383–391 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10654-021-00718-8>
64. Marioni, R.E., Proust-Lima, C., Amieva, H. et al. Cognitive lifestyle jointly predicts longitudinal cognitive decline and mortality risk. *Eur J Epidemiol* 29, 211–219 (2014). <https://doi.org/10.1007/s10654-014-9881-8>
65. Meier, T, Gräfe K, Senn F, et al. Cardiovascular mortality attributable to dietary risk factors in 51 countries in the WHO European Region from 1990 to 2016: a systematic analysis of the Global Burden of Disease Study. *Eur J Epidemiol*. 2019;34(1):37–55. <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0473-x>

66. Mitchell, K.R., Ploubidis, G.B., Datta, J. et al. The Natsal-SF: a validated measure of sexual function for use in community surveys. *Eur J Epidemiol* 27, 409–418 (2012). <https://doi.org/10.1007/s10654-012-9697-3>
67. Modabbernia, A., Sandin, S., Gross, R. et al. Apgar score and risk of autism. *Eur J Epidemiol* 34, 105–114 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0445-1>
68. Movahedi, M., Costello, R., Lunt, M. et al. Oral glucocorticoid therapy and all-cause and cause-specific mortality in patients with rheumatoid arthritis: a retrospective cohort study. *Eur J Epidemiol* 31, 1045–1055 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10654-016-0167-1>
69. Mulligan, A.A., Lentjes, M.A.H., Luben, R.N. et al. Weight change and 15 year mortality: results from the European Prospective Investigation into Cancer in Norfolk (EPIC-Norfolk) cohort study. *Eur J Epidemiol* 33, 37–53 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0343-y>
70. Mutlu, U., Swanson, S.A., Klaver, C.C.W. et al. The mediating role of the venules between smoking and ischemic stroke. *Eur J Epidemiol* 33, 1219–1228 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0436-2>
71. Mytton, O.T., Tainio, M., Ogilvie, D. et al. The modelled impact of increases in physical activity: the effect of both increased survival and reduced incidence of disease. *Eur J Epidemiol* 32, 235–250 (2017). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0235-1>
72. Nafilyan, V., Islam, N., Mathur, R. et al. Ethnic differences in COVID-19 mortality during the first two waves of the Coronavirus Pandemic: a nationwide cohort study of 29 million adults in England. *Eur J Epidemiol* (2021). <https://doi.org/10.1007/s10654-021-00765-1>
73. O’Doherty, M.G., Cairns, K., O’Neill, V. et al. Effect of major lifestyle risk factors, independent and jointly, on life expectancy with and without cardiovascular disease: results from the Consortium on Health and Ageing Network of Cohorts in Europe and the United States (CHANCES). *Eur J Epidemiol* 31, 455–468 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10654-015-0112-8>

74. O'Donovan, G., Stensel, D., Hamer, M. et al. The association between leisure-time physical activity, low HDL-cholesterol and mortality in a pooled analysis of nine population-based cohorts. *Eur J Epidemiol* 32, 559–566 (2017). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0280-9>
75. Osam, C.S., Pierce, M., Hope, H. et al. The influence of maternal mental illness on vaccination uptake in children: a UK population-based cohort study. *Eur J Epidemiol* 35, 879–889 (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-020-00632-5>
76. Ower, A.K., Hadjichrysanthou, C., Gras, L. et al. Temporal association patterns and dynamics of amyloid- β and tau in Alzheimer's disease. *Eur J Epidemiol* 33, 657–666 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0326-z>
77. Padmanabhan, S., Carty, L., Cameron, E. et al. Approach to record linkage of primary care data from Clinical Practice Research Datalink to other health-related patient data: overview and implications. *Eur J Epidemiol* 34, 91–99 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0442-4>
78. Pan, H., Hibino, M., Kobeissi, E. et al. Blood pressure, hypertension and the risk of sudden cardiac death: a systematic review and meta-analysis of cohort studies. *Eur J Epidemiol* 35, 443–454 (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00593-4>
79. Pana, T.A., Dehghani, M., Baradaran, H.R. et al. Calcium intake, calcium supplementation and cardiovascular disease and mortality in the British population: EPIC-norfolk prospective cohort study and meta-analysis. *Eur J Epidemiol* (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-020-00710-8>
80. Patel, S., Henderson, J., Jeffreys, M. et al. Associations between socioeconomic position and asthma: findings from a historical cohort. *Eur J Epidemiol* 27, 623–631 (2012). <https://doi.org/10.1007/s10654-012-9703-9>
81. Patterson, R., McNamara, E., Tainio, M. et al. Sedentary behaviour and risk of all-cause, cardiovascular and cancer mortality, and incident type 2 diabetes: a systematic review and dose response meta-analysis. *Eur J Epidemiol* 33, 811–829 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0380-1>
82. Pongiglione, B., De Stavola, B.L., Kuper, H. et al. Disability and all-cause mortality in the older population: evidence from the English Longitudinal Study of

- Ageing. *Eur J Epidemiol* 31, 735–746 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10654-016-0160-8>
83. Portilla-Fernández, E., Hwang, S.J., Wilson, R. et al. Meta-analysis of epigenome-wide association studies of carotid intima-media thickness. *Eur J Epidemiol* (2021). <https://doi.org/10.1007/s10654-021-00759-z>
84. Richardson, C., Stephan, B.C.M., Robinson, L. et al. Two-decade change in prevalence of cognitive impairment in the UK. *Eur J Epidemiol* 34, 1085–1092 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00554-x>
85. Seaman, R., Höhn, A., Lindahl-Jacobsen, R. et al. Rethinking morbidity compression. *Eur J Epidemiol* 35, 381–388 (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-020-00642-3>
86. Shimonovich, M., Pearce, A., Thomson, H. et al. Assessing causality in epidemiology: revisiting Bradford Hill to incorporate developments in causal thinking. *Eur J Epidemiol* (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-020-00703-7>
87. Sommer, E.M., Balkwill, A., Reeves, G. et al. Effects of obesity and hormone therapy on surgically-confirmed fibroids in postmenopausal women. *Eur J Epidemiol* 30, 493–499 (2015). <https://doi.org/10.1007/s10654-015-0016-7>
88. Sommerlad A, Perera G, Mueller C, et al. Hospitalisation of people with dementia: evidence from English electronic health records from 2008 to 2016. *Eur J Epidemiol*. 2019;34(6):567–577. <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00481-x>
89. Steenstrup, T., Hjelmberg, J.v.B., Mortensen, L.H. et al. Leukocyte telomere dynamics in the elderly. *Eur J Epidemiol* 28, 181–187 (2013). <https://doi.org/10.1007/s10654-013-9780-4>
90. Strohmaier, S., Bogl, L.H., Eliassen, A.H. et al. Maternal healthful dietary patterns during peripregnancy and long-term overweight risk in their offspring. *Eur J Epidemiol* 35, 283–293 (2020). <https://doi.org/10.1007/s10654-020-00621-8>
91. Strohmaier, S., Devore, E.E., Vetter, C. et al. Night shift work before and during pregnancy in relation to depression and anxiety in adolescent and young adult offspring. *Eur J Epidemiol* 34, 625–635 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00525-2>

92. Timpka, S., Fraser, A., Schyman, T. et al. The value of pregnancy complication history for 10-year cardiovascular disease risk prediction in middle-aged women. *Eur J Epidemiol* 33, 1003–1010 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0429-1>
93. Vondoros, S., Kawachi, I. Economic uncertainty and suicide in the United States. *Eur J Epidemiol* (2021). <https://doi.org/10.1007/s10654-021-00770-4>
94. Wald, N.J., Luteijn, J.M., Morris, J.K. et al. Cost–benefit analysis of the polypill in the primary prevention of myocardial infarction and stroke. *Eur J Epidemiol* 31, 415–426 (2016). <https://doi.org/10.1007/s10654-016-0122-1>
95. Wald, N.J., Morris, J.K. Quantifying the health benefits of chronic disease prevention: a fresh approach using cardiovascular disease as an example. *Eur J Epidemiol* 29, 605–612 (2014). <https://doi.org/10.1007/s10654-014-9932-1>
96. Wannamethee, S.G., Papacosta, O., Lennon, L. et al. Serum magnesium and risk of incident heart failure in older men: The British Regional Heart Study. *Eur J Epidemiol* 33, 873–882 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0388-6>
97. Wilkinson, T., Schnier, C., Bush, K. et al. Identifying dementia outcomes in UK Biobank: a validation study of primary care, hospital admissions and mortality data. *Eur J Epidemiol* 34, 557–565 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00499-1>
98. Williams, K.M., Verhoeven, V.J.M., Cumberland, P. et al. Prevalence of refractive error in Europe: the European Eye Epidemiology (E3) Consortium. *Eur J Epidemiol* 30, 305–315 (2015). <https://doi.org/10.1007/s10654-015-0010-0>
99. Xue, B., Cadar, D., Fleischmann, M. et al. Effect of retirement on cognitive function: the Whitehall II cohort study. *Eur J Epidemiol* 33, 989–1001 (2018). <https://doi.org/10.1007/s10654-017-0347-7>
100. Yang, T.O., Cairns, B.J., Green, J. et al. Adult cancer risk in women who were breastfed as infants: large UK prospective study. *Eur J Epidemiol* 34, 863–870 (2019). <https://doi.org/10.1007/s10654-019-00528-z>

РРЯ тексты корпуса 2

1. Авдеева Е.Ю., Скороходова М.Г., Суходоло И.В., Порохова Е.Д., Слизовский Г.В., Муштоватова Л.С., Решетов Я.Е., Иванов С.Д., Белоусов М.В. Сравнительная оценка остеогенной активности и влияния на гемопозитическую функцию красного костного мозга фракций экстрактов *Saussurea controversa* и *Filipendula ulmaria* при экспериментальном остеомиелите. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(3):6-14. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-3-6-14>
2. Агаркова Л.А., Бухарина И.Ю., Белова Н.Г., Ульянич А.Л., Вершкова Е.М., Толмачев И.В., Мурзина Е.Г. Факторы риска и математическая модель осложненного течения беременности на основании интегративного анализа. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):6-15. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-6-15>
3. Акимова Е.В., Акимов М.Ю. Ассоциации распространенности ишемической болезни сердца и нарушений сна среди мужчин открытой популяции среднеурбанизированного города Западной Сибири. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):6-12. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-6-12>
4. Алексеевская Е.С., Субботина Т.Ф., Жлоба А.А. Гомолог аргинина гомоаргинин в качестве субстрата аргинин: глицинамидинотрансферазы и аргиназ человека. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):7-14. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-7-14>
5. Андреева Е.А., Хонина Н.А., Демченко Е.Н., Гаврилова Е.Д., Пасман Н.М., Козлов В.А., Черных Е.Р. Свободная ДНК в фолликулярной жидкости у женщин с различными показателями овариальной функции. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):16-23. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-16-23>
6. Андриевская И.А., Ишутина Н.А. Роль линолевой кислоты в окислительном повреждении гемоглобина при цитомегаловирусной инфекции в период

- беременности. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(3):15-20. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-3-15-20>
7. Аранович А.М., Тушина Н.В., Киреева Е.А., Гофман Ф.Ф. Комплексная оценка лечения пациентов с последствиями гематогенного остеомиелита методом интрамедуллярного напряженного армирования. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(1):6-12. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-6-12>
 8. Астафьева Н.Г., Кобзев Д.Ю., Стрилец Г.Н., Гамова И.В., Перфилова И.А., Удовиченко Е.Н. Психологические дисфункции у женщин с бронхиальной астмой. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(2):71-86. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-2-71-86>
 9. Бабышкина Н.Н., Дронова Т.А., Замбалова Е.А., Завьялова М.В., Слонимская Е.М., Чердынцева Н.В. Роль рецептора эпидермального фактора роста EGFR в эффективности неоадьювантной химиотерапии у больных тройным негативным раком молочной железы. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):13-20. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-13-20>
 10. Байбородина И.В., Завадовская В.Д., Жукова Н.Г., Жукова И.А., Фетисова Т.В., Яжинова В.Н., Очирова Т.Д., Даниленко А.В., Басанова А.В., Зангеева Л.А. Транскраниальная сонография при болезни Паркинсона. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):15-23. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-15-23>
 11. Байке Е.В., Уразова О.И. Цитокиновый профиль крови в зависимости от полиморфизма генов цитокинов у больных хроническим гнойным средним отитом. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):24-35. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-24-35>
 12. Байтингер Н.Н., Варакута Е.Ю., Мустафина Л.Р., Коняева А.Д., Логвинов С.В., Плотников М.Б., Герасимов А.В., Потапов А.В. Эффективность применения n-тирозола для стимулирования регенерации слизистой оболочки губы при экспериментальном стоматите. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):16-24. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-16-24>

- 13.Белокрылова М.Ф., Гарганеева Н.П., Никитина В.Б., Епанчинцева Е.М. Астения как актуальная проблема здоровья женщин с непсихотическими психическими расстройствами: возрастной аспект. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):21-28. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-21-28>
- 14.Белоусова Т.В., Маринкин И.О., Плюшкин В.А., Леонова А.А. Взаимосвязи в системе мать – плацента – ребенок при состоянии тромботической готовности и гематогенных тромбофилиях. Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(5):5-15. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-5-5-15>
- 15.Бибик Е.Ю., Некраса И.А., Деменко А.В., Фролов К.А., Доценко В.В., Кривоколыско С.Г. Изучение адаптогенной активности производных тетрагидропиридо[2,1-b][1,3,5]тиадиазина. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(3):21-28. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-3-21-28>
- 16.Богатырева Е.М., Новик Г.А., Кутушева Г.Ф. Гиперандрогения пубертатного возраста как фактор снижения фертильности. Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(1):14-21. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-1-14-21>
- 17.Брагина О.Д., Ларькина М.С., Стасюк Е.С., Чернов В.И., Юсубов М.С., Скуридин В.С., Деев С.М., Зельчан Р.В., Булдаков М.А., Подрезова Е.В., Белоусов М.В. Разработка высокоспецифичного радиохимического соединения на основе меченых ^{99m}Tc рекомбинантных адресных молекул для визуализации клеток с гиперэкспрессией Her-2/neu. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):25-33. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-25-33>
- 18.Брюханов В.М., Мирошниченко А.Г. Возможности метилэтилпиридинола в комплексном лечении бактериальной инфекции, вызванной *Klebsiella pneumoniae* (экспериментальное исследование). Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(4):11-19. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-4-11-19>
- 19.Буланова А.А., Аксененко А.Э., Бобровникова А.С., Дудко Г.В., Слизевич Д.С., Букреева Е.Б., Шписман М.Н., Тютрин И.И. Исследование реакции системы гемокоагуляции на тканевую гипоксию у пациентов с хронической обструктивной болезнью легких. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(2):87-95. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-2-87-95>

20. Бунятыян Н.Д., Власова Т.И., Мышкина Н.А., Власов А.П., Полозова Э.И., Лещанкина Н.Ю., Прокофьев А.Б., Гуревич К.Г. Ключевые звенья патогенеза токсической миокардиопатии. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):24-30. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-24-30>
21. Васильев А.Ю., Петрова Е.Б., Федорова М.В., Ефимова С.Б., Кордатов П.Н. Результаты стандартной эхокардиографии и использования технологии Velocity Vector Imaging в отдаленные сроки после хирургической реваскуляризации у пациентов с ишемической болезнью сердца. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):31-43. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-31-43>
22. Васильева И.В., Григорьев П.Е. Изменения в эмоциональном состоянии и представлениях об образе своего тела у пациентов с дорсопатиями после курса медицинского массажа. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):44-51. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-44-51>
23. Васильева С.Н., Симуткин Г.Г., Счастный Е.Д., Лебедева Е.В., Бохан Н.А. Аффективные расстройства при коморбидности с алкогольной зависимостью: клиничко-динамические особенности, уровень социальной адаптации больных. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):29-35. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-29-35>
24. Вдовин В.М., Момот А.П., Орехов Д.А., Толстокоров И.Г., Лычёва Н.А., Шевченко В.О., Шахматов И.И., Красюкова В.О., Фохт Э.В. Системные гемостатические эффекты фибрин-мономера при ингибировании агрегационной функции тромбоцитов в эксперименте. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):36-42. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-36-42>
25. Величко С.А., Слонимская Е.М., Фролова И.Г., Бухарин Д.Г., Дорошенко А.В. Способ прогнозирования «малых» форм рака молочной железы на фоне фиброзно-кистозной болезни. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(1):13-19. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-13-19>
26. Венгерович Н.Г., Юдин М.А., Никифоров А.С., Сагалов Г.С., Рузанова Э.А., Шперлинг Н.В., Венгеровский А.И., Шперлинг И.А., Макачев А.С. Влияние

- комбинации фентанила и дексмететомидина на функции внешнего дыхания при острой кровопотере. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(2):96-104.
<https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-2-96-104>
27. Гильмиярова Ф.Н., Кузьмичева В.И., Колотьева Н.А., Комарова М.В., Рыскина Е.А., Гусякова О.А., Виноградова Д.С., Салмин В.В. Конформационные особенности лактатдегидрогеназы: влияние температурного фактора в присутствии малых молекул, математическая модель. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(3):6-14.
<https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-3-6-14>
28. Гольдина И.А., Гайдуль К.В., Козлов В.А. УФО-индуцированная экспрессия эндогенного ретровируса человека HERV-E λ 4-1 в мононуклеарных клетках крови. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):36-44.
<https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-36-44>
29. Горохова А.С., Григорьян А.Ю., Бежин А.И., Панкрушева Т.А., Суковатых Б.С., Жиляева Л.В., Мишина Е.С., Кобзарева Е.В. Применение иммобилизованной формы бензалкония хлорида и метронидазола в лечении гнойных ран. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):43-51.
<https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-43-51>
30. Гребенюк О.В., Алифирова В.М., Светлик М.В., Левко А.Н., Катаева Н.Г. Частотно-временные характеристики веретен сна при идиопатической генерализованной эпилепсии с вариабельным фенотипом у взрослых. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):52-59.
<https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-52-59>
31. Григорьян А.Ю., Бежин А.И., Панкрушева Т.А., Суковатых Б.С., Чекмарева М.С., Жиляева Л.В. Применение многокомпонентной пленки в лечении ран в эксперименте. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):60-68.
<https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-60-68>
32. Григорьян А.Ю., Бежин А.И., Панкрушева Т.А., Суковатых Б.С., Чекмарева М.С., Жиляева Л.В. Многокомпонентное раневое покрытие в лечении

- экспериментальной гнойной раны. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(3):29-36. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-3-29-36>
33. Гудилина Н.А., Иванова Э.С., Сибиряков А.В., Мехоношина Н.В., Ростова Н.Б., Файзрахманов Р.А. Использование кластерного анализа при разработке подходов по выбору и назначению схем лечения ВИЧ-инфицированным пациентам. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):52-60. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-52-60>
34. Гузева В.И., Охрим И.В., Касумов В.Р., Гузева О.В., Гузева В.В., Максимова Н.Е. Особенности симптоматической эпилепсии и другие неврологические нарушения у детей с лиссэнцефалией. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):45-52. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-45-52>
35. Дружинина О.А., Жукова Н.Г., Шперлинг Л.П. Качество жизни при цервикальной дистонии. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):43-49. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-43-49>
36. Дьякова Е.Ю., Капилевич Л.В., Захарова А.Н., Кабачкова А.В., Кироненко Т.А., Орлов С.Н. Содержание эндотелиальной синтазы оксида азота в плазме после физических нагрузок различного характера. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(1):20-26. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-20-26>
37. Жигальская Т.А., Кривошеина О.И., Дзюман А.Н., Хлусов И.А. Патоморфологические особенности регенерации конъюнктивы и склеры на фоне интраоперационной аппликации раствора циклоспорина А. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(3):46-52. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-3-46-52>
38. Жульков М.О., Гренадёр А.С., Корнеев Д.С., Агаева Х.А., Чернявский А.М., Хлусов И.А. Исследование реакции тромбоцитов на а-С:Н:SiO_x покрытие, полученное методом плазмохимического осаждения с использованием импульсного биполярного смещения. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(3):15-21. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-3-15-21>
39. Завалий А.А., Кубышкин А.В., Жукова А.А. Динамика показателей неспецифических протеиназ и их ингибиторов при лечении больных острым

- гнонным риносинуситом мукоактивными препаратами. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(1):27-35. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-27-35>
40. Зарипова Т.Н., Сереброва М.А., Антипова И.И. К вопросу о целесообразности использования вибрации с частотой 100 Гц в лечении и реабилитации больных хронической обструктивной болезнью легких. Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(1):22-29. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-1-22-29>
41. Зверев Я.Ф., Кудинов А.В., Момот А.П., Федореев С.А., Замятина С.В., Кулеш Н.И., Лычева Н.А., Федоров Д.В. Антиагрегантная и антикоагулянтная активность 7-О-гентиобиозида формонетина в условиях *in vitro* и *in vivo*. Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(4):30-39. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-4-30-39>
42. Звонарева О.И., Куликов Е.С., Деев И.А., Кобякова О.С., Федорова О.С., Кириллова Н.А., Старовойтова Е.А., Жукова Н.Г., Жукова И.А., Есип В.В., Счастный Е.Д., Хурхурова Н.В., Никитина Л.Ю., Голосова Т.Г., Пименов И.Д., Нетаева М.А., Федосенко С.В. Роль информированного согласия в принятии решения об участии в исследовании: данные многоцентрового исследования в России «Лицом к лицу». Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(4):40-51. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-4-40-51>
43. Зыкова М.В., Трофимова Е.С., Кривошеков С.В., Лигачёва А.А., Данилец М.Г., Логвинова Л.А., Жолобова Г.А., Прищепова О.Ф., Юсубов М.С., Белоусов М.В. Спектральные параметры и биологическая активность высокомолекулярных соединений гуминовой природы. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(1):36-49. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-36-49>
44. Зюзьков Г.Н., Удут Е.В., Мирошниченко Л.А., Полякова Т.Ю., Симанина Е.В., Ставрова Л.А., Агафонов В.И., Жданов В.В. Нейропротективные свойства ингибитора C-Jun N-terminal kinase (JNK) при гипоксической гипоксии. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):80-88. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-80-88>
45. Ибрагимова М.К., Цыганов М.М., Слонимская Е.М., Литвяков Н.В. Аберрации числа копий в геноме опухоли молочной железы люминального

- подтипа В. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(3):22-28.
<https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-3-22-28>
- 46.Иванова В.В., Мильто И.В., Суходоло И.В. Морфофункциональное состояние эпителиоцитов поднижнечелюстных слюнных желез на фоне многократной ампутации резцов у половозрелых крыс. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):53-58. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-53-58>
- 47.Иванова В.В., Тихонов Д.И., Мильто И.В., Серебрякова О.Н., Геренг Е.А., Плешко Р.И. Влияние гипертрофии больших слюнных желез на ультраструктуру сперматогенного эпителия крыс. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(3):29-35. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-3-29-35>
- 48.Иванова С.А., Алифирова В.М., Жукова И.А., Тигунцев В.В., Пожидаев И.В., Османова Д.З., Федоренко О.Ю., Фрейдин М.Б., Миронова Ю.С., Жукова Н.Г., Бохан Н.А., Лунен А. Ассоциация полиморфизмов гена СОМТ с болезнью Паркинсона. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):70-78.
<https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-70-78>
- 49.Кайгородова Е.В., Федулова Н.В., Очиров М.О., Дьяков Д.А., Молчанов С.В., Часовских Н.Ю. Различные популяции опухолевых клеток в асцитической жидкости больных раком яичников. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):50-58. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-50-58>
- 50.Калиниченко Ю.А., Сиротченко Т.А., Луганский Д.Е. Оценка факторов риска снижения минеральной плотности костной ткани у подростков с зубочелюстными аномалиями. Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(4):52-58. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-4-52-58>
- 51.Капилевич Л.В., Захарова А.Н., Дьякова Е.Ю., Кироненко Т.А., Милованова К.Г., Калининкова Ю.Г., Чибалин А.В. Экспериментальная модель сахарного диабета II типа у мышей на основе диеты с избыточным содержанием жиров. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(3):53-61.
<https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-3-53-61>
- 52.Карнаушкина М.А., Федосенко С.В., Данилов Р.С., Комарова И.С., Петров В.А. Эозинофильный катионный белок как неинвазивный маркер характера

- воспалительного ответа у больных хронической обструктивной болезнью легких. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):59-66. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-59-66>
53. Карташов М.Ю., Микрюкова Т.П., Москвитина Н.С., Кривошеина Е.И., Кузнецов А.И., Романенко В.Н., Большакова Н.П., Терновой В.А., Локтев В.Б. Обнаружение и генотипирование *Anaplasma phagocytophilum* в клещах *I. persulcatus* и *D. reticulatus*, собранных в г. Томске в 2015–2016 гг. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):89-98. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-89-98>
54. Ковалев И.В., Бирулина Ю.Г., Гусакова С.В., Носарев А.В., Смаглий Л.В., Петрова И.В., Рыдченко В.С., Лещева А.А., Медведев М.А., Суханова Г.А., Васильев В.Н. Роль ЦАМФ-зависимой сигнальной системы в регуляции электрических и сократительных свойств гладких мышц мочеочника морской свинки при гипоксии. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):99-106. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-99-106>
55. Корнетов А.Н., Корнетова Е.Г., Голенкова А.В., Козлова С.М., Аржаник М.Б., Самойленко Ж.А., Бойко А.С., Семке А.В. Нейрокогнитивный дефицит в клиническом полиморфизме шизофрении: типология, выраженность и синдромальные перекрытия. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):107-118. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-107-118>
56. Корнетова Е.Г., Гончарова А.А., Дмитриева Е.Г., Аржаник А.А., Корнетов А.Н., Семке А.В. Влияние клинических и терапевтических показателей на выраженность нейрокогнитивного дефицита у пациентов с шизофренией. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(3):36-43. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-3-36-43>
57. Корнетова Е.Г., Тигунцев В.В., Корнетов А.Н., Гончарова А.А., Лобачева О.А., Давыдов А.А., Хардикина С.А., Иванова С.А., Семке А.В. Половые различия в клинических особенностях антипсихотикиндуцированной гиперпролактинемии у больных шизофренией. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(3):62-71. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-3-62-71>

58. Котловский М.Ю., Дыгай А.М., Трифонова О.Ю., Жданов В.В., Удут В.В., Чурин А.А., Якимович И.Ю., Титов В.Н., Краснов Е.В., Котловская Л.Ю. Дозозависимое влияние статинов на изменение содержания отдельных жирных кислот плазмы крови и их комплексов при вторичной профилактике хронической формы ишемической болезни сердца у мужчин и женщин. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):75-84. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-75-84>
59. Котлярова А.А., Летягин А.Ю., Толстикова Т.Г., Попова Т.В., Рачковская Л.Н. Влияние литийсодержащего сорбента на параметры условно-рефлекторной активности на модели хронической алкогольной интоксикации. Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(1):30-36. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-1-30-36>
60. Кочеров С.Н. Сравнительная оценка эффективности восстановления перфораций барабанной перепонки в зависимости от их локализации. Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(4):59-66. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-4-59-66>
61. Краснова Н.М., Сычев Д.А., Александрова Т.Н., Венгеровский А.И. Риск развития послеоперационных венозных тромбоэмболических осложнений у пожилых больных. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):85-93. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-85-93>
62. Крылова А.А., Кривошеина О.И., Уразова О.И. Экспериментальное обоснование эффективности «массажа» ретинальных вен для лечения окклюзии вен сетчатки. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):94-101. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-94-101>
63. Кулеш А.А., Дробаха В.Е., Куклина Е.М., Шестаков В.В. Амилоид-бета 40 как биомаркер когнитивных нарушений в остром периоде ишемического инсульта. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):79-86. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-79-86>
64. Кунцевич А.К., Симонова Г.И., Мустафина С.В., Верёвкин Е.Г., Березовикова И.П., Влошинский П.Е., Рымар О.Д. Гликемический индекс рационов

- фактического питания и риск развития метаболического синдрома у мужского городского населения Новосибирска (популяционное исследование). Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(4):67-76. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-4-67-76>
65. Куприянова И.И., Петров И.А., Тихоновская О.А., Мустафина Л.Р., Фатеева А.С., Огороков А.О., Логвинов С.В. Морфология яичников после сальпингэктомии (экспериментальное исследование). Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(4):77-83. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-4-77-83>
66. Ларькина М.С., Семенова А.С., Зельчан Р.В., Подрезова Е.В., Брагина О.Д., Юсубов М.С., Скуридин В.С., Чернов В.И., Белоусов М.В., Тимофеев М.С. Способ получения и изучение биологических свойств меченной йодом-123 производной аминоклюкозы. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):102-111. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-102-111>
67. Латышев О.Ю., Санникова Е.С., Самсонова Л.Н., Киселёва Е.В., Окминян Г.Ф., Дондуп О.М., Касаткина Э.П. Нарушение формирования пола 45,X/46,XY: клиничко-лабораторная характеристика пациентов. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):87-96. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-87-96>
68. Лебедев Д.А., Мосикян А.А., Бабенко А.Ю. Оценка факторов, влияющих на приверженность к лечению ингибитором натрий-глюкозного ко-транспортера 2-го типа. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(3):44-51. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-3-44-51>
69. Лебедева А.И., Муслимов С.А., Гареев Е.М., Афанасьев С.А., Кондратьева Д.С., Попов С.В. Макрофаги как регуляторы гомеостаза миокарда после его ишемического повреждения в условиях применения аллогенного биоматериала. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):67-75. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-67-75>
70. Лебедева С.Н., Очиров О.С., Стельмах С.А., Григорьева М.Н., Жамсаранова С.Д., Могнонов Д.М. Репаративное действие гидрогеля

- полигексаметиленгуанидин гидрохлорида. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):112-120. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-112-120>
- 71.Лычева Н.А., Шахматов И.И., Киселев В.И. Влияние среды охлаждения на состояние системы гемостаза у крыс. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(1):50-58. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-50-58>
- 72.Маркова Е.В., Савкин И.В., Анисеева О.С., Козлов В.А. Пролиферация и апоптоз лимфоцитов у экспериментальных животных после многократной трансплантации клеток иммунной системы, проведенной в ювенильный период развития. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):119-126. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-119-126>
- 73.Матвеева Н.Ю., Матвеев Ю.А., Калинин С.Г., Едранов С.С., Каминский Ю.В. Значение апоптоза энтероцитов при воспалительных заболеваниях кишечника. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):121-129. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-121-129>
- 74.Мельников М.Е., Безматерных Д.Д., Петровский Е.Д., Козлова Л.И., Штарк М.Б., Савелов А.А., Шубина О.С., Натарова К.А. Время реакции в ответ на эмоциональные стимулы (включая фотопортреты с различной мимикой) в ходе фМРТ-исследования лиц с легкой и умеренной депрессией, дистимией. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):130-138. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-130-138>
- 75.Мурик С.Э. О возможности омегаэлектроэнцефалографии в оценке функционального и метаболического состояния нервной ткани головного мозга при гипервентиляции. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):127-145. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-127-145>
- 76.Мустафина С.В., Винтер Д.А., Щербакова Л.В., Малютина С.К., Рагино Ю.И., Рымар О.Д. Половозрастные особенности распространенности метаболически здорового фенотипа ожирения. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):76-84. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-76-84>
- 77.Никитин А.А., Науменко В.А., Водопьянов С.С., Гаранина А.С., Федорова Н.Д., Калабай Е.Д., Савченко А.Г., Абакумов М.А., Мажуга А.Г. Изучение

- эффективности контрастирования различных видов опухолей с использованием кубических наночастиц магнетита. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):139-148. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-139-148>
78. Никифорова Т.А., Доронин Б.М., Песков С.А., Марущак А.А. Значимость показателей цитокинового статуса в оценке клинического течения геморрагической трансформации ишемического инсульта. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):97-106. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-97-106>
79. Никулина С.Ю., Шульман В.А., Чернова А.А., Прокопенко С.В., Никулин Д.А., Платунова И.М., Третьякова С.С., Чернов В.Н., Мариловцева О.В., Келеменова А.Н., Максимов В.Н., Гуражева А.А. Ассоциация полиморфизма rs10507391 с развитием острого нарушения мозгового кровообращения у пациентов с сердечно-сосудистой патологией. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):85-93. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-85-93>
80. Осипенко А.Н., Плотникова Т.М., Чернышева Г.А., Смольякова В.И. Механизмы нейропротективного действия п-тирозола в условиях тотальной транзиторной ишемии-реперфузии головного мозга. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(1):65-72. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-65-72>
81. Перфильев В.Ю., Зверев Я.Ф., Жариков А.Ю., Лукьяненко Д.Ю., Лысенко И.В., Атабаева О.Ш. Успешное применение дапаглифлозина для профилактики и лечения экспериментального уратного нефролитиаза. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(1):73-79. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-73-79>
82. Петрова И.В., Бирулина Ю.Г., Трубачева О.А., Беляева С.Н., Шнайдер О.Л., Носарев А.В., Гусакова С.В., Васильев В.Н., Суханова Г.А. Экспериментальная оценка влияния экзогенного монооксида углерода на клетки крови. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):94-100. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-94-100>

83. Ратькин А.В., Пфаргер Ю.А., Кайдаш О.А., Иванов В.В., Цыганов М.М., Чучалин В.С., Адекенов С.М., Новицкий В.В. Влияние ахиллина на экспрессию генов метаболизма липидов в культуре клеток. Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(4):84-90. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-4-84-90>
84. Рогова О.С., Самсонова Л.Н., Окминян Г.Ф., Киселёва Е.В., Латышев О.Ю., Касаткина Э.П., Пыков М.И., Окулов А.Б., Мираков К.К. Исходы оперативного лечения патологии щитовидной железы у детей. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):107-118. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-107-118>
85. Русских А.Н., Шабоха А.Д. Способ рентгенологического исследования морфометрических показателей сосудов портокавальной системы прямой кишки трупов мужчин. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):146-156. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-146-156>
86. Савельев И.Н., Фролова И.Г., Афанасьев С.Г., Величко С.А., Тузиков С.А., Миллер С.В. Роль УЗИ и КТ в лучевой диагностике кардиоэзофагеального рака. Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(4):91-96. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-4-91-96>
87. Самойлова Е.В., Фатова М.А., Миндзаев Д.Р., Житарева И.В., Насонова С.Н., Жиров И.В., Терещенко С.Н., Коротаева А.А. Решающее правило для стратификации больных хронической сердечной недостаточностью II и III функционального класса. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):101-107. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-101-107>
88. Сарнадский В.Н., Михайловский М.В., Садовая Т.Н., Орлова Т.Н., Кузнецов С.Б. Распространенность структурального сколиоза среди школьников Новосибирска по данным компьютерной топографии. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(1):80-91. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-80-91>
89. Скальский С.В., Соколова Т.Ф., Сычев Д.А., Турок Н.Е. Влияние верапамила на формирование спаек при асептическом воспалении брюшины. Бюллетень

- сибирской медицины. 2017;16(3):119-126. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-119-126>
90. Солдатова О.В., Кубышкин А.В., Ушаков А.В., Гордиенко А.И., Фомочкина И.И., Гагарина А.А. Динамика уровня провоспалительных цитокинов при различных вариантах течения острого инфаркта миокарда. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(1):92-100. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-92-100>
91. Тепляков А.Т., Гракова Е.В., Березикова Е.Н., Шилов С.Н., Копьева К.В., Калюжин В.В. Ранние маркеры прогрессирования сердечной недостаточности и апоптоза: роль в прогнозировании риска развития неблагоприятных сердечно-сосудистых событий у больных, перенесших инфаркт миокарда. Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(1):37-46. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-1-37-46>
92. Тепляков А.Т., Шилов С.Н., Попова А.А., Гракова Е.В., Березикова Е.Н., Неупокоева М.Н., Молоков А.В., Копьева К.В., Калюжин В.В. Состояние сердечно-сосудистой системы у больных с антрациклиновой кардиомиопатией. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):127-136. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-127-136>
93. Трус Д.А., Тихоновская О.А., Окороков А.О., Мустафина Л.Р., Тимофеева О.С., Логвинов С.В., Герасимов А.В., Варакута Е.Ю., Потапов А.В., Суханова Г.А., Куценко И.Г. Моделирование функциональных кист яичников путем введения фолликулостимулирующего гормона. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):137-144. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-137-144>
94. Ушкалова Е.А., Черникова Л.Ю., Евтушенко И.Д., Каракулова Е.В., Фокин В.А., Белоусов М.В. Фармакоэпидемиологические аспекты антибактериальной терапии сальпингоофорита в условиях стационара. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):149-158. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-149-158>

95. Фанаскова Е.В., Груздева О.В., Акбашева О.Е., Тютрин И.И., Пенская Т.Ю., Учасова Е.Г., Дылева Ю.А., Барбараш О.Л. Возможность применения метода низкочастотной пьезотромбоэластографии для оценки гемостатического потенциала крови при операциях коронарного шунтирования на фоне длительной аспириротерапии. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):145-155. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-145-155>
96. Филина Н.Ю., Болотова Н.В., Скучаева Л.В. Субкомпенсация и декомпенсация углеводного обмена у детей с сахарным диабетом 1 типа. Бюллетень сибирской медицины. 2016;15(4):104-110. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2016-4-104-110>
97. Филиппова Е.О., Кривошеина О.И., Хлусов И.А., Пичугин В.Ф., Дзюман А.Н., Зайцев К.В. Интрастромальная имплантация трековых мембран с пренатальными стромальными клетками человека при эндотелиально-эпителиальной дистрофии роговицы в эксперименте. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):157-164. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-157-164>
98. Фомина С.В., Завадовская В.Д., Чурин А.А., Юсубов М.С. Экспериментальная апробация нового эхоконтрастного препарата на основе гексафторида серы в диагностике очаговых образований печени воспалительного генеза. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(1):101-107. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-1-101-107>
99. Хабаров Д.В., Сюткина И.П., Королева Е.Г., Смагин А.А., Кочеткова М.В., Демура А.Ю. Динамика маркеров стресс-реакции при эмболизации маточных артерий. Бюллетень сибирской медицины. 2017;16(3):156-165. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2017-3-156-165>
100. Цветкова А.С., Крандычева В.В., Харин С.Н. Электрофизиологическое ремоделирование правого желудочка при экспериментальной сердечной недостаточности различной этиологии. Бюллетень сибирской медицины. 2019;18(2):165-174. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2019-2-165-174>

101. Часовских Н.Ю., Гречишникова А.Ю., Смирнов Д.В. Функциональная аннотация и анализ обогащения сигнальных путей генов, ассоциированных с болезнью Альцгеймера и болезнью Паркинсона. Бюллетень сибирской медицины. 2020;19(1):108-113. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-1-108-113>
102. Черевко Н.А., Скирневская А.В., Розенштейн М.Ю., Новиков П.С., Муравейник О.А., Денисов А.А. Особенности специфической гиперчувствительности к пищевым антигенам молочного и злакового кластеров у детей с расстройством аутистического спектра. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):159-166. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-159-166>
103. Шевела Е.Я., Сахно Л.В., Тихонова М.А., Баторов Е.В., Останин А.А., Черных Е.Р. Эффекты мезенхимальных стромальных клеток на дифференцировку макрофагов первого типа и их переключение в макрофаги второго типа. Бюллетень сибирской медицины. 2018;17(1):167-176. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2018-1-167-176>

РАЯ тексты корпуса 3

1. Aleksandrova T.N., Pavlova N.I., Kurtanov Kh.A. et al. Genetic Profile of Patients with Classical Ph-negative Chronic Myeloproliferative Diseases in the Republic of Sakha (Yakutia). International Journal of Biomedicine. 2020;10(1):54-57. DOI: 10.21103/Article10(1)_OA8.
2. Andreev P.Y., Bugrimov D.Y., Filin A.A. et al. Pathomorphological Markers of Overcoming Radioresistance in the Treatment of Cervical Cancer. International Journal of Biomedicine. 2020;10(2):120-123. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA6
3. Antonyan A.B., Kharitonov D.Y., Podoprighora A.V. et al. A New Perspective on a Morphological Confirmation of the Tissue Repair Process in the Experimental Simulation of a Surgical Dental Extraction in Rats. International Journal of Biomedicine. 2021;11(2):164-168. DOI: 10.21103/Article11(2)_OA8.

4. Arhipov D.V., Andreev A.A., Glukhov A.A. et al. High-Pressure Oxygen Insufflation of the Sorbent in Complex Treatment of Clean Soft Tissue Wounds. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(3):247-250. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA9.
5. Artamonova Z.A., Namokonov E.V., Darenskaya M.A. et al. Changes in the Rat Blood Lymphocyte Composition in the Dynamics of Acute Irreversible Mesenteric Ischemia. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(3):270-273. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA14.
6. Berdina O., Madaeva I., Bolshakova S. et al. Applying a Translated Version of the Adolescent Sleep Habits Survey in Russian High School Children with Obesity. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(1):61-65. DOI: 10.21103/Article10(1)_OA10.
7. Berdina O., Madaeva I., Bolshakova S. et al. Sleep Patterns with Obstructive Sleep Apnea in Middle Adolescence: A Cross-Sectional Study of Obese Patients. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(3):235-240. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA7.
8. Borisova E.P., Kylbanova E.S., Asekritova A.S. et al. Polymorphisms of Genes Involved in Endothelial Dysfunction in the Yakuts with COPD and Metabolic Syndrome. *International Journal of Biomedicine*. 2018;8(2):134-138. DOI: 10.21103/Article8(2)_OA5.
9. Budnevsky A.V., Provotorov V.M., Ovsyannikov E.S. et al. Efficacy of Oxidative Stress Correction During Asthma Treatment. *International Journal of Biomedicine* 2017;7(2):104-107. DOI:10.21103/Article7(2)_OA3.
10. Budnevsky A.V., Rezova N.V., Kozhevnikova S.A. et al. Prognostic Role of Melatonin in the Assessment of the Hypertension Clinical Course. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(3):231-234. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA6.
11. Burtseva T.E., Samsonova M.I., Evseeva S.A. et al. Peculiarities of Functional Activity of the Pituitary-Thyroid System in Adolescents of the North. *International Journal of Biomedicine*. 2018;8(2):147-149. DOI: 10.21103/Article8(2)_OA8.

12. Charyshkin A.I., Yartsev M.M. Assessment of Quality of Life in Patients with Acute Appendicitis after a Minimally Invasive Approach. *International Journal of Biomedicine*. 2018;8(2):139-141. DOI: 10.21103/Article8(2)_OA6.
13. Charyshkin A.L., Matorkin D.A., Demin V.P. The Immediate Results of Surgical Treatment of Bladder Cancer. *International Journal of Biomedicine* 2016;6(2):110-113. DOI: 10.21103/Article6(2)_OA3.
14. Cherednikov E. F., Barannikov S.V., Yuzefovich I.S. et al. Innovative Endoscopic Technologies in the Complex Treatment of Patients with Unstable Stopped Gastroduodenal Bleeding. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(1):24-28. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA4.
15. Cherednikov E.F., Barannikov S.V., Zhdanov A.I. et al. Combined Use of Biologically Active Hemostatic and Granulated Sorbent in Endoscopic Cytoprotective Hemostasis in Patients with Bleeding Gastroduodenal Ulcers. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(2):129-132. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA8.
16. Cherednikov E.F., Glukhov A.A., Romantsov M.N. et al. Hemostatic Agents in Combination with Diovine for Local Treatment of Simulated Bleeding Gastric Ulcers. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(2):138-141. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA10.
17. Cherednikov E.F., Yuzefovich E.S., Maleev Y.V. et al. The Use of the Hemostatic Agent Zhelplastan in Combination with a Granulated Sorbent in the Treatment of Patients with Mallory-Weiss Syndrome. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(2):160-163. DOI: 10.21103/Article11(2)_OA7.
18. Chukhnina E.G., Kazachkov E.L., Voropaeva E.E. et al. The Effect of Vitamin D Metabolic Status and Endometrial Immune Patterns on the Outcomes of ART Programs. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(2):188-196. DOI: 10.21103/Article11(2)_OA11.
19. Danusevich I.N., Sharifulin E.M., Nemchenko U.M. et al. Features of the Immune System Functioning with Persistence of Infectious Agents in Women with Chronic

- Endometrial Inflammation and Reproductive Disorders. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(4):362-368. DOI: 10.21103/Article10(4)_OA6.
20. Darenskaya M.A., Kolesnikova L.R., Rychkova L.V. et al. Indicators of Lipid Peroxidation Reactions and State of Structural Tissues of the Dentition System in Wistar Rats under Various Stress Regimes. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(2):142-147. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA11.
21. Diakonova A.T., Kurtanov Kh.A., Pavlova N.I. et al. The FTO, PNPLA3 and TM6SF2 Gene Polymorphisms and Genetic Predisposition to NAFLD in Yakut Population. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(1):92-95. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA16.
22. Didenko N.M., Vyazmin A.Y., Mokrenko E.V. et al. Relationship between the Types of Malocclusion and the Localization of Headaches in Adults. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(2):197-200. DOI: 10.21103/Article11(2)_OA12.
23. Golomidov A.N., Hryvenko S.H., Kondratiuk E.R. et al. Changes in the Parameters of Systemic Hemodynamics and Perfusion during Laparoscopic Cholecystectomy in Patients with Acute Cholecystitis and Possible Correction Methods. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(2):133-137. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA9.
24. Govorova T.G., Popova T.E., Tappakhov A.A et al. Assessment of Non-Motor Symptoms in Essential Tremor. *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(4):308-312. DOI: 10.21103/Article9(4)_OA7.
25. Grebenkina L.A., Darenskaya M.A., Rashidova M.A. et al. Analysis of Pro- and Antioxidant Status in Women with Endocrine Infertility. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(4):373-377. DOI: 10.21103/Article10(4)_OA8.
26. Hryvenko S.H., Semenov Y.A., Ilchenko F.N. et al. Conceptual and Methodological Approaches to Choosing a Method for Marking a Surgical Site for Reconstructive Surgery on the Anterior Abdominal Wall. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(1):41-44. DOI: 10.21103/Article10(1)_OA5.

27. Iomdina E., Arutyunyan L., Khorosheva E. Analyzing Trace Elements in the Structures of Glaucomatous Eyes. *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(1):23-25. DOI: 10.21103/Article9(1)_OA3.
28. Iryanov Y.M., Kiryanov N.A. Hondroplastic Efficiency of Calcified Bone Matrix Produced by Original Technology. *International Journal of Biomedicine*. 2018;8(2):142-146. DOI: 10.21103/Article8(2)_OA7.
29. Ivanchuk Y.S., Tribuntceva L.V., Budnevsky A.V. et al. Life Quality and Cytokines Profile in Patients with Asthma and Osteoarthritis. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(2):137-140. DOI: 10.21103/Article11(2)_OA2.
30. Ivanova A.A., Potapov A.F., Bosikov D.V. et al. External Causes in the Structure of Premature Mortality in the Republic of Sakha (Yakutia). *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(1):75-79. DOI: 10.21103/Article9(1)_OA13.
31. Ivanova A.A., Potapov A.F., Timofeev L.F. et al. Trends in Mortality from Preventable Causes in the Sakha Republic (Yakutia). *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(2):169-173. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA17.
32. Izosimov V.V., Hryvenko S.H., Baranovskiy Y.G. et al. Clinical and Pathogenetic Aspects of Complex Treatment of Decompensated Forms of Chronic Venous Insufficiency of the Lower Extremities. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(1):87-91. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA15.
33. Kashuba E.A., Chekhova Y.S., Solovyova S.V. et al. The Role of Immunological Mechanisms in Physiological Pregnancy and the Consequences of Disturbing Them during in vitro Fertilization. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(2):116-119. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA5.
34. Khripun A.I., Sazhin I.V., Tsulaya A.S. et al. Laparoscopic Repair of Perforated Gastric Ulcer by Forming a “Covered Perforation”. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(1):29-31. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA5.
35. Kibler N.A., Nuzhny V.P., Shmakov D.N. Effect of an Increase in Heart Rate on the Pumping Function of the Heart Ventricles in Cold-Blooded Animals under Low Ambient Temperature Conditions. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(3):262-265. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA12.

36. Kirillina M.P., Kononova I.V., Sofronova S.I. et al. Cervical Dysplasia and Human Papillomavirus in Women of the Republic of Sakha (Yakutia). *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(2):165-168. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA16.
37. Kirillina M.P., Kononova I.V., Sofronova S.I. et al. Morphological and Prognostic Characteristics of Breast Cancer in Women Living in the Sakha Republic (Yakutia). *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(2):201-205. DOI: 10.21103/Article11(2)_OA13.
38. Kirillina M.P., Sofronova S.I., Kononova I.V. et al. The Incidence of Cervical Disease in Women of Different Age Groups in the Republic of Sakha (Yakutia). *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(1):39-42. DOI: 10.21103/Article9(1)_OA7.
39. Kodochigova A.I., Kirichuk V.F, Sinkeev M.S. et al. Psychophysiological Characteristics of Male Survivors of Myocardial Infarction. *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(1):19-22. DOI: 10.21103/Article9(1)_OA2.
40. Kopteva L.A., Mishina E.S., Zatolokina M.A. et al. Morphological Approach to the Study of the Dynamics of Changes in the Fibrous Structures of the Dermis in Dermotension. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(1):96-98. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA17.
41. Kotova J.A., Zuikova A.A., Pashkov A.N. et al. Markers of Endothelial Damage, Inflammation, Oxidative and Cellular Stress in Patients with Coronary Artery Disease and Type 2 Diabetes. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(2):104-107. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA2.
42. Kotova J.A., Zuikova A.A., Pashkov A.N. et al. Markers of Oxidative Stress in Patients with Coronary Heart Disease. *International Journal of Biomedicine*. 2018;8(2):115-117. DOI: 10.21103/Article8(2)_OA1.
43. Kozlova M.V., Vasiliev A.Y., Arutiunian B.A. A Non-Invasive Method for the Diagnosis of Sjogren's Syndrome with the Evaluation of the Capacity of Salivary Glands. *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(1):26-30. DOI: 10.21103/Article9(1)_OA4.

44. Krasnorutskaya O.N., Ledneva V.S., Bugrimov D.Y. et al. The Importance of Clinical and Biochemical Markers in the Diagnosis of Disorders of the Psychomotor and Physical Development of Children who Underwent Perinatal CNS Lesions. *International Journal of Biomedicine*. 2018;8(2):129-133. DOI: 10.21103/Article8(2)_OA4.
45. Kravchenko A.Y., Chernykh A.A., Budnevsky A.V. et al. Relationship Between Within-Visit Blood Pressure Variability and Kidney Function in Patients with Arterial Hypertension. *International Journal of Biomedicine*. 2017;7(2):91-95. DOI: 10.21103/Article7(2)_OA1.
46. Krivonogova E.V., Poskotinova L.V., Krivonogova O.V. Auditory Evoked Potential P300 and Risk of Internet Addiction in Young People. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(2):157-160. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA14.
47. Kruglov A.G., Utkin V.N., Vasilyev A.Y. et al. Spatial Synchronization of Hemodynamics and Metabolism in Norm. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(1):24-28. DOI: 10.21103/Article10(1)_OA2.
48. Kruglov A.G., Utkin V.N., Vasilyev A.Y. Synchronization of Wave Flows of Arterial and Venous Blood with Phases of the Cardiac Cycle in Norm: Part 1. *International Journal of Biomedicine*. 2018;8(2):123-128. DOI: 10.21103/Article8(2)_OA3.
49. Kurashova N.A., Bairova T.A., Dolgikh M.I. Features of the Processes of Lipoperoxidation and Antioxidant Protection in the Pathogenesis of Infertility in Men of Different Ethnic Groups, Carriers of Nonfunctional Polymorphisms of the GSTT1 and GSTM1 Genes. *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(1):31-34. DOI: 10.21103/Article9(1)_OA5.
50. Kurashova N.A., Dashiev B.G., Kolesnikova L.I. Sperm Quality and Oxidative-Antioxidant Profile in Men Living in Different Regions of Siberia. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(4):369-372. DOI: 10.21103/Article10(4)_OA7.
51. Kutashov V.A., Ulyanova O.V., Protasov I.S. et al. Some Questions of the Mixed Anxiety-Depressive Disorders in Patients with Cerebellar Stroke in the Early

- Period of Convalescence. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(2):108-111. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA3.
52. Kuzibaeva R.K., Volkov V.G. Preterm Birth in Nulliparous Women. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(1):39-41. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA7.
53. Laptiyova A.Y., Andreev A.A., Glukhov A.A. et al. Prevention of Post-Resection Acute Liver Failure by Various Methods of Cyanocobalamin Administration in the Experiment. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(3):257-261. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA11.
54. Legostaeva Y.B., Markova S.V., Shadrinova O.V. Environmental Assessment of the Content of Trace Elements in the Components of the Ecosystem of the Vilyuy Region of Yakutia. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(3):281-286. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA17.
55. Lezhnev D.A., Vislobokova E.V., Kiselnikova L.P. et al. Analysis of Mineral Density of Calcified Tissues in Children with X-Linked Hypophosphatemic Rickets and Hypophosphatasia Using Cone Beam Computed Tomography Data. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(1):53-57. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA11.
56. Madaeva I., Semenova N., Zhambalova R.M. et al. Polysomnographic Pattern of Melatonin Therapy in Perimenopausal Women. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(2):161-164. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA15.
57. Mamaeva S.N., Kononova I.V., Alekseev V.A. et al. Determination of Blood Parameters using Scanning Electron Microscopy as a Prototype Model for Evaluating the Effectiveness of Radiation Therapy for Cervical Cancer. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(1):32-38. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA6.
58. Mamaeva S.N., Kononova I.V., Ruzhansky M. et al. Using Scanning Electron Microscopy and Atomic Force Microscopy to Study the Formation of Nanoparticles on Red Blood Cell Surface in Cervical Cancer Patients. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(1):70-75. DOI: 10.21103/Article10(1)_OA12.

59. Martusevich A.K., Bocharin I.V., Ronzhina N.A. et al. The Peculiarities of Heart Rate Variability in Student Athletes. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(2):169-172. DOI: 10.21103/Article11(2)_OA9.
60. Medvedeva N.N., Shulmin A.V., Nikolaev V.G. et al. Associations Between Neuropsychophysiological and Dermatoglyphic Indicators in the Assessment of Human Health. *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(1):48-51. DOI: 10.21103/Article9(1)_OA9.
61. Mishina E.S., Zatolokina M.A., Gorbunova M.V. et al. Comprehensive Study of the Structural Components of the Skin: From Routine Methods to Modern Microscopy Methods. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(2):216-219. DOI: 10.21103/Article11(2)_OA16.
62. Myasnikov A.I., Berns S.A., Zverev K.V. et al. Efficacy of Interferon Gamma in the Prevention of SARS-CoV-2 Infection (COVID-19): Results of a Prospective Controlled Trial. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(3):182-188. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA1.
63. Narodova E.A., Rudnev V.A., Shnayder N.A. et al. Parameters of the Wrist Tapping using a Modification of the Original Method (Method of exogenous rhythmic stimulation influence on an individual human rhythm). *International Journal of Biomedicine*. 2018;8(2):155-158. DOI: 10.21103/Article8(2)_OA10.
64. Narodova E.A., Shnayder N.A., Karnaukhov V.E. et al. Effect of Wrist Tapping on Interhemispheric Coherence in Patients with Juvenile Myoclonic Epilepsy. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(1):73-77. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA12.
65. Narodova E.A., Shnayder N.A., Karnaukhov V.E. et al. Influence of Wrist Tapping on Alpha Rhythm Synchronization in Patients with Juvenile Myoclonic Epilepsy. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(4):347-351. DOI: 10.21103/Article10(4)_OA3.
66. Nekrasov M.A., Khritinin D.F., Sumarokova M.A. et al. Combined Antirelapse Therapy in Patients with Schizoaffective Disorder: A Prospective Cohort Study.

- International Journal of Biomedicine 2016;6(2):119-123. DOI: 10.21103/Article6(2)_OA5.
67. Okhremchuk L.V., Seminskiy I.Z., Darenskaya M.A. et al. Changes in the Biochemical Parameters of Rat Blood when Administering Toxic Doses of Sodium Valproate. International Journal of Biomedicine. 2020;10(3):266-269. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA13.
68. Panteleeva N.I., Zamenina E.V., Roshchevskaya I.M. et al. The Electrical Activity of the Heart during Ventricular Repolarization and Types of the Remodeling of the Athlete's Heart. International Journal of Biomedicine. 2019;9(4):297-299. DOI: 10.21103/Article9(4)_OA4.
69. Pavlova N.I., Kurtanov Kh.A., Diakonova A.T. et al. Genetic Predictors for the Development of Congenital Orofacial Clefts. International Journal of Biomedicine. 2020;10(1):50-53. DOI: 10.21103/Article10(1)_OA7.
70. Pavlova T.V., Vasilyev A.Yu. Iatrogenic Injuries During Puncture Procedures Applied To Breast. International Journal of Biomedicine. 2021;11(1):14-17. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA2.
71. Petrova L.I., Sleptsova S.S., Petrova A.N. et al. Analysis of Long-Term Morbidity of Syphilis in the Republic of Sakha (Yakutia). International Journal of Biomedicine. 2020;10(3):278-280. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA16.
72. Polozova A.V., Bojarinov G.A., Ivashchenko M.N. et al. Endogenous Intoxication and the Role of Antioxidants in Motion Activity Correction with Traumatic Brain Injury in Rat Model. International Journal of Biomedicine. 2019;9(1):61-65. DOI: 10.21103/Article9(1)_OA12.
73. Poskotinova L.V., Krivonogova O.V., Zaborsky O.S. Effectiveness of Short-Term Heart Rate Variability Biofeedback Training and the Risk of Internet Addiction in Adolescents 15-16 Years of Age. International Journal of Biomedicine. 2020;10(2):153-156. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA13.
74. Potapov A.F., Ivanova A.A., Semenova S.V. et al. Analysis of Treatment Outcomes in Patients with Cold Injuries. International Journal of Biomedicine. 2020;10(3):274-277. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA15.

- 75.Privalova E.G., Shumina Y.A., Vasilyev A.Y. et al. The Phantom for Studying Foreign Bodies' Echo-Signs. International Journal of Biomedicine. 2020;10(2):124-128. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA7.
- 76.Protopopova N.V., Druzhinina E.B., Boldonova N.A. et al. Application of Exogenous Luteinizing Hormone in IVF Patients of Late Reproductive Age. International Journal of Biomedicine. 2020;10(2):112-115. DOI: 10.21103/Article10(2)_OA4.
- 77.Radzinsky V.E., Gasanova B.M., Polina M.I. et al. Perinatal Outcomes in Pregnant Women with Anemia of Various Geneses. International Journal of Biomedicine. 2020;10(3):241-246. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA8.
- 78.Semenova N.V., Madaeva I.M., Brichagina A.S. et al. Advanced Oxidation Protein Products and the CLOCK 3111T/C Single Nucleotide Polymorphism in Menopausal Women with Insomnia. International Journal of Biomedicine. 2020;10(4):352-356. DOI: 10.21103/Article10(4)_OA4.
- 79.Shamaev D.M., Luzhnov P.V., Iomdina E.N. A Pressure Sensor for an Electrode System in Transpalpebral Rheoophthalmography. International Journal of Biomedicine. 2018;8(2):159-161. DOI: 10.21103/Article8(2)_OA11.
- 80.Sheina N.I., Budanova E.V., Mjalina L.I. et al. A Quantitative Assessment of the Morphofunctional Activity of the Population of Mast Cells Exposed to Biotechnological Strains of Microorganisms. International Journal of Biomedicine. 2018;8(2):150-154. DOI: 10.21103/Article8(2)_OA9.
- 81.Shubakov A.A., Mikhailova E.A. Production, Properties and Swelling of Copper-Pectic Gel Particles in an Artificial Gastroenteric Environment. International Journal of Biomedicine. 2021;11(1):50-52. DOI: 10.21103/Article11(1)_OA10.
- 82.Shurygin S.N., Vaganov A.G., Tsulaya A.S. et al. Experimental Substantiation for the Effectiveness of Gastrostomy using a Polypropylene Endoprosthesis Based on a Comparative Morphological Assessment of the State of the Hollow Organs of the Gastrointestinal Tract. International Journal of Biomedicine. 2020;10(3):251-256. DOI: 10.21103/Article10(3)_OA10.

83. Shurygin S.N., Vaganov A.G., Tsulaya A.S. et al. Morphological Substantiation for the Effectiveness of the Proposed Method of Gastrostomy using a Polypropylene Endoprosthesis. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(1):45-49. DOI: 10.21103/Article10(1)_OA6.
84. Sofronova S.I., Kirillina M.P., Nikolaev V.M. et al. Ethnic-Related Characteristics of Lipid and Carbohydrate Metabolism in the Indigenous Population of Yakutia. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(1):58-60. DOI: 10.21103/Article10(1)_OA9.
85. Solovarov I.S., Khasnatinov M.A., Shishlyannikova T.A. et al. Fractionating the Plant Extract in Mini Volumes to Purify the Potential Antivirals from Terminalia Chebula. *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(1):57-60. DOI: 10.21103/Article9(1)_OA11.
86. Starodubtseva M.S., Lezhnev D.A., Vasilyev A.Y. et al. Potential of Routine X-ray Examinations in Detecting Signs of Asymptomatic Carotid Disease. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(1):36-40. DOI: 10.21103/Article10(1)_OA4.
87. Stroganova M.A., Dmitrenko D.V., Artyukhov I.P. et al. Association Between IL1B and SCN1A Polymorphism and Febrile Seizures in Children in Siberia. *International Journal of Biomedicine* 2017;7(2):96-103. DOI:10.21103/Article7(2)_OA2.
88. Tereshchenko G.V., Kriventsova N.A., Kupriyanov D.A. et al. Quantitative Bone Marrow MRI in Children with Acute Lymphoblastic Leukemia. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(2):141-145. DOI: 10.21103/Article11(2)_OA3.
89. Tipisova E.V., Gorenko I.N., Popkova V.A. et al. The Relationship between Blood Thyroid Hormone and Dopamine Levels in Residents of the Arctic Regions of Russia. *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(1):43-47. DOI: 10.21103/Article9(1)_OA8.
90. Tokmachev R.E., Kravchenko A. Ya., Budnevsky A. V. et al. Features of the Functional Status and Cytokine Profile of Patients with Chronic Heart Failure in

- Combination with Chronic Obstructive Pulmonary Disease. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(1):9-13. DOI:10.21103/Article11(1)_OA1.
91. Tokmachev R.E., Kravchenko A.Y., Budnevsky A.V. et al. Predictive Markers of Atrial Fibrillation Progression in Heart Failure. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(1):20-23. DOI: 10.21103/Article10(1)_OA1.
92. Tokmachev R.E., Kravchenko A.Y., Budnevsky A.V. et al. sST2 Protein Serum Levels in Patients with Chronic Heart Failure. *International Journal of Biomedicine*. 2020;10(4):342-346. DOI: 10.21103/Article10(4)_OA2.
93. Tribuntceva L.V., Shkatova Y.S., Avdeev S.N. et al. Clinical Phenotype "Obesity-Asthma" as One of the Main Problems of Personalized Pulmonology. *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(2):117-120. DOI 10.21103/Article9(2)_OA6.
94. Tsvetikova L.N., Goncharenko O.V., Budnevsky A.V. et al. Melatonin in Treatment of Sleep Disorders in Elderly Patients with Chronic Obstructive Pulmonary Disease. *International Journal of Biomedicine* 2017;7(2):108-110. DOI:10.21103/Article7(2)_OA4.
95. Urazova O.I., Chumakova S.P., Vins M.V. et al. Characteristics of Humoral Regulation of Differentiation of Bone Marrow Monocyte Subpopulations in Patients with Ischemic Cardiomyopathy. *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(2):91-96. DOI 10.21103/Article9(2)_OA1.
96. Zatulokina M.A., Mishina E.S., Sozykin A.A. et al. Morphological Features of Foreign Body Giant Cells in Experimental Conditions. *International Journal of Biomedicine*. 2021;11(2):212-215. DOI: 10.21103/Article11(2)_OA15.
97. Zuikova A.A., Krasnorutskaya O.N., Kotova J.A. et al. Clinical Efficacy of Sodium Deoxyribonucleate in the Treatment of Acute Respiratory Infections. *International Journal of Biomedicine*. 2019;9(1):52-56. DOI: 10.21103/Article9(1)_OA10.

Приложение А

Таблица 7

Лингвостилистические повторы в РРЯ текстах корпуса 2 и РАЯ текстах корпуса 3

лексические	<p><u>Причиной бесплодия</u> в 13% случаев был мужской фактор, в 87% случаев – женское бесплодие. <u>Причиной женского бесплодия</u> в 45% случаев являлся трубно-перитонеальный фактор, 5% – эндокринный фактор. 50% – сочетанное бесплодие. Так, в ФЖ <u>женщин с бесплодием</u> более 5 лет уровень свДНК был выше, чем в группе с длительностью бесплодия ≤5 лет (36,6 vs 40,9 нг/мл; $p = 0,03$). Уровень свДНК в группах женщин с первичным и вторичным бесплодием (40,0 vs 41,1 нг/мл), мужским и женским факторами бесплодия (40,9 vs 39,2 нг/мл), а также с различными факторами женского бесплодия (трубно-перитонеальным, эндокринным, сочетанным) значимо не различались. –</p> <p>в данном примере авторы используют разные глаголы в сходных конструкциях в пределах одного абзаца в предложениях, следующих друг за другом, с явным намерением избежать повторов.</p>	<p><i>Thus, in ISIAH rats <u>there was an increase</u> in toxic TBA-active products and a <u>decrease</u> in TTA, α-tocopherol and retinol in comparison with normotensive animals; in AH adolescents <u>there was an increase</u> in the content of intermediate-KD-CT and final TBA-active products, and a <u>decrease</u> in the α-tocopherol level in relation to the comparison group. –</i></p> <p>в данном примере, с одной стороны, наблюдается повтор грамматической структуры <i>there was</i>, с другой стороны, авторы стремятся избежать лексических повторов и употребляют фразы in comparison with/ in relation to the comparison group для выражения сравнения в однотипных структурах.</p> <p><i>According to anthropometrical reference data, 30/16.8% patients had normal weight; 90/50.6% patients were overweight; 49/27.5% patients had first-degree obesity; –</i></p> <p>в данном примере в рамках одного предложения авторы используют три разных глагола-сказуемых для обозначения сходного понятия - веса тела человека.</p>
-------------	---	---

СИНТАКСИЧЕСКИЕ	<p><i>Материалом для исследования служила периферическая кровь, взятая из локтевой вены утром натощак...</i></p> <p><i>взятие крови производили на 7-е сутки после детоксикационной терапии. –</i></p> <p>в пределах одного абзаца авторы пытаются избежать повторения;</p>	<p><i>The AH diagnosis was based on 2018 ESC/ESH Guidelines... The insomnia diagnosis was based on the international classification of sleep disorders. The study was approved by the Ethics Committee... Written informed consent was obtained from each patient –</i></p> <p>в пределах одного абзаца в каждом предложении четко повторяется грамматическая структура страдательного залога</p>
-----------------------	---	---

Таблица 8

Употребление сложных предложений в РРЯ текстах корпусов 2 и РАЯ текстах корпуса 3

Сложные предложения	
корпус 3	корпус 2
<p><i>Exclusion criteria were patients' refusal to participate in this study; asthma exacerbation; acute and chronic neurological, psychiatric and endocrinological disorders at the time of examination; chronic diseases in the acute stage; severe and decompensated diseases of liver and kidneys; severe and decompensated cardiovascular diseases (acute period of myocardial infarction, unstable angina, transient ischemic attack, intracerebral hemorrhage, acute heart failure, etc.); cancer; multiple organ failure of different genesis; cancer; pregnancy and lactation; severe infectious diseases. (74 слова, (4))</i></p>	<p><i>Учитывая тот факт, что механизмы этанолиндуцированного фиброгенеза до конца не расшифрованы, интерес к оценке состояния клеточного звена врожденного и адаптивного иммунитета больных алкогольной болезнью печени (АБП) продиктован участием иммунных клеток в регуляции воспалительных и регенеративных реакций, возникающих в ответ на повреждение гепатоцитов, и, в конечном итоге, их ролью в модуляции печеночного фиброгенеза. (53 слова, (3р))</i></p>
<p><i>Interaction of venous and arterial boluses, with differentiated external myocardial exposure, along the path "venous block of the heart–lung–arterial block of the heart," forms averaged (compensated by the flexible septum) variable pressure values between the stages of intracardiac routes of BBs (unidirectional, synchronous, but spread in the space (79 слов, (3))</i></p>	<p><i>Бактериологическое исследование проводилось путем посева суспензированного участка раны на плотной питательной среде газонным способом, после чего проводили подсчет выросших колоний (предварительно посева 20 ч инкубировали в термостате при 37 °C и 1 сутки при комнатной температуре) (36 слов, (4р))</i></p>

<p><i>The inclusion of Derinat in the complex therapy of COPD contributed to the normalization of the T-cell to B-cell ratio, an increase in the number of T suppressors, which probably can increase the expression of receptors mediating the Fas-dependent mechanism of apoptosis induction, contributing to the normalization of the protective function of the bronchial mucosa and a pronounced reparative effect. (60 слов, (5))</i></p>	<p><i>Так, способ диагностики варикозной болезни вен таза, заключающийся в рентгенологическом исследовании, возможно, позволил бы провести объективную оценку ветвления сосудов венозной системы прямой кишки, однако этот способ применим при изучении особенностей строения сосудов органов малого таза лишь кавальной венозной системы. (39 слов, Русских А.Н., Шабоха А.Д.)</i></p>
<p><i>The information thesaurus of the SS venous blood flow does not contain extracranial blood admixture but contains, along with other parameters, hemodynamic parameters and metabolites of blood flows from the cavernous sinus (including the dynamics of CaS impulses), transverse sinus, and straight sinus (vein collector from deep brain structures), and pressor (wave) effect of the dynamics of the pial chamber. (60 слов, (3))</i></p>	<p><i>Однако мы склонны рассматривать нарастание их концентраций как негативный фактор, реализация которого может инициировать усиленный синтез белков внеклеточного матрикса, ремоделирование поврежденной трабекулярной сети, что приведет к увеличению сопротивления оттоку ВГЖ и повышению внутриглазного давления. (34, (3р))</i></p>
<p><i>In patients with acute appendicitis (AA) and the presence of such complications as typhlitis, abscesses or atypical location of the appendix, the performance of a minilaparotomy is preferable to video laparoscopy. (31 слово, (1))</i></p>	<p><i>Все вышеизложенное диктует необходимость постоянной разработки и внедрения в клиническую практику новых комбинаций антисептиков, противомикробных препаратов на основах, способных продолжительно выделять в рану активное вещество, что, в свою очередь, сократит частоту перевязок. (32 слова, (4р))</i></p>